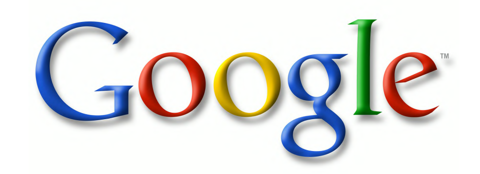
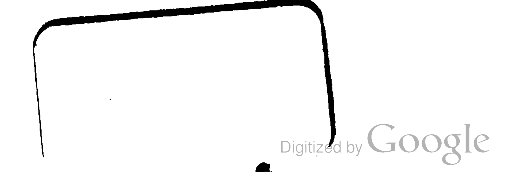



UC-NRLF
B 3 469 135





Л. Ф. Пантелѣевъ.

Изъ раннихъ воспоминаній.

Старый домъ.— По вечерамъ.— Енюшка.— Екатерина Степановна.— Исполиновъ. — Чижиковъ. Юристы. — Иванъ Николаевичъ. — Вина Ивана Николаевича и Бѣляевъ.—Большой начетчикъ.—Ошибочка Саши Котловой.—Обывательская тоска.—Первая поѣздка въ деревню.—На лѣтнихъ кондиціяхъ.— Сборы и отъѣздъ въ университетъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій просп., 8.
1903.

Изданія Л. Ф. Пантелѣева.

Учебники и учебныя пособія.

Серія первоначальныхъ учебниковъ, пер. съ англ. М. А. Антоновичемъ: *Введеніе*, проф. *Гексли*. Ц. 40 к. *Химія*, проф. *Роско*, съ 36 рис. Ц. 30 к. *Физика*, проф. *Бальфуръ-Стюарта*, съ 48 рис. Ц. 75 к.

Мейеръ, А. М. *Звукъ*. Съ 60 рис., пер. М. А. Антоновича. Ц. 1 р.

Мейеръ, А. и Бернаръ. *Свѣтъ*. Съ 29 рис., пер. М. А. Антоновича. Ц. 50 к.

Гердъ, А. Я. Краткій курсъ всеобщей географіи съ 19 рис. Ц. 25 к. **Его-же.** Учебникъ географіи (для ср. уч завед.). Ч. I. Общій обзоръ земного шара, съ 50 рис., изд. 6-ое. Ц. 50 к. Ч. II и III. Азія, Австралія, Полинезія, Африка и Америка, съ 12 рис., изд. 2-ое. Ц. 1 руб. Ч. IV. Европа. Ц. 75 к. **Его-же.** Краткій курсъ естествовѣдѣнія, съ 231 рис. Изд. 11-ое. Ц. 1 р. 25 к. **Его-же.** Міръ Божій, Земля, Воздухъ и Вода, для уч. нач. шк., съ 42 рис., изд. 5-ое. Ц. 25 к.

Гейки. Учебникъ физической географіи, пер. съ англ. А. Я. Гердъ, съ 78 рис. и 10 картами въ приложеніи. Ц. 2 р.

Общедоступный космосъ. Лекціи: *Роско:* Изъ чего составлена земля.— *Локайеръ:* Почему такой составъ земли, каковъ онъ есть.— *Уильямсонъ:* Послѣдовательность жизни на землѣ. Съ 50 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к.

Бойсъ, Ч. В. Мыльные пузыри. Четыре лекціи о волосности, прочитанныя передъ молодой аудиторіей, пер. съ франц. Ц. 60 к.

Леббокъ. Цвѣты, плоды и листья. Ц. 1 р. 25 к.

Бекетовъ, А. Н. Бесѣды о землѣ и тваряхъ на ней живущихъ, изд. 7-ое, съ 18 рис. Ц. 50 к.

Гуржеевъ, С. Учебникъ механики, изд. 4-ое. Ц. 1 р. 50 к. **Его-же.** Прикладная механика, изд. 3-е. Ц. 2 р. 50 к. **Его-же.** Элементарный курсъ сопротивленія матеріаловъ и графостатики. Ц. 1 р. 50 к.

Арендтъ, Р. Основныя начала химіи, съ 178 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Дамскій, А. В. Равенство химическихъ превращеній. Ц. 1 р.

Джевонсъ Стенли. Элементарный учебникъ логики. Ц. 2 р.

Историческія чтенія. Масперо. Древняя исторія. Египетъ и Ассирія съ 192 рис., изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к.—Гиро. Частная и общественная жизнь грековъ, съ 70 рис. Ц. 3 р.—Гиро. Частная и общественная жизнь римлянъ, съ 107 рис. Ц. 3 р.—Ланглуа, Ш. Исторія среднихъ вѣковъ (396—1270), съ 81 рис. Ц. 2 р. 50 к.—Марьежоль, Ж. Г. Исторія среднихъ вѣковъ и новаго времени (1270—1610), съ 111 рис. Ц. 2 р.—Лакуръ Гайэ, Ж. Исторія новаго времени (1610—1789), съ 76 рис. Ц. 2 р. 50 к.—Мерцаловъ, А. Е. Очерки изъ исторіи смутнаго времени. Ц. 1 р.

Джевонсъ, С. Основы науки. Трактатъ о логикѣ и научномъ методѣ, пер. съ англ. М. А. Антоновича. Ц. 4 р. 50 к.

Тэнъ, И. Объ умѣ и познаніи. 2-ое изд. Ц. 3 р.

Топинаръ. Антропологія. Пер. съ фр. п. ред. проф. И. Мечникова. Ц. 4 р.

Шимкевичъ, В. Наслѣдственность и попытки ея объясненія. Ц. 1 р.

Овелакъ, Аб. Лингвистика. Пер. съ франц. Ц. 2 р.

Спиноза, Б. Этика. Изд. 3-ье. Ц. 1 р. 50 к.

Гюйо, Л. Искусство съ точки зрѣнія соціологіи. Ц. 2 р. 50 к.

Л. Ф. Пантелѣевъ.

Изъ раннихъ воспоминаній.

Старый домъ.— По вечерамъ.— Енюшка.— Екатерина Степановна.— Исполиновъ. — Чижиковъ. Юристы. — Иванъ Николаевичъ. — Вина Ивана Николаевича и Бѣляевъ.—Большой начетчикъ.— Ошибочка Саши Котловой.—Обывательская тоска.—Первая поѣздка въ деревню.— На лѣтнихъ кондиціяхъ.— Сборы и отъѣздъ въ университетъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій просп., 8.
1903.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вмѣсто предисловія 1
I. Старый домъ 9
II. По вечерамъ 20
III. Енюшка 25
IV. Екатерина Степановна 30
V. Исполиновъ 40
VI. Чижиковъ. Юристы 46
VII. Иванъ Николаевичъ 52
VIII. Вина Ивана Николаевича и Бѣляевъ 61
IX. Большой начетчикъ 77
X. Ошибочка Саши Котловой 95
XI. Обывательская тоска 116
XII. Первая поѣздка въ деревню 134
XIII. На лѣтнихъ кондиціяхъ 164
XIV. Сборы и отъѣздъ въ университетъ 174

Вмѣсто предисловія.

Я родился въ 1840 г., въ Сольвычегодскѣ. Моя мать была изъ старинной купеческой семьи въ Вологдѣ Поповыхъ-Введенскихъ; выучилась она читать въ женскомъ монастырѣ, а кое-какъ писать—ужъ самоучкой.

— Тогда (т. е. въ началѣ девятнадцатаго вѣка), разсказывала матушка, дѣвушекъ писать не учили.—Для чего имъ умѣть писать? говорили старики: развѣ чтобъ потомъ любовныя письма посылать.

Отецъ матушки велъ большую торговлю съ Архангельскомъ и оставилъ крупное состояніе; но старшіе сыновья, принявъ дѣло, скоро запутались и поспѣшили сбыть съ рукъ незамужнихъ сестеръ, конечно, не спрашивая ихъ согласія. Одну выдали за богатаго старика, да такого стараго, что не скоро нашли



священника, который за двѣсти рублей согласился повѣнчать его; матушка, казалось, была счастливѣе, она вышла за молодого, хотя и небольшого чиновника. Благодаря поддержкѣ дяди-воспитателя, секретаря консисторіи, человѣка денежнаго, мужъ матушки скоро получилъ мѣсто подлѣсничаго въ никольскомъ уѣздѣ,—тогда только губернское начальство носило титулъ лѣсничаго.

— Пока мы жили въ Вологдѣ, въ домѣ дяди, Александръ Өедоровичъ,—такъ звали ея мужа,—былъ какъ «красная дѣвица», не зналъ ни вина, ни картъ, не водилъ никакихъ знакомствъ; дальше службы да церкви по праздникамъ никуда и дороги не зналъ.

Но съ переѣздомъ въ Никольскъ Александръ Өедоровичъ скоро и круто измѣнился: сталъ пить, играть въ карты и наконецъ дошелъ до такого состоянія, что только съ большимъ трудомъ удавалось протрезвить его разъ въ недѣлю для подписи бумагъ съ отходящей почтой. Матушка пріискала надежнаго письмоводителя, которому платила ровно столько, сколько Александръ Өедоровичъ получалъ жалованья, кажется, пятьсотъ рублей ассигнаціями въ годъ. Губернское начальство, конечно, хорошо было освѣдомлено объ его пьянствѣ, къ тому же было не мало охотниковъ на его

мѣсто; потому матушкѣ часто приходилось ѣздить въ Вологду. Тамъ уплативъ кому слѣдовало двѣ тысячи рублей ассигнаціями, она возвращалась домой спокойною, что еще на годъ мѣсто оставлено за Александромъ Ѳедоровичемъ. Такъ тянулось лѣтъ семь. Откуда же брались средства? Въ округѣ считалось около сорока тысячъ ревизскихъ душъ; всѣ онѣ были обложены регулярною и безнедоимочною податью: 50 к. съ души исправнику, по 25 к. стряпчему и лѣсничему и т. д. *). Это могло давать Александру Ѳедоровичу до десяти тысячъ рублей въ годъ, но онъ почему-то считалъ такой поборъ рискованнымъ и имъ не пользовался.

— И безъ него жили, говаривала матушка; домъ былъ, какъ полная чаша, развѣ только птичьяго молока не доставало.

Александръ Ѳедоровичъ много проигрывалъ, ублаготворялось губернское начальство — за все расплачивались казенные лѣса, исчезали цѣлые корабельные боры. Потомъ, кажется, въ годъ смерти Александра Ѳедоровича возникло дѣло, въ резолюціи котораго между про-

*) Съ подобнаго рода обложеніемъ мнѣ пришлось встрѣтиться въ Сибири въ 70-хъ годахъ, только въ нѣсколько измѣненной формѣ, а именно, въ видѣ очень высокаго жалованья волостному писарю, напр., по 2 р. съ души.

чимъ значилось: «за смертью подлѣсничаго Архангельскаго, послѣ котораго никакого имущества не оказалось, взыскать столько-то съ такихъ-то крестьянъ», почему-то прикосновенныхъ.

— Разъ набралась я страху,—пріѣхалъ губернаторъ, а мой Александръ Ѳедоровичъ какъ нарочно въ ту пору такъ запилъ, что я со всѣми дѣтьми перебралась въ баню; но все, благодаря Бога, кончилось благополучно. Губернаторъ оказался старичокъ-генералъ (кажется, Кузьминъ), любилъ онъ выпить да повеселиться; прожилъ въ Никольскѣ (и теперь одинъ изъ самыхъ захолустныхъ городовъ, можно себѣ представить, чѣмъ онъ былъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ!) двѣ недѣли,—едва вѣдь выпроводили; каждый день обѣды да вечера съ танцами, все виноградное вино, что имѣлось въ городѣ, до послѣдней бутылочки было выпито, нѣсколько разъ посылали за нимъ въ Устюгъ. Ну, конечно, всѣ чиновники въ свое время явились къ губернатору; только Александръ Ѳедоровичъ не показался. Вотъ губернаторъ посылаетъ за нимъ своего адъютанта. Приходитъ къ намъ адъютантъ и видитъ: Александръ Ѳедоровичъ въ чемъ мать родила катается по полу, а по полу розлито прованское масло, варенье. На требованіе немедленно явиться къ

губернатору онъ отвѣтилъ:—«Скажи своему старому дураку, что мнѣ и дома хорошо, видишь, что я, какъ сыръ въ маслѣ, катаюсь».— А вечеромъ возьми да и явись на балъ,—пробрался, какъ-то не замѣтили; сверхъ нижняго бѣлья только и надѣлъ одинъ мундиръ, да прицѣпилъ шпагу и въ этомъ видѣ прямо къ губернатору:—честь имѣю рапортовать Вашему Превосходительству, что отъ дождя лѣса горятъ. — А губернаторъ, тоже самъ едва на ногахъ стоитъ, только и сказалъ мнѣ: «А шутникъ же у васъ мужъ, Анна Ивановна... отъ дождя лѣса горятъ! ха, ха!» — Кое-какъ удалось вывести Александра Ѳедоровича.

Матушка вела собственно только канцелярское дѣло, да улаживала отношенія съ губернскимъ начальствомъ; но вотъ, по ея словамъ, жена стряпчаго, человѣка недалекаго и слабаго, такъ та, можно сказать, управляла всѣмъ уѣздомъ; ни одно сколько-нибудь серьезное дѣло не могло миновать ея рукъ; а рекрутскій наборъ не только въ никольскомъ уѣздѣ, но даже въ смежныхъ устюжскомъ и тотемскомъ прямо таки былъ ея спеціальностью.

Проживъ съ Александромъ Ѳедоровичемъ восемь лѣтъ, матушка овдовѣла; затѣмъ года черезъ два вышла за моего отца. Я отъ него

остался шести мѣсяцевъ, и все, что знаю о немъ, со словъ матушки. Онъ былъ изъ кантонистовъ; дѣдъ подъ старость ослѣпъ; когда отцу минуло 9—10 лѣтъ, дѣдъ, жившій на родинѣ, гдѣ-то не особенно далеко отъ Москвы, взялъ въ одну руку посохъ, а въ другую сына и, явившись въ Москву, сдалъ его начальству. Тогда дѣти солдатъ обязательно дѣлались солдатами. Пройдя кантонистскую школу, отецъ попалъ въ роту, которая была предназначена для выучки образцовъ въ армейскіе полки.

— Били насъ не на животъ, а на смерть, били, когда вздумается и чемъ попало,—полѣно подвернется—полѣномъ, скамейка—скамейкой. Изо всей роты только двѣнадцать человѣкъ (въ числѣ ихъ и мой отецъ) и были выпущены въ армію; остальные или заблаговременно отправились на тотъ свѣтъ, или были разосланы по инвалиднымъ командамъ *).

---

*) Мой отецъ, по словамъ матушки, отличался правдивостью до ригоризма; его разсказъ о порядкахъ, въ которыхъ онъ воспитывался, подтвердилъ впослѣдствіи офицеръ Григорьевъ, съ которымъ мнѣ пришлось познакомиться въ половинѣ 60-хъ годовъ. Онъ тогда былъ смотрителемъ виленской тюрьмы, гдѣ находились арестованные, состоявшіе подъ слѣдствіемъ особой комиссіи, учрежденной Муравьевымъ по дѣламъ возстанія 63 г.; въ началѣ 80-хъ годовъ Григорьевъ былъ, кажется, нѣкоторое время смотрителемъ петербургскаго дома предварительнаго за-

За выслугу двадцатидвух лѣтъ въ нижнихъ чинахъ отецъ былъ произведенъ въ офицеры и назначенъ въ вологодскій гарнизонный баталь-онъ; здѣсь онъ и женился на матушкѣ. Постоянныя ученья да дежурства начали тяготить отца.

— Захотѣлось ему мѣста поспокойнѣе; снесла я дюжину серебряныхъ ложекъ женѣ батальоннаго командира; ну, отецъ и получилъ мѣсто начальника инвалидной команды въ Сольвычегодскѣ.

Просто тогда было.

Въ Сольвычегодскѣ сталъ отецъ болѣть и съ разрѣшенія начальства неофиціально пріѣхалъ въ Вологду и помѣстился въ лазаретѣ; а матушка осталась завѣдывать командой. Но такъ какъ здоровье отца не поправлялось, то онъ подалъ прошеніе объ отчисленіи его отъ инвалидной команды, а въ Сольвычегодскъ былъ присланъ пріемщикъ, которому матушка и сдала команду и все казенное имущество.— Въ тѣ времена всякая сдача обязательно сопровождалась уплатой пріемщику извѣстной суммы.

ключенія. Онъ тоже происходилъ изъ кантонистовъ и прошелъ черезъ московскій корпусъ (помнится, карабинерный). Хотя его воспоминанія относились къ значительно болѣе позднему времени, когда моего отца уже не было въ живыхъ, тѣмъ не менѣе Григорьевъ не могъ безъ ужаса говорить о своемъ корпусѣ.—Тамъ забитыхъ на смерть хватило бы на цѣлый армейскій корпусъ.—закончилъ онъ разъ свой разсказъ.



— Денегъ у насъ не было, пришлось все распродать. Расплатилась я съ пріемщикомъ и получила отъ него пріемочную вѣдомость; всѣхъ капиталовъ у меня осталось три копейки; вдругъ приносятъ письмо съ почты изъ Вологды, отдала я почтальону эти три копейки и вскрыла письмо, а въ немъ сообщалось: «Ѳедоръ Савельевичъ (мой отецъ) такого-то числа волею Божіею скончался и тогда-то похороненъ».

Матушка затѣмъ перебралась въ Вологду, гдѣ съ чѣмъ-то черезъ годъ и вышелъ ей пенсіонъ—100 р. ас. въ годъ, т. е. 28 р. нынѣшнихъ.

Это коротенькое вступленіе я считалъ не лишнимъ, такъ какъ обстановка моего дѣтства достаточно поясняетъ содержаніе нижеслѣдующихъ очерковъ—воспоминаній. Въ нихъ по большей части сохранены подлинныя имена и фамиліи.

Мои воспоминанія о гимназіи были напечатаны въ «Русскомъ Богатствѣ» за 1901 г.; они здѣсь не перепечатываются, такъ какъ не подходятъ къ формѣ настоящихъ очерковъ, которые въ минувшемъ году были помѣщены частью въ «Сѣверномъ Краѣ», частью въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

I.

Старый домъ.

Я начинаю отчетливо помнить себя съ пятаго года; отъ болѣе ранняго дѣтства есть лишь нѣсколько несвязныхъ воспоминаній. До моего отъѣзда въ университетъ матушка перемѣнила немало квартиръ, платя за нихъ отъ двадцати пяти до семидесяти копеекъ въ мѣсяцъ (такія квартиры теперь стоятъ въ Вологдѣ отъ 2-хъ до 4-хъ рублей и то на самыхъ окраинахъ); на нѣкоторыхъ мы оставались не болѣе двухъ, трехъ мѣсяцевъ, на другихъ жили годами. Хотя матушка всегда старалась нанять комнату съ отдѣльнымъ ходомъ и печкой, однако нерѣдко мы были лишены этихъ удобствъ. Поводомъ къ переѣздамъ большею частью были столкновенія съ хозяйкой изъ-за воды, кочерги и т. п. У матушки сердце было горячее; случалось, поспоритъ съ хозяйкой, обмѣняются нѣсколькими репликами, и, смотришь, дня черезъ два мы уже перебрались на новую квартиру.

Болѣе раннія квартиры по ихъ бытовой обстановкѣ лучше сохранились въ моей памяти; въ позднѣйшихъ начинаетъ выступать личная жизнь и понемногу вытѣсняетъ впечатлѣнія окружающей среды; но особенно самая ранняя квартира, которую я помню, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ больше другихъ оставила слѣдъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Мы тогда жили въ домѣ одного мѣщанина, недалеко отъ церкви Воскресенія. Домъ былъ двухъэтажный, должно быть, очень старый, совсѣмъ чернымъ выглядѣлъ; тогда онъ мнѣ казался необыкновенно большимъ и высокимъ, вѣроятно, отчасти и потому, что сосѣдніе дома были въ одинъ этажъ и отъ времени совсѣмъ ушли въ землю. Вверху жилъ хозяинъ съ семьей, матушка да Екатерина Степановна, хорошенько не помню, кто такая, кажется, вдова-дьяконица, такъ лѣтъ за сорокъ. Большую часть низа занималъ старикъ-столяръ, меньшую Воронецкій съ сестрами, чиновникъ изъ дворянъ; и еще жилъ, вѣрнѣе сказать, за нимъ числилась квартира, Енюшка, молодой дворянинъ изъ мелкопомѣстныхъ. Дѣла хозяина, человѣка уже немолодого, были въ упадкѣ, и онъ едва перебивался отъ мелочной лавочки. Жена его, много моложе, видная собой, «козыристая», какъ говорили о ней, не особенно стѣснялась и свои сердечныя дѣла вела довольно открыто; вмѣстѣ съ тѣмъ любила повеселиться и частенько устраивала вечерки.

— Гдѣ тутъ Петру Ивановичу подняться, говаривали сосѣди: онъ въ домъ, а она изъ дома тащитъ.

Объ Екатеринѣ Степановнѣ и Енюшкѣ будетъ рѣчь особо.

Вмѣстѣ со столяромъ жила его замужняя дочь; мужъ у нея былъ гдѣ-то въ солдатахъ; въ ту пору къ ней похаживалъ одинъ торгующій мѣщанинъ.

У Воронецкихъ никакого помѣстья не было, а капиталовъ и подавно. Братъ служилъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія и получалъ четыре рубля въ мѣсяцъ; доходовъ ему никакихъ не перепадало. Какъ ни дешева была тогда жизнь, все-таки просуществовать на одно жалованье было невозможно; старшая сестра имѣла покровителя, кладбищенскаго діакона, и, должно быть, отъ него получила нѣкоторое пристрастіе къ водочкѣ; младшая занималась кое-какимъ рукодѣліемъ. Обѣ сестры были въ постоянномъ страхѣ, что братъ можетъ получить повышеніе, потому что въ такомъ случаѣ непремѣнно женится. И тогда имъ, бѣднымъ, гдѣ приклонить голову?

— Вотъ Зонтиковъ женился, да и какъ было не жениться, вѣдь шесть рублей сталъ получать; невѣстка-то сестру и выбросила на улицу; хорошо еще, что отецъ Василій въ монастырь пристроилъ.

Несмотря на крайнюю бѣдность, дѣвицы Воронецкія однако не забывали, что онѣ дво-

рянки, а братъ, — что онъ къ тому же и чиновникъ. Припоминаю такую сцену.

Къ дочери столяра уже довольно поздно стучится мѣщанинъ, съ которымъ она почему-то рѣшила покончить; мѣщанинъ ломится въ наружную дверь и не обращаетъ вниманія ни на какіе уговоры не только столяровой жены, но и самого хозяина дома. Тогда выходитъ Воронецкій.

— Ты какъ смѣешь здѣсь шумѣть?!

— Отпирай! реветъ мѣщанинъ.

— Да ты знаешь ли, съ кѣмъ говоришь? Я чиновникъ!

— Вашего брата, чиновниковъ, — отзывается мѣщанинъ,—въ базарный день по грошу связка.

Младшей Воронецкой представлялся случай выйти замужъ: сталъ на нее засматриваться приказчикъ изъ мучного лабаза; но ему было коротко заявлено, чтобы онъ такую глупость совсѣмъ выбросилъ изъ головы. Это рѣшеніе было единогласно одобрено всѣмъ домомъ. Тутъ, кромѣ сословныхъ предразсудковъ, сказались и болѣе гуманныя основанія.

— Статочное ли дѣло Вѣрѣ Константиновнѣ выходить замужъ за Прокудина,—говорила хозяйка, — вѣдь у ихней братіи первое дѣло, какъ напьется пьянъ, принимается жену бить.

Но, будь въ эту пору у хозяйки взрослая дочь, она бы ни на минуту не задумалась вы-

дать ее за Прокудина, потому что въ мѣщанскомъ быту битье женъ не только считалось дѣломъ обыденнымъ, но и естественнымъ.

Всѣ обитатели дома, занятые въ будни своими дѣлами, наканунѣ праздника ходили ко всенощной, а въ самый праздникъ обязательно къ обѣднѣ; если кто по какимъ-нибудь обстоятельствамъ не могъ попасть къ поздней, тотъ непремѣнно бывалъ у ранней. Приходя отъ поздней обѣдни, прежде всего принимались за чай, за которымъ оживленно обсуждались всѣ новости, которыя можно было узнать на паперти, и ужъ потомъ садились за обѣдъ, послѣ чего весь домъ заваливался спать.

Всѣ также усердно постились, соблюдали неукоснительно даже постные дни. Матушкѣ часто и строго выговаривали, что она иногда давала мнѣ молока по постнымъ днямъ.

— Да вѣдь онъ маленькій! Съ него не взыщется! обыкновенно отвѣчала она.

Нужда въ домѣ царила постоянно; поминутно занимали другъ у друга то напойку чаю, то муки, чтобы домѣсить квашню, то даже нѣсколько полѣнъ дровъ; и всегда, конечно, старались отдать,—только квасомъ не считались. Начнетъ кто-нибудь забѣгать безъ всякой нужды, да еще такъ, что непремѣнно попадетъ къ чаю, — вѣрный признакъ, что дома совсѣмъ плохо; но верхомъ неприличія было заходить во время ѣды; во всякомъ случаѣ попавшій въ такой моментъ, несмотря ни на ка-

кіе уговоры, не соглашался хоть что-нибудь попробовать, ссылаясь на то, что вотъ сію минуту только-что пообѣдалъ или поужиналъ, хотя бы на самомъ дѣлѣ у него и росинки во рту не было.

Въ то время никакихъ ломбардовъ не существовало, да и форменныхъ закладчиковъ было не особенно много,—два, три на весь городъ. Профессія эта и тогда однако была не безвыгодна: одинъ офицеръ мѣстнаго батальона даже въ отставку вышелъ, чтобы свободнѣе отдаться этому дѣлу; а и весь-то его оборотный капиталъ былъ три тысячи рублей ассигнаціями, которыя онъ взялъ за женой. Въ самыя трудныя минуты обыкновенно прибѣгали къ закладу иконъ, конечно, если онѣ были въ серебряныхъ окладахъ. Прилагались самыя невѣроятныя усилія, чтобы ихъ выкупить, но нерѣдко приходилось ими поступиться.

— Ужъ до чего дошелъ Иванъ Константиновичъ: вѣдь порѣшилъ съ дѣдовымъ-то благословеніемъ; вотъ срамъ-то какой!

Но тутъ, кромѣ моральной стороны, была и другая: потерять иконы значило лишиться заручки на черный день.

Весь нашъ домъ представлялъ изъ себя точно одну большую семью, гдѣ никакихъ секретовъ не было, постоянно изливали другъ другу свое горе и вѣчно совѣтовались, и притомъ большею частью въ такихъ дѣлахъ, гдѣ для совѣтовъ, казалось бы, и мѣста не оста-

валось. Говоря это, я впрочемъ разумѣю исключительно женскую половину; мужчины держались въ сторонѣ и даже между собой мало сообщались. Хозяинъ, какъ запретъ лавку, сейчасъ же поужинаетъ и спать; столяръ, есть ли, нѣтъ ли работа, весь день за верстакомъ, а вечеромъ заберется на печь и тамъ тоненькимъ старческимъ голосомъ напѣваетъ разныя стихиры; Воронецкій, придя со службы, пообѣдаетъ и обязательно спать; а затѣмъ всегда уходилъ или въ трактиръ, гдѣ съ пріятелями въ складчину по три копѣйки и распивалъ чай, или же у кого-нибудь изъ товарищей игралъ въ карты.

— Была у меня сегодня Петровна (дочь столяра), не знаю, говоритъ, что и дѣлать, Александра Ѳедоровна; а я ей и говорю: да плюнь ты на него, какая отъ него корысть! Ну, точно, по первоначалу никогда съ пустыми руками не приходилъ: то чаю принесетъ, то муки или чего другого, къ Рождеству на платье подарилъ; а теперь придетъ пьяный, да еще какъ куражится. Я ей такого человѣка пріискала, что будетъ жить и нѣжиться какъ барыня.

Въ домѣ всѣмъ извѣстно, что въ это самое время хозяинъ переживаетъ критическій моментъ: надо платить Гурлеву за товаръ, а денегъ нѣтъ; того и гляди, что къ праздникамъ какъ разъ останешься безъ товара.

— Охъ, Анна Ивановна, ума не приложу,

какъ намъ и выбраться изъ бѣды. Петръ Ивановичъ ходилъ-было къ дядѣ; сами знаете, что у него капиталъ чуть не первый по Вологдѣ; такъ что, вы думаете, сказалъ?—«Переведи, говоритъ, лавку на мое имя».—Сдѣлай-ка мы это, такъ вѣдь онъ насъ во всякую минуту изъ лавки-то и выпроводитъ. Вотъ хочу я вашего совѣта спросить,—не дать ли мнѣ обѣщаніе сходить къ Семистрѣльной (недалеко отъ Вологды монастырь съ чудотворной иконой)?

— Что жъ, Александра Ѳедоровна, отчего не пообѣщаться? Она, Царица небесная, владычица пресвятая, изъ пучины морской спасаетъ людей, не только-что въ житейскихъ дѣлахъ помогаетъ, — поучительно поясняетъ матушка.

Книгъ въ домѣ было всего двѣ: у хозяина псалтирь, по которой онъ учился грамотѣ, а теперь для этой же цѣли служила его сыну, да у старшей Воронецкой имѣлась гадательная книга Соломонъ. Всѣ знали, что она у нея есть, въ случаѣ надобности прибѣгали къ ней, и въ то же время никогда о ней не говорили.

— Начни-ка ее вездѣ таскать да всѣмъ давать смотрѣть, она и перестанетъ правду говорить.

Отъ Соломона до гаданій всякаго рода переходъ не великъ. Особеннымъ авторитетомъ пользовалось гаданье въ зеркало; надо только дождаться святокъ, въ другое время оно ни-

чего не дастъ. Но не всѣ на него рѣшались: извѣстно, это гаданье навѣрняка, никогда не обманываетъ; а вдругъ какъ гробъ увидишь? Однако на повѣрку оказывалось, что почти всѣ замужнія или бывшія замужемъ видали своихъ будущихъ мужей.

— Стою я это таково долго, стараюсь не мигнуть, потому, хоть разъ мигнешь, ужъ ничего не увидишь; слезы такъ ручьемъ и текутъ. Ну, думаю, должно быть сегодня ничего не будетъ. Только-что это подумала и вдругъ вижу,—стоитъ мужчина спиной, въ сарпинковой рубашкѣ; только и распознать можно, что русоволосый да коротко стриженъ. И что же вы думаете? Вышла я черезъ годъ за Александра Ѳедоровича, жила съ нимъ восемь лѣтъ, два года вдовѣла, а тутъ опять вышла замужъ за Ѳедора Савельевича. Сталъ это онъ послѣ свадьбы раздѣваться, смотрю, у него сарпинковая рубашка; а самъ-то вѣдь былъ русоволосый и коротко стригся. Вотъ оно зеркало-то, за одиннадцать лѣтъ впередъ хватило!

— А страшно, — отзывается старшая Воронецкая, потерявшая всякую надежду когда нибудь выйти замужъ, — я ни за что не рѣшилась бы смотрѣть въ зеркало.

— Какъ не страшно, — продолжаетъ разсказщица,— первое дѣло надо крестъ снять, а потомъ, зашумитъ ли, застучитъ ли, надо стоять, какъ вкопанная.

— А вотъ Фуражевская такъ съ ума сошла.

— Да вѣдь она увидала человѣка въ саванѣ; въ тотъ же годъ ея жениха на Кавказѣ и убили, вотъ съ той поры она и стала заговариваться.

Кромѣ вѣчно тревожной заботы о завтрашнемъ днѣ, въ домѣ всѣ жили въ постоянномъ страхѣ передъ невидимыми злыми силами. Стукнетъ ли гдѣ въ неурочное время, распахнется ли почему-нибудь дверь, всѣ вздрагиваютъ, а иные даже спѣшатъ перекреститься,—непремѣнно домовой шалитъ; душилъ ли кого кошмаръ во снѣ,—опять дѣло нечистой силы.

— Только-что собралась-было помолиться, какъ закричитъ Машутка; стала я ее кормить, да такъ съ ней и заснула. Ну, и поѣздилъ же «онъ» на мнѣ, еле вѣдь проснулась, вся рубаха была мокрая.

Разъ вечеромъ всѣ большіе куда-то ушли, должно быть, ко всеношной, а насъ маленькихъ собрали въ одну комнату и накрѣпко заказали никуда не выходить. Чѣмъ ужъ мы развлекались, не знаю, только помню, что я сидѣлъ на большомъ столѣ. Вдругъ, какъ мы всѣ заоремъ, да такъ, что изъ низу прибѣжала столярова жена.—Что такое, что съ вами?— Мы всѣ въ одинъ голосъ только и твердимъ: Онъ, онъ, онъ! Тутъ скоро подошли и другіе, и всѣ согласно рѣшили, что это домовой входилъ.

— Ишь нечистая сила, даже дѣтей не оставилъ въ покоѣ!

Нечистой силы боялись на каждомъ шагу: въ баню, особенно вечеромъ, немногіе рѣшались ходить одни; даже оставаться въ темной комнатѣ было дѣло рисковое, того и гляди шутку выкинетъ. Я замѣчаю за собой, что до сихъ поръ, выходя изъ темной комнаты, какъ-то нервно затворяю за собой дверь.

II.

По вечерамъ.

По вечерамъ у всѣхъ женщинъ была та или другая работа, и зачастую у кого-нибудь собирались вмѣстѣ; въ такихъ случаяхъ матушка брала меня съ собою. Двѣ темы преобладали на этихъ ассамблеяхъ. Начинались онѣ съ разныхъ смѣшковъ да взаимныхъ подтруниваній, при чемъ особенно доставалось старшей Воронецкой; она впрочемъ и сама легко давала поводъ: чуть гдѣ-нибудь стукнетъ, сейчасъ и выскочитъ. — Боится мила друга прокараулить, — замѣчали ей въ слѣдъ. А затѣмъ какъ-то незамѣтно переходили къ послѣднимъ новостямъ, преимущественно изъ сферы домашней жизни ближайшихъ сосѣдей или знакомыхъ; но этого рода разговоры совсѣмъ не удержались въ моей памяти, да и были бы неинтересны для читателя. Другая тема, это — разсказы о быломъ фамильномъ величіи, о томъ, какъ отцы и дѣды не только

по Вологдѣ, но и въ Архангельскѣ гремѣли, какіе встарину были простые и строгіе нравы, и что теперь такихъ людей ужъ нѣтъ.

— Бывало у Денежкиныхъ соберется человѣкъ двадцать дѣвицъ да молодцевъ; пляшутъ за полночь, да такъ на полу въ повалку всѣ и лягутъ спать; тогда глупости-то никому и въ голову не приходили, не то, что нынѣ; теперь за дѣвками-то надо смотрѣть, да и смотрѣть. Да и рано же прежде выдавали замужъ: матушка мнѣ сказывала, что она еще цѣлый годъ въ куклы играла, а ужъ съ первымъ ходила.

— Тятенька, царство ему небесное, ухъ какой строгій былъ! Отъ отца остался еще маленькимъ, у матери былъ нелюбимымъ сыномъ: она его потомъ благословила простой иконой да короваемъ чернаго хлѣба, а младшаго, Михайла Михайловича, серебряной да бѣлымъ хлѣбомъ. Дѣдушка былъ первый по Вологдѣ, только подъ-конецъ разорился, отправивъ за море два корабля; а о нихъ и до сего дня ни слуху, ни духу. Вотъ тятенькѣ-то и пришлось начать жить въ чужихъ людяхъ. А какой капиталъ оставилъ, вѣдь въ годъ его смерти одной чистой прибыли было сто тысячъ. За то ужъ и гордый былъ! По зимѣ пріѣдутъ изъ Архангельска браковщики, всѣ за ними ухаживаютъ, да угощаютъ, а онъ дальше передней ихъ не пускаетъ; только бывало и скажетъ: «Ступайте, смотрите». А чего смот-

рѣть-то, товаръ у него былъ всегда первый сортъ, да и слову своему былъ настоящій хозяинъ; у него и въ Архангельскѣ товаръ принимали не смотря; скажетъ, что въ баркахъ пятьдесятъ тысячъ пудовъ, сейчасъ же полный расчетъ и получаетъ. То же хоть бы и въ Вологдѣ, его и начальство уважало: бывало встрѣтитъ Христіана Ивановича,—тогда за вице-губернатора былъ,—«Милости просимъ, Христіанъ Ивановичъ, запросто откушать». И тотъ всегда пріѣзжалъ; помню его—такой худенькій старичокъ былъ. А матушкѣ-то тятенька только и скажетъ: «Завтра у насъ Христіанъ Ивановичъ будетъ, смотри, не выйди стряпухой».—Ахъ, батюшки мои свѣты, да чѣмъ же мы его угощать будемъ?—«Глупая, развѣ у него дома ѣды нѣтъ, онъ ко мнѣ пріѣдетъ, а не наѣдаться».—А теперь, поди-ка, у Витушешниковыхъ, даромъ что первые богачи, часто ли бываетъ Матафтинъ?—кажется, тоже вице-губернаторъ.

— А въ какомъ страхѣ да почтеніи всю семью держалъ, и не приведи Богъ; при немъ не только сыновья или невѣстки, даже жена не смѣла сѣсть, пока не скажетъ: садись. Узналъ онъ какъ-то, что старшій сынъ Николай неладно живетъ: онъ въ одну сторону, а невѣстка въ другую погуливать стали. Вотъ онъ разъ и велѣлъ имъ придти въ субботу обѣдать; послѣ же обѣда какъ будто вмѣстѣ мыться и увелъ ихъ въ баню, да тамъ возжами

и поучилъ ихъ, какъ надо жить. А изъ бани пришли, точно ничего и не бывало; потомъ ужъ долго спустя невѣстка какъ-то проговорилась. Другой разъ прослышалъ онъ, что братъ Александръ, женатый тоже былъ, голубей завелъ; вотъ онъ его и послалъ на пожню, посмотрѣть, хорошо ли сѣно убрано, а вслѣдъ за нимъ самъ пріѣхалъ, да вѣдь какъ его отдѣлалъ, да все приговаривалъ: «Не дѣло купеческаго сына голубей гонять!» Братъ-то Александръ долго потомъ все съ опаской садился.

— Но тоже покойничекъ бывало, хоть и рѣдко, а и самъ сильно зашибалъ. Ну тогда первымъ дѣломъ всю семью соберетъ и велитъ пѣсни пѣть; всѣ стоятъ и пѣсню за пѣсней поютъ иногда до разсвѣта. Я-то еще маленькая была; посадитъ меня къ себѣ на колѣни, такъ бывало у него и засну. Вдругъ какъ онъ заплачетъ, да и проговоритъ: «Все прахомъ пойдетъ!» — Вишь въ сыновьяхъ-то проку не видѣлъ, да и на матушку не полагался. Такъ вѣдь оно и сбылось, — продолжаетъ разсказчица: — и трехъ лѣтъ не прошло послѣ смерти Ивана Михайловича, какъ всѣ и перебанкрутились; только Яковъ Ивановичъ и уцѣлѣлъ, да и то потому, что женился на богатой уродинѣ Окатовой, на которую раньше и смотрѣть не хотѣлъ.

— Ну, и у Шапошниковыхъ капиталъ тоже былъ хорошій, — отзывается хозяйка, — а въ

домѣ чего, чего не было: сколько иконъ въ дорогихъ окладахъ, сундуки ломились отъ канфы да фанзы, одного бурмицкаго жемчуга было болѣе полупуда. — Какъ же все это порѣшилось?—кто-нибудь спроситъ.—Самъ-то Иванъ Петровичъ былъ мужикъ крѣпкій, да не далъ Богъ ему счастья въ женѣ, слаба была до рюмочки; ничего съ ней подѣлать не могъ, ни уговоромъ, ни плетью. Умеръ онъ скоропостижно, дѣти были еще маленькія, приказчики все и растащили; вотъ Мизгиревы-то съ тѣхъ поръ въ силу и вошли. Развѣ такое бы за мной дали приданое! — со вздохомъ заканчивала хозяйка (она была изъ дома Шапошниковыхъ).

О слабости къ водочкѣ купеческихъ женъ стараго времени постоянно приходилось слышать; бабушка моя тоже этимъ грѣшила.

— Нѣтъ, ужъ теперь такихъ людей, какъ были прежде, не найдешь; да и торговля-то держится вся на обманѣ да на вывертахъ. Встарину ни векселей, ни росписокъ не знали, а дѣдушка бывало просто для памяти зарубитъ на косякѣ да скажетъ: «Смотри, въ срокъ не уплатишь, сотру зарубку». Приходитъ должнику срокъ платить, а денегъ почему-нибудь нѣтъ; вотъ онъ въ ногахъ и валяется: «Батюшка, Николай Васильевичъ, не стирай зарубку». А теперь что, хоть весь свой домъ изруби, должникъ-то посмѣется только.

III.

Енюшка.

Веселѣе всѣхъ въ домѣ жилось Енюшкѣ. Это былъ молодой дворянинъ, такъ лѣтъ за двадцать.

— Отъ матушки-то, покойницы, Анны Миколаевны, царство ей небесное, — говаривалъ его вѣрный слуга Парменъ,—какое состояніе ему досталось! Съ умомъ какъ бы не жить. Деревня въ семь дворовъ, мужики все богатѣющіе, первые по нашей сторонѣ, по пятидесяти рублей (ассигнаціями) оброка со двора платили. При деревнѣ—барскій домъ;—чего, чего только не было въ домѣ: однѣхъ иконъ сколько, все въ серебряныхъ окладахъ; только одна была отбѣленная (т. е. посеребренная), такъ ту покойница въ церковь завѣщала. Органъ былъ, заведешь его, онъ и играетъ, все равно, что въ трактирѣ. Тоже двѣ пожни были, ихъ кортомилъ здѣшній Дмитрій Ивановичъ Кузнецовъ, сто рублей платилъ; да

деньгами отъ Анны Миколаевны сотъ пять осталось, — покойница жила съ расчетомъ. Все, голубчикъ, порѣшилъ, все пошло на хороводы, да на платки и пряники дѣвкамъ.

— Кончилъ, это, училище, на службу-то поступать года еще не выходили; а тутъ черезъ два года Анна Миколаевна и скончалась. Вотъ дѣлать-то ему и нечего было; завелъ себѣ ружье да собачку, знай себѣ пострѣливаетъ, да на деревенскихъ дѣвокъ засматривается. Ну, пока Анна Миколаевна жива была, много-то разгуляться не на что было, а какъ схоронилъ ее, и пошли это вечерки да хороводы; дѣвки пляшутъ, а онъ, знай себѣ, на гармоникѣ наигрываетъ. Вотъ теперь послѣднюю пожню продалъ. А добрѣющій! Какъ сталъ деревню продавать, мнѣ-то вольную далъ.

— «Ты теперь, Парменъ, куда хошь можешь идти, ты—вольный!»—А куда я пойду? Развѣ я своего барина кину. Только вѣдь у него и осталось—виноходецъ да я.

— А все отъ его простоты,—продолжалъ Парменъ, — весь въ своего крестнаго, Владиміра Васильевича; у того какое богатство было, вѣдь въ Заозерьѣ-то больше 300 душъ, и все мужики исправные, такъ, поди же ты, въ плевки проигралъ.

— Какъ въ плевки?—кто-нибудь спроситъ.

— Очень просто. Игралъ, это, Владиміръ Васильевичъ въ карты съ Николаемъ Плато-

новичемъ, ну, выпивши, значитъ, былъ. «Что это сегодня игра какая скучная, совсѣмъ карты не идутъ», — это Владиміръ Васильевичъ-то говоритъ. «Давай, Николай Платоновичъ, въ плевки играть, такъ живѣе дѣло пойдетъ».— «Давай!»—Это значитъ, кто дальше плюнетъ. Ну, Владиміръ Васильевичъ двадцать тысячъ и проплевалъ. Послѣ того отъ Заозерья и пришлось отступиться.

Енюшка показывался въ домѣ какимъ-то метеоромъ и всегда немного навеселѣ. Пріѣдетъ на своемъ иноходчикѣ, Парменъ лошадь убираетъ, а Енюшка, если не въ трактиръ, то непремѣнно на домовую ассамблею придетъ. Тутъ всѣ ему рады, а у него въ карманахъ пряники да бублики, всѣхъ сейчасъ же начнетъ угощать; самоваръ велитъ поставить.

И пойдетъ Енюшка разсказывать что-то, должно быть, очень веселое, потому что всѣ заливаются смѣхомъ. А то возьметъ гармонику и запоетъ «Среди долины ровныя» или «Вечерній звонъ». Поетъ онъ, — голосокъ у него такой тоненькій, — а самъ то краснѣетъ, то блѣднѣетъ.

— Ты бы, Енюшка, спѣлъ что-нибудь повеселѣе,—бывало молвитъ хозяйка.

— Что жъ, Александра Ѳедоровна, можно и повеселѣе, — отзывается Енюшка,—и пойдетъ «Какъ у нашихъ, у нашихъ у воротъ».

Захаживалъ иногда Енюшка къ матушкѣ.

— Охъ, Енюшка, Енюшка, какъ посмотрю

я на твое житье, такъ-то становится горько; хорошій ты человѣкъ, а себя не жалѣешь.

— Э, Анна Ивановна, жизнь — копѣйка, голова—бездѣлка, съ голоду не умру; я уже и бумагу послалъ.

— Куда?

— На Кавказъ, Анна Ивановна, на Кавказъ; тамъ нашъ братъ нуженъ. Сейчасъ, это, или ты черкеса штыкомъ, или онъ тебѣ — пулю въ лобъ. Я уже и сивка запродалъ, вчера пять рублей задатку взялъ.

Вскорѣ объ Енюшкѣ и слухъ всякій пропалъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя заходитъ къ намъ странникъ, перекрестился на иконы и сложилъ у порога котомку.

— Здравствуйте, матушка, Анна Ивановна, чай, не узнаете?

Матушка долго и пристально всматривается.

— Да неужто это ты, Парменъ?

— Я самый и есть, матушка.

Изъ дальнѣйшаго разговора оказалось, что Парменъ послѣ отъѣзда Енюшки началъ сильно тосковать; и мѣста ему попадались хорошія,— не могъ нигдѣ долго оставаться. Сталъ онъ ходить по святымъ угодникамъ; но и тутъ тоска не проходила. Рѣшилъ онъ пробраться на Кавказъ.

— Можетъ, и отыщу барина, да погожусь еще ему; вѣдь у него, у бѣднаго, ни роду, ни племени, каково это жить одному на чужой сторонѣ!

И разыскалъ... могилу Енюшки; тотъ умеръ не отъ пули черкесской, а отъ какой-то болѣзни.

— И не довелось мнѣ, сударыня, его, голубчика, повидать, и всего-то умеръ недѣли за двѣ, какъ я добрался до того мѣста. — А сторона дикая: все горы да лѣса, а кругомъ народъ некрещеный, черкесъ. Каково это было ему, бѣдному, умирать; на могилку-то и креста никто не поставилъ. И слезы выступали на глазахъ старика.

— Куда же ты, Парменушка, теперь пробираешься!

— Бобыль вѣдь я, матушка, иду къ отцу Іоанникію, можетъ, и приметъ въ пустынь; вѣдь еще могу потрудиться на святого угодника.

IV.

Екатерина Степановна.

Если Енюшкѣ до поры до времени жилось веселѣе других, то бремя жизни, казалось, всего легче несла Екатерина Степановна. Правда, капиталовъ у нея не водилось, рукодѣльемъ никакимъ не занималась, а жила и, по ея собственнымъ словамъ, благодаря Бога ни въ чемъ нужды не знала. Какъ я уже сказалъ, она была, кажется, вдова-дьяконица; занимала Екатерина Степановна невозможно крохотную комнатку, родъ чуланчика теплаго. Уголокъ свой она держала замѣчательно чистенько, всѣ стѣны были заклеены разными картинками съ конфектъ или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Въ одномъ углу стоялъ кіотъ съ иконами, а въ другомъ, на полочкѣ, была масса всякихъ бездѣлушекъ, большею частью поломанныхъ или по меньшей мѣрѣ склеенныхъ. Вмѣсто кровати служилъ Екатеринѣ Степановнѣ большой сундукъ, и, что въ этомъ сун-

дукѣ, никто не зналъ; только всѣ были убѣждены, что въ немъ разнаго добра немало. Всякій разъ, какъ Екатеринѣ Степановнѣ доводилось за чѣмъ-нибудь сходить въ сундукъ, она тихонько защелкивала свою дверь. Это еще болѣе возбуждало интересъ къ содержимому сундука. Тоже и одѣвалась Екатерина Степановна опрятно; правда, никогда на ней нельзя было увидѣть что-нибудь новое, но все было въ порядкѣ; да впрочемъ иначе при ея профессіи и нельзя было. А профессія Екатерины Степановны состояла въ слѣдующемъ. Екатерина Степановна была живой календарь всѣхъ праздниковъ, не только общихъ, но и мѣстныхъ, знала даже, въ какомъ придѣлѣ какого святого и когда чествуютъ; а въ Вологдѣ вѣдь считалось до пятидесяти церквей. Затѣмъ она еще знала въ извѣстномъ дворянскомъ кругу всѣхъ именинницъ и именинниковъ, дни рожденія, панихиды,—всѣ почему-нибудь памятные въ семьѣ дни. Дома она появлялась только къ вечеру, и въ такомъ случаѣ приходила въ добромъ настроеніи; если же доводилось, что вернется вскорѣ послѣ обѣдни, то непремѣнно ко всѣмъ придирается, а ужъ ко мнѣ—къ первому, и, только напившись чаю, нѣсколько успокаивалась. Но случалось наоборотъ, что и по нѣскольку дней не возвращалась домой.

— Ужъ такая добрая Фелисата Сергѣевна, такая добрая, что и сказать нельзя; вѣдь едва

отпросилась; осталась-было у нея на денекъ, вишь ей что-то непоздоровилось; ну, хоть у нея и три дѣвушки, а все лишній человѣкъ не мѣшаетъ, особливо ночью; дѣвушки все молодыя, разоспятся и не услышатъ, какъ ей что понадобится. Ну, на другой день она и поправилась. Я-было и стала собираться уходить. Куда ты?! «Останься да останься!» Еле вѣдь на пятый день отпустила.

А слушатель думалъ: навѣрное, Фелисата Сергѣевна сказала: «Ну, матушка, пора и честь знать».

Вставала Екатерина Степановна раньше всѣхъ въ домѣ и шла къ заутренѣ, потомъ— къ обѣднѣ, при чемъ всегда выбирала такую церковь, гдѣ обязательно должна была встрѣтить ту или другую именинницу, или новорожденную. Смотря по рангу или особенной благосклонности извѣстной особы Екатерина Степановна заказывала просфору и по окончаніи богослуженія подносила ее вмѣстѣ со своими поздравленіями и всякими пожеланіями.

Обыкновенно особа все принимала и тутъ же милостиво приговаривала: «Заходи къ намъ, Екатерина Степановна». Но иногда въ одинъ день оказывалось нѣсколько именинницъ или какихъ-нибудь другихъ празднествъ; тогда Екатерина Степановна, напившись чаю у наиболѣе важной «благодѣтельницы», обходила потомъ поздравить другихъ и, смотря

по степени ихъ благотворительности, тоже подносила имъ просфоры, или ограничивалась только одними поздравленіями. Просфора стоила двѣ, три копѣйки, а ей благодѣтельницы рѣдко давали менѣе десяти копѣекъ, да еще чаемъ напоятъ, иногда оставятъ и пообѣдать; а въ большіе праздники что-нибудь изъ старья дадутъ.

И жилось бы Екатеринѣ Степановнѣ хорошо и неутрудительно, да были два обстоятельства, которыя и ей давали чувствовать крестъ жизни.

Во-первыхъ, у нея были конкуррентки, и немало. А какъ-то ужъ само-собою складывалось, что въ каждомъ домѣ всегда одна которая-нибудь пользовалась особеннымъ благоволеніемъ.

— Втерлась эта хитрюга, Иванова, къ Фелисатѣ Сергѣевнѣ; та по своей добротѣ ни въ чемъ ей не отказываетъ: намедни муки ей послала, ребятишкамъ холста на рубахи дала, а самой-то вчера платье подарила, и платье-то мало поношенное. Даже дворня вся дивуется, точно она ее приворожила. Только недолго всему этому быть. Знаю я про нее такую штучку, что близко двора не велятъ пущать.

А то придетъ Екатерина Степановна такая веселая, не только ко мнѣ не придирается, а непремѣнно пряникъ или конфетку дастъ.

Торопливо ставитъ самоваръ и первымъ дѣломъ зазоветъ къ себѣ матушку.

— Была я сегодня, Анна Ивановна, у обѣдни у Пятницы, память вѣдь приходится по Иванѣ Николаевичѣ. Только смотрю, Петровой (конкуррентки) не видно; дивно мнѣ это показалось. Ну, конечно, была въ церкви Фелисата Сергѣевна, подхожу я къ ней, подношу просфору, а она таково милостиво и говоритъ: «Спасибо, дорогая, поѣдемъ вмѣстѣ, напейся у насъ чайку». И посадила вѣдь съ собой въ возокъ. Ну, первую-то чашку изволила сама налить и послала мнѣ въ дѣвичью; а потомъ туда принесли самоваръ, и всѣ принялись за чай. Тутъ я и узнала, что въ прошлый понедѣльникъ Петровой объявлено, чтобы не смѣла больше и близко дому показываться. Давно этого надо было ожидать.

— Да за что же?

— А зачѣмъ изъ дому въ домъ переноситъ; должно быть, брякнула гдѣ-нибудь про Фелисату Сергѣевну, а до той и дошло.

А вотъ и второе,—это грозное «ко двору близко не пускать» также висѣло надъ головой Екатерины Степановны, какъ и всѣхъ ея сестеръ по профессіи.

Газетъ тогда никакихъ не было; пожарами, страшными убійствами никто не интересовался, о банковскихъ и биржевыхъ крахахъ и понятія не имѣли; а что касается до казны-матушки да кармана обывателя, такъ вѣдь за

тѣмъ они и существовали, чтобы покрывать дефициты служилыхъ людей. Однако любознательность къ тому, что дѣлается внѣ круга своего дома, существовала и тогда, только она направлялась, особенно у прѣкраснаго пола, исключительно въ сторону интимной жизни ближняго. Екатерина Степановна и ея сестры по профессіи исполняли своего рода репортерскую службу преимущественно въ дворянской средѣ. Не въ меньшей степени проявляли любознательность и купчихи, но онѣ сами ходили на базаръ, ближе стояли къ прислугѣ и потому въ репортерахъ особенно не нуждались. Если и теперь репортерская профессія еще не пользуется у насъ достаточнымъ уваженіемъ, то въ старое время Екатерину Степановну и ея сотоварокъ называли приживалками,—ужъ въ этомъ словѣ чувствовалось что-то пренебрежительное; а мужская половина безъ стѣсненія называла ихъ сплетницами, переносчицами и при всякомъ случаѣ позволяла себѣ не только высказывать свое презрѣніе, но и всякимъ образомъ надъ ними издѣваться.

Благодѣтельницы благосклонно принимали поздравленія, просфоры, но на этомъ не останавливались. За гривенники, чаи и куски праздничнаго пирога онѣ требовали отъ своихъ кліентокъ самаго обстоятельнаго отчета о томъ, что гдѣ дѣлается. Теперь репортерская профессія требуетъ большого труда,

иногда даже связаннаго и съ личнымъ рискомъ. Никакого труда не составляло Екатеринѣ Степановнѣ удовлетворять любознательность своихъ благодѣтельницъ. Въ дѣвичьей, распивая чай да закусывая именинными пирогомъ, она даже безъ особеннаго вызова съ ея стороны узнавала все отъ альковныхъ тайнъ до содержимаго денежнаго ящика. И вотъ Екатерина Степановна накроетъ чашку, поблагодаритъ благодѣтельницу, пройдетъ легкимъ аллюромъ одинъ, два квартала, да тамъ все и выложитъ, конечно, кое-что и отъ себя присочинитъ,—самая профессія къ этому естественно предрасполагала.

И вотъ, смотришь, въ одинъ прекрасный день раздается роковое: «Ко двору близко не пускать». Значитъ, дошло до Фелисаты Сергѣевны, что нѣкоторыя не подлежащія огласкѣ обстоятельства сдѣлались общеизвѣстными, и при томъ не иначе какъ по милости этой «дряни неблагодарной» Екатерины Степановны. Когда ударъ разразится, Екатерина Степановна нѣсколько дней ходитъ совсѣмъ растерянная, не только ни къ кому не придирается, но даже всѣхъ старается избѣгать; часто ложится въ кровать, охаетъ точно больная; неугасимая лампада теплится передъ заступникомъ Николаемъ Чудотворцемъ. Въ первое время даже она не рѣшается ходить въ Пятницкую церковь, гдѣ обыкновенно бываетъ Фелисата Сергѣевна; но, пройдетъ мѣсяцъ или

два, она, какъ бы крадучись, заберется туда, потомъ издали начинаетъ отвѣшивать почтительные поклоны Фелисатѣ Сергѣевнѣ. Та сначала какъ-будто ихъ не замѣчаетъ. Еще проходитъ нѣкоторое время; между тѣмъ Фелисата Сергѣевна не то что начинаетъ скучать по Екатеринѣ Степановнѣ, а скорѣе ей стала надоѣдать ея преемница (безъ таковой нельзя было обходиться, все равно, что теперь безъ выписки другой газеты на мѣсто почему-нибудь прекратившейся). Наконецъ, въ одинъ прекрасный день она милостиво отвѣтитъ на поклонъ Екатерины Степановны. Это означало, что старое почти забыто. И вотъ въ слѣдующее воскресенье Екатерина Степановна рѣшается подойти къ Фелисатѣ Сергѣевнѣ и поднести ей просфору и къ великой своей радости выслушиваетъ: «Заходи къ намъ».

Колесо жизни Екатерины Степановны входитъ въ свою колею, и я по этому случаю получаю экстраординарный гостинецъ.

Екатерину Степановну никто въ домѣ не любилъ, да и она особенно ни съ кѣмъ не дружила. За глаза только и слышно было — «Ну, ужъ эта переносчица!», хотя лично за себя никто не опасался, такъ какъ въ домѣ никакихъ секретовъ не было. И никто изъ постороннихъ не захаживалъ къ Екатеринѣ Степановнѣ, хотя, кажется, у нея и были род-

ные въ городѣ, но, вѣроятно, знали, что ее дома не застать, а можетъ быть, она съ ними не въ ладахъ была.

Но человѣкъ уже такъ созданъ, что безъ согрѣвающаго чувства любви жить не можетъ; луча этого чувства не лишена была и Екатерина Степановна. Не проходило недѣли, чтобы она не приводила къ себѣ Аринушку. То была старушка, нищенка, да еще «простенькая», т. е. глупенькая. Отъ всякаго лакомаго куска, который Екатерина Степановна приносила отъ своихъ благодѣтельницъ, она что-нибудь отдѣляла для Аринушки. Приведетъ Аринушку, поможетъ ей сумку снять и торопливо примется самоваръ ставить. За чаемъ только и слышишь: «Да ты пей, Аринушка, пей, чего вздумала чашку накрывать; вотъ съ этимъ-то кусочкомъ». Тутъ и голосъ у Екатерины Степановны станетъ какой-то другой, ласковый такой, душевный. Уходитъ, наконецъ, Аринушка, вся раскраснѣвшаяся отъ тепла и обильнаго чая.

— Вотъ тебѣ, Аринушка, на свѣчку; да смотри же, непремѣнно приходи въ субботу къ Покрову, чтобы мнѣ тебя опять не искать по всему городу.

Случалось, что Аринушка приносила ей калачикъ; тогда радости Екатерины Степановны не было предѣла. Казалось, чего ни попроси Аринушка въ эту минуту, ей бы отказа

ни въ чемъ не было; но Аринушка была «простенькая», никогда ничего не просила.

А Екатерина Степановна, вспоминая объ Аринушкѣ, всегда приговаривала:

— Богъ любитъ простенькихъ, Аринушкина-то молитва первѣе другихъ до Него доходитъ».

V.

Исполиновъ.

Живемъ мы съ матушкой у соборнаго звонаря; у него былъ двухъэтажный домъ въ три окна; низъ сдавался подъ постоялый дворъ, вверху жили хозяинъ съ семьей да матушка, занимавшая комнату съ особымъ входомъ и печкою. Наша комната была настолько невелика, что мы спали на полатяхъ, а зимой такъ зачастую и на печкѣ,—отлично спалось. Семья хозяина состояла изъ него самого съ женою, трехъ дочерей и сына, учившагося въ низшихъ классахъ семинаріи. Кромѣ того, годами у нихъ было человѣкъ по семи квартирантовъ-семинаристовъ разнаго возраста. Имъ обыкновенно вся провизія доставлялась изъ дома, платили они не дороже 1 рубля въ годъ за квартиру, стирку бѣлья и изготовленіе пищи. Какъ всѣ размѣщались въ трехъ небольшихъ комнатахъ, я теперь и представить себѣ не могу. Звонарь былъ плохъ здоровьемъ, и мѣсто его



заранѣе предназначалось сыну, которому, видимо было, не добраться до риторики. Тогда въ семинаріяхъ было семь классовъ *) съ двухгодичнымъ курсомъ; послѣдніе три класса назывались: риторика, философія и богословіе. Стариковъ естественно озабочивала судьба дочерей, изъ которыхъ старшей, Ольгѣ Ивановнѣ, было уже за 20 лѣтъ; должно быть, отъ привычки бѣлиться у нея преждевременно почернѣли зубы, что было очень замѣтно. Всѣ три дочери въ свободное время отъ хозяйственныхъ дѣлъ усердно и до глубокой ночи плели кружева.

При насъ проживалъ у звонаря добравшійся до философіи Исполиновъ; онъ, видимо, не желалъ погрузиться въ премудрость богословія; это бы еще не бѣда, а главный грѣхъ состоялъ въ томъ, что Исполиновъ былъ прегорькій пьяница; имѣя недурной голосъ, онъ кое-что зарабатывалъ въ качествѣ пѣвчаго при разныхъ церквахъ и все сейчасъ же пропивалъ. Одно время онъ подавалъ какія-то надежды жениться на Ольгѣ Ивановнѣ, а потомъ очевидно сталъ отлынивать. Старуха часто приходила къ матушкѣ и изливала свое горе на Исполинова.

— Тянетъ, Анна Ивановна, все тянетъ, а что у него на умѣ, и сообразить нельзя. У

*) Собственно первые четыре класса назывались, какъ и теперь, училищемъ.

насъ-то все готово, хоть сейчасъ въ церковь идти.

— А какъ насчетъ денегъ?

— Да вѣдь онъ попервоначалу-то говорилъ, что какъ будетъ наше благословеніе.

— Ну, а теперь.

— Вишь двѣсти рублей серебромъ заломилъ, меньше, говоритъ, не могу. А гдѣ мы ихъ возьмемъ? Домъ заложить или продать,— такъ вѣдь у насъ еще двѣ остаются. Охъ, истомилъ онъ насъ, каково сказать — цѣлый годъ дѣло тянется.

Ольга Ивановна, видимо желавшая вкусить отъ радостей семейной жизни, часто бывая у насъ, почти всякій разъ просила матушку погадать на червоннаго короля. По картамъ ему выходила дорога, а насчетъ марьяжа карты какъ-то уклонялись отъ опредѣленнаго отвѣта. Исполиновъ самое меньшее могъ получить мѣсто діакона, а то, пожалуй, и приходъ гдѣнибудь въ захолустьѣ.

— Да вѣдь онъ любитъ выпить?—говаривала матушка въ отвѣтъ на жалобы старухи.

— Многіе ли изъ нихъ не пьютъ-то, Анна Ивановна; а и то можетъ быть: женится—перемѣнится; вотъ Стратилатовъ, какой былъ прегорькій, а вышелъ на мѣсто—и остепенился.

Вдругъ Исполиновъ совсѣмъ забросилъ семинарію и сталъ пропадать изъ города по цѣлымъ недѣлямъ. Это послѣднее обстоятельство крайне встревожило старуху.

— Непремѣнно онъ ищетъ себѣ невѣсту съ мѣстомъ,—говорила она и какъ за послѣднее средство ухватилась за матушку: стала просить ее поговорить съ Исполиновымъ, — можетъ быть, совѣсть въ немъ и скажется. Въ такого рода дѣлахъ отъ матушки никогда нельзя было услышать отказа. Ей какъ-то удалось затащить къ себѣ Исполинова; она и раньше заговаривала съ нимъ о женитьбѣ, но такъ—обинякомъ, теперь же рѣшила поставить вопросъ прямо.

— Что это ты, Семенъ Ивановичъ, точно смѣешься надъ стариками; водишь, водишь, а дѣла не рѣшаешь, да и дѣвку-то пожалѣлъ бы. Чего тебѣ еще надо? Гдѣ твоей безталанной головушкѣ лучше найти? Ольга Ивановна дѣвушка скромная, никто о ней дурного слова не скажетъ, работница въ домѣ да и изъ себя видная.

— А зубы-то черные?—съ усмѣшкою отзывается Исполиновъ.

— Да ты развѣ на зубахъ что ли женишься? Охъ ты, угорѣлый!—строго выговариваетъ матушка.

— Никакъ это дѣло у насъ состояться не можетъ, Анна Ивановна; это точно, отчего не жениться на Ольгѣ Ивановнѣ, я хоть сейчасъ готовъ; только я прошу двѣсти рублей серебромъ, а старики даютъ двѣсти рублей ассигнаціями (т. е. въ $3^1/_2$ раза меньше).

— Откуда имъ взять-то, были бы капиталы, не постояли бы за деньгами; да и къ чему тебѣ деньги? Тебѣ нужна добрая жена. Что деньги,—продолжаетъ морализировать матушка,—съ деньгами только грѣхъ одинъ: сегодня есть, а завтра нѣтъ; а жена-то вѣдь на всю жизнь.

— Какъ къ чему деньги? — съ живостью отзывается Исполиновъ; — да мнѣ безъ двухсотъ цѣлковыхъ и подѣлать ничего нельзя. Первымъ дѣломъ сто рублей надо израсходовать въ консисторіи, а потомъ на себя уйдетъ самое меньшее сто рублей.

— Ну, на себя-то тратить ты и повременить можешь.

— Какъ повременить, когда у меня, Анна Ивановна, кромѣ этого балахона ничего нѣтъ.

— Старикъ говоритъ, что Нордовъ (соборный протопопъ) обѣщалъ ему и такъ все устроить.

— Это, Анна Ивановна, одинъ только пустой разговоръ,—даромъ можно получить развѣ мѣсто причетника, да и за нимъ еще заставятъ походить; а потомъ и сила не въ Нордовѣ, а въ секретарѣ и другихъ членахъ.

Матушка чувствуетъ всю неотразимость доводовъ Исполинова, но все-таки дѣлаетъ послѣднюю попытку.

— Пожалѣешь ты, парень, потомъ, да ужъ будетъ поздно.

— Какъ хотите, Анна Ивановна, а мнѣ безъ двухсотъ рублей обернуться никакимъ образомъ нельзя.

— Ну, а какъ насчетъ мѣста?

— Да исходилъ, Анна Ивановна, чуть не весь уѣздъ, даже побывалъ въ грязовецкомъ, кажется, наклевывается священническое.

Двухсотъ рублей серебромъ у стариковъ не оказалось, а Исполиновъ дѣйствительно получилъ приходъ, женившись на дочери умершаго священника. Въ деревнѣ онъ окончательно спился и черезъ нѣсколько лѣтъ отдалъ Богу душу. Ольга Ивановна же такъ и осталась въ дѣвицахъ.

VI.

Чижиковъ. Юристы.

Павелъ Ивановичъ Чижиковъ, у котораго матушка одно время нанимала квартиру, былъ помощникомъ столоначальника въ одной изъ палатъ. Ему было съ небольшимъ за сорокъ лѣтъ, но выглядѣлъ онъ совсѣмъ старикомъ.

— Что жалованье,—говаривала его жена,—велики ли десять рублей; такъ вѣдь отъ однихъ доходовъ можно было бы жить; да, не будь его слабости, давно бы секретаремъ былъ, а ужъ столоначальникомъ и навѣрное.

И правду она говорила: во всей палатѣ не было такого знатока законовъ, какъ Павелъ Ивановичъ; да только очень рѣдко его можно было видѣть трезвымъ. Угрозъ, что прогонятъ со службы, онъ не боялся, а уговоры, даже самого предсѣдателя, не особенно на него дѣйствовали. Случалось, что онъ по нѣскольку дней не выходилъ изъ дому; но вотъ изъ палаты одинъ за другимъ являются гонцы.

— Александра Петровна (жена Павла Ивановича), да протрезвите, ради самого Христа, Павла Ивановича, самонужнѣйшее дѣло, предсѣдатель торопитъ докладомъ, губернаторъ требуетъ дѣлю.

— Подождутъ,—отзывался Павелъ Ивановичъ на уговоры жены.—Дуракъ, а еще секретарь! Что предсѣдатель,—колпакъ, бабникъ!

Тогда въ Вологдѣ было немало юристовъ, ходившихъ босикомъ и выкрикивавшихъ на улицахъ: «А потому, по силѣ такой-то статьи» и т. д. Ихъ въ случаѣ надобности обыватели зазывали къ себѣ, старались вытрезвить (первымъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ въ такомъ случаѣ считалась баня) и поручали составленіе прошеній и разныхъ бумагъ. Изъ такихъ юристовъ особенно выдѣлялся Вотскій, должно быть, высланный въ Вологду за кляузничество. Какая бы ни была погода, его всегда можно было встрѣтить въ распахнутомъ халатѣ, по большей части безъ шапки и въ болѣе чѣмъ легкой обуви. Уличные мальчишки и побаивались его, и любили подразнить. Вотъ идетъ Вотскій, по обыкновенію что-то возглашаетъ, широко размахивая руками; онъ какъ бы не замѣчаетъ задиранья мальчишекъ, которые толпой окружаютъ его: кто дергаетъ за халатъ, кто палку подсовываетъ ему подъ ноги. Вдругъ Вотскій хватаетъ первое, что попадается подъ руку, и пускаетъ въ толпу; та мигомъ разсыпается; только болѣе храбрые издали пускаютъ

въ Вотскаго комками навоза, котораго на улицахъ во всякое время сколько угодно.

Былъ у Вотскаго неизмѣнный спутникъ, рыжеватая собака. Случалось, Вотскій остановится передъ какой-нибудь лавкой, скреститъ руки и приметъ величественную позу.

— Шарикъ, церемоніальнымъ маршемъ!— И собака на заднихъ лапахъ начинаетъ обходить его. — Шарикъ, кто я?—Шарикъ отойдетъ на нѣкоторое разстояніе и затѣмъ почтительно ползетъ къ нему. — Видите, — обращаясь къ торговцамъ, восклицаетъ Вотскій,—тварь безсловесная и та понимаетъ, кто я! А вы, алтынники, развѣ можете это чувствовать?

Но торговцамъ несравненно больше доставляли удовольствія другого рода сцены. Уличные юристы, несмотря на одинаковость професcии и совершенное тожество образа жизни и вкусовъ, питали другъ къ другу открытое презрѣніе и непримиримую ненависть.

— Что, Иванъ Степановичъ, взялъ со своимъ Перцовымъ, каково васъ отчитали въ судѣ, — остановившись у лавки, иронизируетъ Вотскій; — писцы-то всѣ какъ хохотали.

— Ну, проваливай, проваливай,—съ сердцемъ отзывается изъ-за прилавка Иванъ Степановичъ, и самъ сознающій свой промахъ, что положился на Перцова.

Но вотъ случается, что Перцовъ и Вотскій какъ-нибудь встрѣтятся въ рядахъ; тогда всѣ торговые, если только не базарный день, то-

ропливо запираютъ выручку и высыпаютъ на галлерею. Завидя противника, Вотскій останавливается и принимаетъ вызывающее положеніе. Перцовъ много поменьше его ростомъ и на взглядъ старше, держится съ наклономъ впередъ, при чемъ правая рука всегда за бортомъ чего-то въ родѣ сюртука, точно всякую минуту готова достать бумагу изъ бокового кармана. Про Вотскаго нынѣ сказали бы: «слишкомъ полагается на свой талантъ, но какъ иногда способенъ сильно увлечь»; напротивъ, Перцовъ имѣлъ бы репутацію: «сухъ, мало трогаетъ, но за то какой тонкій анализъ, какъ ловко можетъ на какой-нибудь детали срѣзать противника».

— Мразъ подпольная, — восклицаетъ Вотскій,—долго ли ты будешь колпачить людей? Сгинь, эхидна! Зачѣмъ Ивана Степановича по всему суду на смѣхъ поднялъ.

— Мы на апелляцію подадимъ, — рѣзко отзывается Перцовъ.

— На апелляцію!!—и презрительнымъ хохотомъ заливается Вотскій, — по силѣ такой-то статьи тутъ нельзя подавать на апелляцію.

— Нѣтъ, можно: такая-то статья гласитъ и примѣчаніе къ ней...

— Нѣтъ такого примѣчанія!

— Анъ есть.

— Врешь, подлецъ!

Этого момента зрители только и дожидаются, такъ какъ Вотскій отъ словъ стреми-

тельно переходитъ къ дѣйствію.— «Молодецъ Перцовъ!», «Ай да Вотскій, не спускай!» и тому подобныя поощренія слышатся изъ толпы. Единоборство обыкновенно продолжается недолго, такъ какъ оба противника не особенно тверды на ногахъ, и кто-нибудь изъ нихъ скоро валится на мостовую. Побѣдитель, какъ благородный рыцарь, по принципу — лежачаго не бьютъ, горделиво отходитъ въ сторону.

— Вотъ такъ и въ судѣ съ нимъ расправляюсь. Примѣчанія, примѣчанія, а въ головѣ-то понятія нѣтъ!

Рѣдко въ такихъ случаяхъ, чтобы изъ числа зрителей не нашелся какой-нибудь меценатъ и не поднесъ побѣдителю на шкаликъ.

Я былъ уже студентомъ, и какъ-то разъ въ Вологдѣ мнѣ пришлось быть съ визитомъ у одной дамы; хотя она и была не совсѣмъ первой молодости, но все еще сохраняла репутацію крайне любвеобильнаго сердца. Я засталъ у нея предсѣдателя, того самаго, о которомъ Чижиковъ былъ такого невысокаго мнѣнія. Мнѣ показалось, что я помѣшалъ дѣловому разговору между хозяйкой и ея посѣтителемъ, и хотѣлъ было отретироваться.

— Пожалуйста, оставайтесь,—весьма любезно сказала хозяйка. Нѣкоторое молчаніе; его, наконецъ, прерываетъ предсѣдатель.

— Вы портретъ послали Герну?

— Не только портретъ, но еще и письмо. Это вамъ насплетничала ваша дочь: ей завидно, что Гернъ болѣе обращаетъ вниманія на меня, чѣмъ на нее. Скажите пожалуйста! Не ревновать ли вздумалъ, старый дуракъ,— обращаясь къ предсѣдателю, продолжаетъ хозяйка;—тысячу разъ, кому вздумается, тому и буду писать.—И затѣмъ прибавила еще нѣсколько болѣе чѣмъ лестныхъ эпитетовъ по адресу своего собесѣдника.

Я опять пробую удалиться, но хозяйка останавливаетъ меня.

— Вотъ, какъ отдѣлаешь его хорошенько,—обращаясь ко мнѣ, сказала хозяйка, — такъ на нѣсколько мѣсяцевъ онъ и будетъ точно шелковый.

Я все-таки подъ какимъ-то предлогомъ откланялся.

VII.

Иванъ Николаевичъ.

Тетка уѣхала на продолжительное богомолье, и мы въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ домовничали въ ея квартирѣ, которую она нанимала у родного племянника, Ивана Николаевича. Онъ былъ неудачникъ: воспитывался тетками, оставшись послѣ родителей малолѣтнимъ сиротой; наслѣдства у него никакого не было, такъ какъ отецъ умеръ банкротомъ. Когда Иванъ Николаевичъ сталъ подрастать, тетки отправили его въ Петербургъ въ мальчики; тогда впрочемъ отдавали въ мальчики не только по бѣдности, но и ради коммерческой практики. Черезъ нѣсколько лѣтъ Иванъ Николаевичъ вернулся въ Вологду; торговая карьера его почему-то не выгорѣла, но какимъ-то образомъ онъ выучился въ Петербургѣ печь очень хитрые калачики, тонкіе, такіе разсыпчатые. Да еще вынесъ онъ изъ Петербурга нѣкоторое при-

страстіе къ водочкѣ. Ну, конечно, въ Вологдѣ женился, кажется, за женой взялъ небольшой домикъ на краю города. Калачики его имѣли успѣхъ, и могъ бы онъ ими не только пропитываться, но и хорошо жить, да вотъ слабость къ водочкѣ мѣшала. Какъ теперь вижу Ивана Николаевича съ коробкомъ за плечами, —онъ самъ разносилъ по городу свои калачики; сильно согнувшись, въ родѣ того, какъ шарманщики, обходилъ онъ своихъ обычныхъ покупателей, лѣтомъ обыкновенно въ синемъ суконномъ сюртукѣ, фуражкѣ съ большимъ козырькомъ, зимой въ нанковомъ тулупчикѣ и старой шапкѣ съ жалкими слѣдами мѣховой оторочки. Частенько случалось, что онъ не возвращался домой къ обычному времени; тогда жена отправлялась на поиски и иногда находила его завалившимся въ канаву, и, конечно, въ такихъ случаяхъ ни выручки, ни товара не оказывалось. Онъ собственно не столько былъ пьяница, сколько скоро хмѣлѣлъ. Вологодскіе пекари много разъ спаивали его, чтобы вызнать секретъ печенья, только этого имъ никогда не удавалось,—свой секретъ Иванъ Николаевичъ сохранилъ до самой смерти.

Бывало зазоветъ его матушка къ себѣ да за чаемъ и начнетъ дружески журить.

— Ваня, Ваня, пожалѣй ты себя да и семью (было трое дѣтей).

— Несчастный я человѣкъ, тетенька.



— Да твое несчастье одно—твоя собственная слабость.

— А все оттого, что я несчастный человѣкъ; говорилъ я теткамъ—отдайте меня въ училище, такъ нѣтъ: только-что въ монастырѣ выучился грамотѣ да нѣсколько писать, сейчасъ въ Петербургъ и отправили. Отдали бы меня въ училище, изъ меня бы могъ человѣкъ выйти, потому, тетенька, что у меня талантъ отъ Бога.

— А зачѣмъ же ты въ Петербургѣ у хозяина не оставался.

— Потому, тетенька, что не дѣло купеческаго сына кули таскать, а ничего другого у хозяина не было; довольно съ него, что пять лѣтъ спины не разгибалъ. А вотъ лучше скажите, тетенька, зачѣмъ меня тетка Маремьяна Ивановна обидѣла?

— Что ты выдумываешь, чѣмъ она тебя обидѣла?

— Какъ же не обидѣла? Ну, положимъ, послѣ родителей никакого денежнаго капитала не осталось, а иконы-то куда дѣвались? Вѣдь на одной Матушкѣ Одигитріи сколько было жемчуга, риза вся серебряная, а вѣнецъ золоченый.

— Это ты говоришь про материнское благословеніе (т. е. благословеніе его отцу отъ матери), а развѣ ты не знаешь, что родитель твой вмѣстѣ съ братомъ Александромъ всю невыдѣленную часть Маремьяны Иванов-

ны по вѣтру пустили; вѣдь ей слѣдовало по выдѣлу десять тысячъ рублей, а она что получила? Отецъ твой передъ смертью взялъ Матушку Одигитрію въ руки, да и говоритъ: «Сестра, возьми себѣ материнское благословеніе, прости меня, да будь вмѣсто матери дѣтямъ, призри ихъ, сиротъ бѣдныхъ». Маремьяна Ивановна сестру твою выдала замужъ за хорошаго человѣка, да вѣдь тебя два раза снаряжала въ Петербургъ,—триста рублей это стоило.

— А какъ же, тетенька, за Марьей Александровной такое приданое дали? Вѣдь банкротились-то вмѣстѣ ея отецъ и мой.

— Марьѣ Александровнѣ приданое дали изъ ея материнскаго капитала.

— Охъ, тетенька, кто тутъ разберетъ, изъ какого капитала.

Въ другой разъ Иванъ Николаевичъ допытывается, куда дѣвался Николай чудотворецъ.

— Икона была стараго письма,—пояснялъ онъ,—за нее теперь старовѣры, пожалуй, дали бы тысячу рублей.

— Ну, ужъ и тысячу,—отвѣчаетъ матушка, скептически покачивая головой.

— Вѣрно, тетенька, они за старыя иконы страсть какія деньги платятъ.

Кромѣ иконъ была еще одна мысль, которая никогда не выходила изъ головы Ивана Николаевича, это—розыскъ наслѣдствъ; ма-

тушка хорошо помнила родовую генеалогію, а потому Иванъ Николаевичъ часто совѣтовался съ нею.

— Тетенька, слышали, Никодимъ Петровичъ скончался: уѣхалъ къ Макарью да тамъ Богу душу и отдалъ. Хорошій у него былъ капиталъ, только вотъ дѣтей не осталось.

— Да, у Никодима Петровича, царство ему небесное, крупный былъ капиталъ, еще отъ родителя перешло ему пятьдесятъ тысячъ рублей.

— Кому же теперь все достанется?

— А племянникамъ, коли по завѣщанію не отказалъ въ какой-нибудь монастырь или не назначилъ для раздачи по церквамъ на упоминовеніе души.

— То-есть, съ какой же это стати племянникамъ? Вѣдь капиталъ-то Никодима Петровича изъ рода Введенскихъ, отецъ его пошелъ въ силу послѣ смерти брата бездѣтнаго, а братъ былъ женатъ на Введенской, Аринѣ Михайловнѣ, на ея приданое и торговать началъ.

— Ну, Ваня, это было при царѣ Горохѣ.

— Нѣтъ, тетенька, купеческій капиталъ всегда можно разыскивать, — горѣть онъ можетъ, а тонуть ему не полагается.

Рѣдкій годъ проходилъ, чтобы Иванъ Николаевичъ не волновался по поводу какого-нибудь наслѣдства если не со стороны Введен-

скихъ, то по женѣ; иногда онъ даже пытался начинать дѣло; конечно, изъ этого ничего не выходило. Разъ приходитъ онъ къ матушкѣ.

— Правду о тебѣ, тетенька, говорятъ, что ты на аршинъ сквозь землю видишь; вѣрно ты мнѣ говорила: не начинай, Ваня, этого дѣла, съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тянись.

— А что?

— Да зовутъ меня вчера въ городовой судъ.—Чего, говорю, вамъ отъ меня надо?—А вотъ объявить тебѣ «устыженіе».—Какое такое «устыженіе»?—Слушай.—И прочитали мнѣ бумагу, что за явною неосновательностью моего прошенія отказать мнѣ. Да развѣ, тетенька, это рѣшеніе? Дали Шапошниковы куму (секретарю), вотъ они и правы. Еще на прошлой недѣлѣ Перцовъ говорилъ мнѣ: другая сторона тебя денежнѣе, только законъ за тебя. А онъ, тетенька, законы-то знаетъ, какъ свои пять пальцевъ!

Но въ особенное волненіе пришелъ Иванъ Николаевичъ, когда умеръ Скулябинъ, котораго, — справедливо, или нѣтъ, не знаю,—въ Вологдѣ считали милліонеромъ. Дѣтей у него не было, близкихъ родственниковъ тоже; оставалась только жена съ своими племянниками и племянницами. На сестрѣ вдовы былъ женатъ когда-то дядя Ивана Николаевича,—вотъ какія были правовыя отношенія Ивана Николаевича къ капиталамъ Скулябина.

— Такого богача, тетенька, какъ Скулябинъ, еще не бывало въ Вологдѣ; оно, конечно, въ Москвѣ и Петербургѣ Скулябиныхъ даже и очень много, только по Вологдѣ онъ былъ первый. Кому же теперь достанутся всѣ его сокровища?

— А мудрено сказать... Должно быть женѣ оставилъ,—отвѣчаетъ матушка.—Ну, у нея въ случаѣ смерти всѣ наслѣдники налицо: Бѣлозеровы; тоже и нашимъ,—Ивану Александровичу и Пелагеѣ Александровнѣ, — будетъ своя доля. А впрочемъ, самъ онъ нажилъ капиталъ, потому, какъ хотѣлъ, такъ и могъ имъ распорядиться.

— А вотъ Перцовъ, тетенька, говоритъ, что если у купца не осталось сыновей и братовьевъ, то капиталъ идетъ по родословному древу, да по колѣнамъ, да по степенямъ.

Матушка, конечно, законовъ не знала, но у нея былъ извѣстный житейскій опытъ и достаточно здраваго смысла.

— Охота тебѣ, Ваня, слушать пьяницу Перцова.

— Тетенька, — съ живостью отвѣчаетъ Иванъ Николаевичъ,—да вѣдь онъ всѣ законы знаетъ, ему въ судѣ указываютъ на статью, а онъ насупротивъ ея десять приведетъ, — не знаютъ, что ему и отвѣчать.

— Да ужъ ты, Ваня, не разсчитываешь ли на наслѣдство послѣ Скулябина?

— Нѣтъ, тетенька, мнѣ самому-то и невдомекъ было, а вотъ Перцовъ говоритъ, что если за дѣло какъ слѣдуетъ взяться, то и намъ съ ребятишками можетъ кое-что перепасть.

Изготовленіе калачиковъ на время было пріостановлено, — теперь было не до нихъ. Иванъ Николаевичъ съ утра куда-то исчезалъ, что однако видимо не обезпокоивало его супругу, та сама была въ замѣтно приподнятомъ настроеніи. Къ вечеру Иванъ Николаевичъ возвращался, подъ хмѣлькомъ, правда, но въ достаточномъ обладаніи своими физическими силами. Такъ продолжалось, пока не была выпита послѣдняя закладка чая и не кончился послѣдній коровай хлѣба, а квашню поставить не было муки. Понемногу жизнь вернулась въ прежнюю колею.

— А хитрый народецъ эти Бѣлозеровы, ишь какую механику подвели,—Павелъ Александровичъ-то въ душеприказчики пробрался! Перцовъ говоритъ, что теперь ничего подѣлать нельзя, нѣсколько годиковъ надо подождать. Что же, тетенька, подождемъ, не мнѣ, такъ ребятишкамъ все-же что-нибудь достанется.

Иванъ Николаевичъ очень любилъ своихъ дѣтей, но особенную нѣжность питалъ къ своему сыну, лѣтъ трехъ, четырехъ.

— У меня Павлушка — голова, — съ гордостью говаривалъ онъ, сидя на завалинкѣ и

гладя своего любимца по головѣ или утирая ему носъ.—Какъ подрастетъ, непремѣнно отдамъ его въ училище, изъ него человѣкъ выйдетъ!

Въ этой утѣшительной надеждѣ онъ, кажется, и умеръ.

VIII.

Вина Ивана Николаевича и Бѣляевъ.

— Ну, что, Ваня, каково рыбачилъ? — спрашиваетъ разъ матушка, завидя изъ окна возвращавшагося Ивана Николаевича съ ведромъ въ рукахъ и удилищами на плечѣ.

— А слава Богу, тетенька; страсть сколько нынѣ рыбы; трехъ подъязковъ добрыхъ поймалъ да четырехъ налимовъ, одинъ будетъ фунта въ три; хватила-было щука, да сорвалась проклятая, а должно быть крупная была.

Иванъ Николаевичъ, имѣя домишко на самомъ берегу рѣки, былъ страстный рыболовъ; съ этой страстью могло поспорить лишь то увлеченіе, съ которымъ онъ по веснѣ, во время сплава дровъ и лѣса, промышлялъ по части улавливанія отшатившихся бревенъ и полѣньевъ. На этотъ случай у него даже была своя лодка, и годами онъ такимъ манеромъ

набиралъ дровъ почти на цѣлую зиму. Забавно было видѣть, какъ иногда Иванъ Николаевичъ пригонитъ большущее бревно; берегъ былъ съ крутизной, лошади не было не только у него, но и по близости; а вытащить бревно и докатить до двора даже съ помощью жены оказывалось не подъ силу. Возится Иванъ Николаевичъ, возится, даже совсѣмъ умается; видитъ, что дѣло надо отложить до утра,—авось подвернется лошадь; и начнетъ укрѣплять бревно разными замысловатыми способами, чтобы въ случаѣ нечаянной прибыли воды не унесло его. А на утро, смотришь, и вода спала, и бревна не оказывается.

— Ишь, мошенники, навѣрно это Квашнины стащили; вѣдь лѣсина-то копѣекъ тридцать стоила! Плюнетъ Иванъ Николаевичъ, да и только,—не пойдешь же по дворамъ спрашивать.

Въ лѣтнюю пору спросъ на калачики за отъѣздомъ господъ по усадьбамъ сильно ослабѣвалъ; потому Иванъ Николаевичъ, не мѣшая своему главному заработку, могъ довольно времени удѣлять рыболовству. И рыбы тогда годами «страсть сколько было»; но такъ ужъ обывательская жизнь складывалась, что и это непредосудительное увлеченіе Ивана Николаевича было отравлено значительной примѣсью горечи. Иванъ Николаевичъ, бывало, ловитъ, а все посматриваетъ,—не слѣдитъ ли за нимъ недреманное око Михѣича; а какъ почувству-

етъ, что клюнула добрая рыбина, то разомъ съ радостью являлись два страха: какъ бы рыбина не порвала его нехитрую леску, и какъ бы точно изъ земли не выросъ Михѣичъ.

— Бѣляевъ наказывалъ, чтобы непремѣнно ты ему рыбы послалъ, завтра у него будутъ гости; ну, показывай-ка, что у тебя въ ведрѣ?

— А чортъ бы побралъ твоего Бѣляева, да и тебя съ нимъ!—съ сердцемъ отзывается Иванъ Николаевичъ.—Что я за поставщикъ для него!

Хотя Михѣичъ и былъ въ данномъ случаѣ, выражаясь теперешнимъ языкомъ, «при исполненіи офиціальныхъ обязанностей», но въ тѣ отдаленныя времена нѣкоторая свобода въ изліяніи чувствъ не ставилась въ вину обывателю, и протоколовъ по этому поводу не составлялось.

— Ну, ты много-то не разговаривай,— спокойно отвѣчалъ Михѣичъ, запустивши руки въ ведро; вытащитъ оттуда что покрупнѣе, да иногда и для себя захватитъ какого-нибудь щуренка.

— Еще барыня говорила,—калачики всѣ вышли... Чтобы принесъ ихъ.

И несетъ Иванъ Николаевичъ калачики, какъ поступается крупной рыбиной, ибо зналъ за собой вину и при томъ вину тяжкую, прародительскую: его ветхій домишко стоялъ не «по плану» и давно былъ предназначенъ къ сломкѣ.

— Да развѣ я его, тетенька, строилъ? Вѣдь дому-то, сказываютъ, болѣе ста лѣтъ. Чего же тогда смотрѣли?—говоритъ Иванъ Николаевичъ, только-что удостоившійся визита Михѣича, который вручилъ ему бумагу за подписью Бѣляева, что возбраняются какія-то неотложныя поправки, предпринятыя Иваномъ Николаевичемъ.

— Все это, тетенька, однѣ прижимки Бѣляева; на той недѣлѣ посылаетъ ко мнѣ, чтобы я испекъ ему большой именинный крендель; да развѣ я булочникъ?—это ихъ дѣло, а не мое; а что въ нашей части нѣтъ булочниковъ, такъ я, тетенька, невиноватъ.

А вотъ у Матрены,—вдовы-мѣщанки съ тремя дѣтьми,—такъ собственно и вина-то была самая пустячная: чтобы кормиться, она торговала съ лотка разными общедоступными яствами и квасомъ.

— Нечего Бога гнѣвить,—говаривала она, —никакого худа отъ Бѣляева не видала. Снесешь это ему о Рождествѣ да на Пасхѣ по рублевику, ну и знать его больше не знаешь; развѣ лѣтомъ, проходя мимо, скажетъ:

— А угости-ка меня, Матрена, кваскомъ.

— Съ удовольствіемъ, ваше благородіе.

Ну, нальешь ему кружечку, выпьетъ, да еще похвалитъ.

— А вотъ этотъ толстопузый,—рѣчь идетъ о Михѣичѣ,—во гдѣ у меня сидитъ,—указывая на горло, съ ожесточеніемъ продолжаетъ

Матрена. Вѣдь каждый день норовитъ что-нибудь стащить, да еще роется,—подавай ему непремѣнно свѣжую печенку, а какъ ждетъ свою подлюгу Дуньку, то и пирога съ рыбой. Чтобъ ему, злодѣю, пусто было!

А на самомъ дѣлѣ Михѣичъ совсѣмъ не былъ злодѣй. Красивъ онъ былъ, когда, въ ожиданіи проѣзда начальства, съ аннинской медалью на груди стоитъ передъ своей будкой, держа въ рукахъ аллебарду. Послѣдняя очень шла къ его приземистой и коренастой фигурѣ, съ изряднымъ брюшкомъ, его мужественному лицу съ сизоватымъ носомъ и щетинистыми усами, сливавшимися съ подбритыми бакенбардами. А какъ онъ ловко продѣлывалъ этой аллебардой «на караулъ»! Сейчасъ видно было стараго служаку. По правдѣ сказать, и грѣшно было Михѣичу забыть этотъ артикулъ; вѣдь отъ него по службѣ почти больше ничего и не требовалось. Конечно, существовала даже печатная инструкція о правахъ и обязанностяхъ Михѣича, экземпляръ каковой и былъ врученъ ему при его водвореніи въ будкѣ; но Михѣичъ зналъ только, что есть «для порядка» будка, значитъ, долженъ быть и будочникъ; а затѣмъ зналъ еще, что мѣсто ему дано, чтобы было чѣмъ кормиться. Михѣичу полагался паекъ и какія-то «третныя»; мука и крупа, доходившія до него, даже въ немъ, не избалованномъ гарнизоннымъ хлѣбомъ, нерѣдко возбуждали вполнѣ

основательный вопросъ,—на что онѣ могутъ быть пригодны? Что же касается до «третныхъ», то Михѣичъ въ нихъ регулярно расписывался, но никогда и въ глаза не видалъ.

Не виноватъ же онъ, что въ его участкѣ торговала Матрена, и при томъ только она одна; водилась, правда, еще мелочная лавочка Петра Ивановича, такъ вѣдь Михѣичъ безъ табаку и чаю жить не могъ. А такъ противъ Матрены онъ рѣшительно ничего не имѣлъ и за глаза всегда о ней говорилъ: «Трудится, старательная баба».

Настоящимъ благодѣтелемъ Михѣичъ считалъ откупщика, попеченія котораго въ нисходящей линіи доходили и до него. Михѣичъ получалъ ежемѣсячную дачу натурой, которой ему при его умѣренности въ спиртныхъ напиткахъ не только хватало для своего потребленія, но и Авдотью угостить, курносую вдову-солдатку, занимавшуюся тѣмъ, что ходила по домамъ полы мыть. Пока Михѣичъ былъ на заправской службѣ, мысль о прекрасномъ полѣ ему и въ голову не приходила; а теперь, какъ дня три не видитъ Авдотьи, такъ ужъ и начинаетъ волноваться.

«И куда это ее нелегкая запропастила?»—поминутно думается ему.

По инструкціи полагалось Михѣичу день и ночь пребывать въ неослабномъ бдѣніи; но такъ какъ противъ этого резонно возставали законы природы, то Михѣичъ ночью крѣпко

спалъ, особенно когда удостоивался визита Авдотьи, а днемъ, если былъ свободенъ, т. е. не имѣлъ какихъ-нибудь хозяйственныхъ порученій отъ Бѣляева или его барыни, вѣчно что-нибудь чинилъ изъ своей аммуниціи: впрочемъ постоянно былъ на-сторожѣ, чтобы не прокараулить начальство; — аллебарда всегда подъ рукой. Подъ вечеръ Михѣичъ дѣлалъ обходъ своего участка, тщательно осматривая всѣ канавы и пустые заборы,—не валяется ли гдѣ-нибудь упившійся обыватель. Если таковое тѣло оказывалось, то Михѣичъ прежде всего подвергалъ самому внимательному осмотру обывательскіе карманы,—не содержится ли въ нихъ табачнаго зелья или какихъ-нибудь трехъ, пяти копѣекъ. На то и другое Михѣичъ предъявлялъ свое безспорное право, все равно, какъ Иванъ Николаевичъ на отшатившіяся бревна и полѣнья. А затѣмъ оставлялъ обывателя просыпаться. Въ зимнюю пору операція обхода значительно усложнялась; карманы обывателя, конечно, подвергались обычному изслѣдованію, но затѣмъ возникалъ вопросъ: что дѣлать съ обывательскимъ тѣломъ? Запуститъ Михѣичъ всю свою пятерню въ обывательскіе волосы и начнетъ полегоньку встряхивать; иногда отъ этого эксперимента обыватель быстро приходилъ въ чувство, поднимался на ноги и, какъ стрѣла, исчезалъ въ пространствѣ. Но случалось, что никакія воздѣйствія не пробуждали обывателя.—Ишь, со-

бачій сынъ, какъ нализался,—съ сердцемъ проговоритъ Михѣичъ, видя тщету своихъ усилій, и потащитъ за что попало обывателя къ себѣ въ будку.

Надо впрочемъ сказать, что уразумѣніе своего положенія не сразу далось Михѣичу; по первоначалу онъ нѣсколько буквально понялъ, что поставленъ «для порядка», — ну, и наскочилъ на рожонъ. Разъ, уже за полночь, шла компанія,—протодіаконъ, ключарь да учитель гимназіи Назарьевъ; всѣ были въ томъ градусѣ, когда громогласное пѣніе, хотя бы и не особенно благозвучное, является естественнымъ выраженіемъ нѣсколько приподнятаго настроенія. Ночь была темная, а Михѣичу точно нарочно почему-то не спалось. Пѣніе въ неурочный часъ показалось ему нарушеніемъ порядка; онъ вышелъ изъ будки, захвативши съ собою аллебарду, и сталъ приглашать компанію замолчать. Въ отвѣтъ на это аллебарда была тотчасъ же изломана, а самъ Михѣичъ настолько избитъ, что замертво остался на мѣстѣ... Дѣло получило огласку; имъ заинтересовался губернаторъ; учитель Назарьевъ принужденъ былъ оставить гимназію; но лично для Михѣича оно кончилось двухмѣсячнымъ лежаніемъ въ больницѣ да наставленіемъ отъ Бѣляева, что надо соразмѣрять ревность къ порядку съ положеніемъ людей. Одно время Михѣичъ надѣялся было хоть что-нибудь получить съ обидчиковъ; но тѣ, уплативъ при-

личный куртажъ Бѣляеву, считали себя совершенно свободными отъ какихъ-нибудь обязательствъ по отношенію къ Михѣичу.

— Думаю, тетенька, сходить къ Николаю Михайловичу, чтобы заступился, а ужъ коли онъ не заступится, такъ хоть пропади моя головушка.

— Что жъ, Ваня, сходи къ Николаю Михайловичу; онъ вѣдь — сила, его самъ губернаторъ уважаетъ.

Дѣйствительно, Николай Михайловичъ Мясниковъ занималъ въ Вологдѣ совсѣмъ исключительное положеніе. Ведя сравнительно не особенно большое дѣло бакалейнымъ товаромъ и виноградными винами, онъ еще съ молодыхъ лѣтъ былъ хорошо принятъ въ дворянскомъ кругу, а съ годами, пользуясь репутаціей умнаго и безупречно честнаго человѣка, сталъ обязательнымъ совѣтникомъ во всѣхъ трудныхъ и нерѣдко щекотливыхъ семейныхъ дѣлахъ. Хотя онъ, кажется, дальше приходскаго училища не пошелъ, но для своего времени, а главное для его среды, его можно было назвать даже человѣкомъ выдающимся по образованію; онъ много читалъ въ молодости и любовь къ чтенію сохранилъ до старости. Къ тому же онъ не хуже любого палатскаго секретаря зналъ законы. И въ городскомъ обществѣ Николай Михайловичъ былъ авторитет-

нымъ человѣкомъ. Если его и не выбирали въ городскіе головы, такъ только потому, что тогда для этой должности непремѣнно требовался крупно-денежный человѣкъ; за то Николай Михайловичъ почти безсмѣнно отправлялъ судебныя должности по городскому управленію. Это однако не избавляло его отъ особенныхъ порученій, которыя зачастую возлагали на него губернаторы, когда въ городскомъ головѣ не находили достаточно толковаго человѣка.

Николай Михайловичъ съ давнихъ поръ былъ близокъ съ Введенскими, зналъ Ивана Николаевича, даже оказывалъ ему существенную поддержку въ лѣтнее время, забирая для лавки калачики. И тѣмъ не менѣе, выслушавъ теперь Ивана Николаевича, прежде всего прочелъ ему строгую нотацію, что не умѣетъ жить съ начальствомъ.

— Кажется, ты не маленькій, Иванъ Николаевичъ, долженъ бы знать, что съ начальствомъ всегда надо жить въ ладахъ.

— Да, помилуйте, Николай Михайловичъ,—оправдывался Иванъ Николаевичъ,—вѣдь я не булочникъ.

— Что жъ что не булочникъ, все-таки могъ бы испечь калачъ, Бѣляевъ тебя и не трогалъ бы.

Иначе и не могъ отнестись Николай Михайловичъ. Самъ онъ, не имѣя ни подрядовъ, ни какихъ особенныхъ дѣлъ, которыя ставили

бы его въ особо зависимое отношеніе къ начальству, неукоснительно разъ навсегда исполнялъ заведенный порядокъ: въ Рождество, Пасху и именины посылать полицеймейстеру, частному приставу и квартальному обычное приношеніе натурой и при томъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы у нихъ не было искушенія дѣлать экстраординарныя экскурсіи въ его лавку. Въ одномъ онъ только былъ скупъ— въ денежныхъ подачкахъ въ видѣ займовъ. Но и тутъ прибѣгалъ къ политикѣ: вѣчно жаловался, что по своей торговлѣ едва сводитъ концы съ концами; а когда ему приходилось выдавать замужъ одну изъ своихъ многочисленныхъ племянницъ или женить племянника,—самъ онъ былъ холостякъ,—то, бывало, всѣмъ прожужжитъ уши оханьемъ, да аханьемъ, да разговоромъ, что не знаетъ какъ и справиться. А на самомъ дѣлѣ онъ всегда былъ при деньгахъ, хотя и не особенно крупныхъ.

Благодаря заступничеству Николая Михайловича туча, нависшая надъ Иваномъ Николаевичемъ, на этотъ разъ прошла стороной; а такъ какъ съ этихъ поръ онъ уже не позволялъ себѣ забывать свои обывательскія обязанности, то домишко его и простоялъ еще съ десятокъ лѣтъ.

Несмотря на то, что Бѣляевъ былъ только частнымъ приставомъ, это была фигура очень

видная въ Вологдѣ; его не только всѣ знали, но и всѣ считали «докой». Михѣичъ же просто благоговѣлъ передъ нимъ, не иначе выражался о немъ какъ «нашъ соколъ» и готовъ былъ идти за него въ огонь и воду. Тогда Бѣляеву было лѣтъ подъ пятьдесятъ; началъ онъ службу рано, на пятнадцатомъ году, писцомъ въ никольскомъ земскомъ судѣ, обнаружилъ не по лѣтамъ способности и служебное рвеніе, такъ-что черезъ годъ уже попалъ подъ судъ за взятки. Подъ судомъ онъ былъ постоянно; только-что выпутается изъ какого-нибудь дѣла, какъ начинается новое. Это, конечно, сильно затрудняло его служебную карьеру; лишь по коронаціонному манифесту 1856 г. удалось ему очиститься отъ всѣхъ тяготѣвшихъ на немъ прегрѣшеній; тогда онъ покинулъ полицейскую службу и остатокъ своихъ дней мирно дослуживалъ асессоромъ въ одной изъ палатъ. Обыкновенно всякій губернаторъ по водвореніи своемъ въ Вологдѣ однимъ изъ первыхъ дѣлъ ставилъ себѣ отчисленіе Бѣляева отъ занимаемой имъ должности частнаго пристава; но проходило немного времени, — учащались воровства, случалось какое-нибудь загадочное преступленіе,—и тотъ же губернаторъ подъ давленіемъ окружающей среды возстановлялъ Бѣляева на прежнемъ мѣстѣ. Сейчасъ же воровства какъ-то сами собой входили въ обычную норму, а загадочное преступленіе скоро раскрывалось. Послѣ

этого до пріѣзда новаго губернатора Бѣляевъ могъ быть уже совершенно спокоенъ, а Иванъ Николаевичъ долженъ былъ неукоснительно поставлять ему рыбу и калачики.

И трудился Бѣляевъ, т. е. пріобрѣталъ, не зная отдыха; но и его жизненный путь былъ усыпанъ терніями. Почти все, что онъ ни добывалъ,—все уходило на губернское правленіе, да на судъ и палату. Рублевокъ Матрены, натуральныхъ приношеній Ивана Николаевича и прочей обывательской братіи хватало ровно настолько, чтобы прожить, ни въ чемъ нужды не зная и выполняя обязательное гостепріимство и хлѣбосольство; но Полянины, Замочкины и другіе требовали настоящихъ карбованцевъ. Въ части Бѣляева были всякаго рода торговые ряды и много разныхъ заведеній; но вѣдь тогда санитарные протоколы еще не были извѣстны, поджоги застрахованнаго имущества за несуществованіемъ самой страховки не имѣли мѣста, а убійства и крупныя воровства съ открытіемъ поличнаго,—настоящій кладъ для Бѣляева,—случались, конечно, не всякій день. Бѣляеву приходилось напрягать всѣ силы своего ума, чтобы утолять жажду до карбованцевъ Полянина и Замочкина и хоть что-нибудь откладывать себѣ на черный день. Какъ тутъ было уберечься отъ риска и опять не попасть подъ судъ, т. е. въ лапы Полянина и Замочкина съ братіей. И онъ доходилъ въ этомъ отношеніи иногда до вир-

туозности въ расчетѣ на обывательскую темноту и вѣчное сознанiе вины передъ начальствомъ.

Попадается ему разъ Степанъ Парамоновичъ, еще кумъ его.

— Здравствуй, Степанъ Парамоновичъ! Что, кумъ, невесело смотришь?—такъ впослѣдствiи разсказывалъ самъ Бѣляевъ, вспоминая свои трудные годы.

— Да отчего веселому-то быть, вѣдь, легко сказать—тысячу карбованцевъ потерялъ.

— Какъ потерялъ?

— Очень просто, какъ теряютъ,—должно быть обронилъ на улицѣ.

— Ахъ, кумъ, кумъ, вотъ такъ бѣда. Что жъ, подалъ объявленiе о потерѣ?

— Нѣтъ, а что?

— Да поискали бы, ужъ особенно для кума-то постарались бы; можетъ быть, на твое счастье и нашли бы.

Идутъ, это, разговариваютъ, а тутъ и часть передъ ними. Вотъ Бѣляевъ и зазвалъ Степана Парамоновича въ часть. Тамъ ему живо написали, какъ надо, по формѣ, объявленiе о потерѣ денегъ; Степанъ Парамоновичъ подписалъ его. Взялъ отъ него Бѣляевъ объявленiе, перечиталъ, да и говоритъ:

— Такъ. А зачѣмъ ты, кумъ любезный, не подалъ это объявленiе въ узаконенный срокъ.

— Какой такой узаконенный срокъ?—смущенно спрашиваетъ Степанъ Парамоновичъ, уже чуя какую-то бѣду.

— По силѣ такой-то статьи тебѣ слѣдовало сдѣлать объявленіе въ такой-то срокъ, а ты ужъ два срока пропустилъ. А знаешь, кумъ, чѣмъ это пахнетъ?—Да какъ сталъ я его изъ статьи въ статью гонять, до каторги и довелъ.

— Отдай назадъ бумагу,—проситъ Степанъ Парамоновичъ.

— Нѣтъ, братъ! Умѣете вы нашего брата подводить, да и сами тоже попадаетесь.— Ну, на двухстахъ карбованцахъ и помирились.

— Только у меня съ собой денегъ нѣтъ; ты ужъ, кумъ, повѣрь на слово,—вотъ дойду до лавки, сейчасъ же и пришлю.

— Зачѣмъ приказчиковъ отъ дѣла отрывать; пиши въ лавку, чтобы съ посланнымъ доставили двѣсти рублей.

Дѣло благополучно покончено, деньги въ рукахъ Бѣляева, а бумага возвращена Степану Парамоновичу.

— Теперь, кумъ, пойдемъ ко мнѣ чай пить; какимъ, братъ, я тебя ромомъ угощу, такъ ты такого и не нюхивалъ. А до рому Степанъ Парамоновичъ былъ охотникъ. Вотъ за чаемъ Степанъ Парамоновичъ и говоритъ:

— А по чести сказать, кумъ, подлецъ же ты; ну, скажи на милость, за что ты съ меня сорвалъ двѣсти рублей.

— Вотъ какъ вы неправильно судите. Знаешь ли ты, что мнѣ позарѣзъ нужны четыреста рублей: послѣ завтра докладъ по моему дѣлу, а Замочкинъ на бѣду въ карты проигрался, два раза посылалъ—вотъ ему вынь да выложь четыреста рублей. Еще пожалѣлъ тебя, какъ кума и хорошаго человѣка, что согласился на двѣсти рублей; а ты меня за это подлецомъ называешь.

Обыватель однако не входилъ въ такіе резоны и стоялъ на одномъ: только попадись въ руки Бѣляеву—обчиститъ какъ липку.

IX.

Большой начетчикъ.

Праздничный день; матушка удостоивается визита Дмитрія Ивановича,—его жена приходилась ей племянницей. Дмитрій Ивановичъ родомъ былъ изъ Тотьмы, изъ старинной купеческой семьи; но, кажется, еще при его отцѣ ихъ торговыя дѣла уже были въ упадкѣ. Началъ онъ свою карьеру мальчикомъ въ Сибири и тамъ постепенно дошелъ до обознаго приказчика; пріѣзжалъ въ Вологду на побывку, женился на племянницѣ Скулябиной и опять отправился въ Сибирь. Тогда не только простые приказчики, но даже управляющіе крупными дѣлами получали до смѣшного маленькое жалованье, да и его не у всякаго хозяина рѣшались спрашивать; но всѣ съ годами составляли себѣ капиталецъ и по большей части заводили свое собственное дѣло. Такъ было и съ Дмитріемъ Ивановичемъ; сколотилъ онъ пятнадцать тысячъ рублей и отошелъ отъ

хозяина, да на бѣду увлекся золотымъ дѣломъ и скоро прогорѣлъ.

«Вишь, вмѣсто золота,—говаривали о немъ въ Вологдѣ,—нашелъ мѣдную руду».

Послѣ этой неудачи Дмитрій Ивановичъ окончательно перебрался въ Вологду. Здѣсь, пользуясь поддержкой богача Скулябина, пытался начинать разныя дѣла; такъ, одно время открылъ-было чайный магазинъ, первый въ Вологдѣ какъ спеціальная торговля; но изъ всѣхъ его начинаній кромѣ убытковъ ничего не выходило. Теперь у него никакого дѣла не было; такъ, по временамъ «базарилъ», т. е. по мелочамъ покупалъ овесъ и ленъ съ тѣмъ, чтобы перепродать. Но такъ какъ женинъ домъ и большіе амбары, сдававшіеся подъ складъ хлѣба, уцѣлѣли отъ разныхъ катастрофъ, то жить, хотя и скромно, было чѣмъ. Кромѣ того, оставалась надежда на наслѣдство послѣ Скулябиной.

Въ обывательскомъ кругу, несмотря на свои неудачи въ торговыхъ дѣлахъ, Дмитрій Ивановичъ пользовался значительнымъ уваженіемъ. Онъ былъ стариннаго рода, а это очень и очень цѣнилось; къ тому же въ личной жизни Дмитрій Ивановичъ былъ человѣкъ вполнѣ безупречный, хорошій семьянинъ, не пьяница, не мотъ. Но главное, что его выдвигало изъ общаго уровня, такъ согласное мнѣніе всѣхъ обывателей, что онъ — «большой начетчикъ», не только о божественномъ говоритъ все рав-

но, что по книгѣ читаетъ, но и все знаетъ о чемъ его ни спроси. Въ лѣтнюю пору, да еще въ затишный день, въ торговыхъ рядахъ и хозяева, и приказчики, чтобы скоротать время, по цѣлымъ часамъ играютъ въ шашки да крестятъ ротъ, лѣниво позѣвывая. Но стоитъ, бывало, показаться Дмитрію Ивановичу, и вокругъ него сейчасъ же собирается оживленная компанія, а затѣмъ уже и раздается его внушительный голосъ: «Іоаннъ Златоустъ говоритъ», или «одинъ ученый нѣмецъ»... Интересно, что, придавая вѣрѣ, — точнѣе сказать, самобытному обывательскому пониманію ея,— не только первенствующее значеніе, но и чрезчуръ расширенную роль, Дмитрій Ивановичъ въ то же время съ большимъ почтеніемъ относился къ наукѣ, хотя и трудно сказать, что онъ подъ ней понималъ.

«Учись, молодецъ,—бывало, говаривалъ онъ мнѣ, когда я былъ уже въ гимназіи,—произойди всю науку; великое, братъ, дѣло — наука, человѣкомъ станешь».

Человѣкомъ станешь, — это, несомнѣнно, надо понимать въ томъ смыслѣ, что пробьешь себѣ житейскую карьеру.

Наука у Дмитрія Ивановича была неразрывно связана съ представленіемъ о нѣмцѣ.

— Да ты что все на нѣмцевъ ссылку дѣлаешь,—бывало, замѣчали ему въ рядахъ,—а скажи-ка лучше, что наши русаки объ этомъ говорятъ.

— Наши до этого еще не дошли,—отвѣчалъ обыкновенно Дмитрій Ивановичъ, — по времени дойдутъ, до всего дойдутъ, только пока еще въ наукѣ нѣмецъ верхъ беретъ.

Иванъ Николаевичъ, зачастую очень рѣзко критиковавшій торговую дѣятельность Дмитрія Ивановича, — «съ такой заручкой, какъ Скулябинъ, какое бы дѣло могъ развести!»— тѣмъ не менѣе, и, видимо, не безъ нѣкоторой зависти, признавалъ безспорное умственное превосходство Дмитрія Ивановича.

— И гдѣ это онъ, тетенька, всей этой премудрости набрался?

— Да вѣдь у него отецъ былъ умнѣйшій человѣкъ; Дмитрій Ивановичъ-то за заслуги отца (по открытію мощей св. Ѳеодосія Тотемскаго) даже выхлопоталъ себѣ потомственное почетное гражданство.

Не менѣе характерна была у Дмитрія Ивановича наклонность, довольно, впрочемъ, распространенная у тогдашнихъ грамотеевъ-обывателей, не только къ своеобразному истолкованію того немногаго, что они знали, но и къ фактическому дополненію его изъ какого-то неизвѣстнаго источника, вѣроятнѣе всего— изъ своей собственной головы. И думаю, что это дѣлалось по совершенно добросовѣстному предположенію, что непремѣнно дѣло такъ должно было быть.

Разъ какъ-то тетка, вернувшаяся изъ Петербурга, куда она частенько ѣздила, спра-

шиваетъ Дмитрія Ивановича, отчего это въ Петербургѣ такъ много нѣмцевъ.

— А видите, тетушка, — не задумываясь отвѣчалъ Дмитрій Ивановичъ, — когда царь Петръ отвоевалъ у шведовъ ту землю, гдѣ теперь Петербургъ, народу тамъ никакого не жило, а мѣсто было удобное для заграничнаго торга: наши въ ту пору съ этимъ дѣломъ были незнакомы. Вотъ царь Петръ и кликнулъ кличъ къ нѣмцамъ: кто, молъ, на этомъ мѣстѣ оснуется, того на пятьдесятъ лѣтъ освобождаю отъ всякихъ податей, а отъ рекрутчины—навсегда. Съ тѣхъ поръ нѣмцы тамъ и живутъ.

Самая наружность Дмитрія Ивановича немало импонировала на слушателя; я никогда не замѣчалъ, чтобы онъ не только смѣялся, но даже улыбался; говорилъ онъ увѣренно, тономъ, не допускавшимъ возраженій; если слушатель пытался вставить свое противорѣчивое слово, онъ рѣзко обрывалъ его: «Ужъ вы, пожалуйста, не путайте,—въ священныхъ книгахъ сказано, или—ученые люди говорятъ»...

И таковъ былъ общепризнанный въ обывательской средѣ авторитетъ Дмитрія Ивановича, что никому и въ голову не приходило спросить: а въ какихъ это книгахъ, или какіе ученые? Да, впрочемъ, и придти не могло, по той простой причинѣ, что изъ книгъ обыватель зналъ только Часословъ да нѣкоторые еще Псалтирь; что же касается до ученыхъ,

то лишь немногіе изъ обывателей слыхали, что былъ Ломоносовъ, хоть и изъ простыхъ архангельскихъ крестьянъ, но такой ученый, что жилъ въ Петербургѣ, и ему за его ученость отъ царя жалованье шло.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, поздравленій съ праздникомъ и взаимныхъ вопросовъ о здоровьи матушка вышла въ сѣни и принялась спѣшно ставить самоваръ; я остался одинъ съ Дмитріемъ Ивановичемъ и еще плотнѣе уткнулся въ уголъ; его строгій взглядъ, сведенныя и нахмуренныя брови вмѣстѣ съ рѣзкимъ тономъ разговора всегда приводили меня въ большое смущеніе.

— А ты, молодецъ, каково поживаешь? — спросилъ меня Дмитрій Ивановичъ, запуская въ носъ добрую щепотку табаку.—Что это у тебя на щекѣ?

Я-было уже собрался отвѣтить: «такъ, поприччилось», какъ вошла матушка,—изъ сѣней она слышала вопросъ Дмитрія Ивановича.

— Вотъ второй мѣсяцъ какъ у него этотъ нарывчикъ, все не подсыхаетъ; я ужъ и луковку печеную прикладывала, да что-то не проходитъ.

— Надо, тетушка, помазать сметаной и дать собакѣ хорошенько вылизать.

— Вотъ еще что выдумалъ, дамъ я свое дитя собакѣ лизать.

— Вѣрнѣйшее средство, тетушка, я это вычиталъ въ ученѣйшей книгѣ; тамъ прямо сказано, что у собаки семь лѣкарствъ на языкѣ. Вотъ шерсть у нея, точно, нечистая, потому ея и нельзя пускать въ церковь. А о кошкѣ тамъ же говорится, что у нея языкъ поганый, зато шерсть чистая, такъ что, если кошка не только въ церковь заберется, но даже на престолъ сядетъ,—это ничего... А это вамъ, тетушка,—и что-то торопливо передалъ матушкѣ, должно быть, чай или сахаръ.

Дмитрій Ивановичъ иногда помогалъ матушкѣ, но всегда это дѣлалъ такъ, чтобы не знала его жена, женщина замѣчательно скупая.

Между тѣмъ подошелъ Иванъ Николаевичъ.

— Здравстуйте, сватушко, — сказалъ онъ, предварительно поздоровавшись съ матушкой.

— Здравствуй, Иванъ Николаевичъ, — отвѣтилъ Дмитрій Ивановичъ, относившійся нѣсколько свысока къ Ивану Николаевичу за то, что онъ — «непутевый человѣкъ», а тотъ, въ свою очередь, соблюдая все наружное почтеніе, не пропускалъ иногда случая, особенно если былъ нѣсколько навеселѣ, такъ или иначе завести разговоръ насчетъ Сибири и при этомъ спросить, часто ли тамъ вмѣсто золота находятъ мѣдь, на что и получалъ отъ Дмитрія Ивановича рѣзкій отвѣтъ: «А... хочешь знать, такъ отправляйся самъ въ Сибирь».

— А вотъ, тетенька, вчера я слышалъ отъ брянчаниновскаго повара, что будто холера

идетъ; можетъ быть, пустое болтаютъ; вы, Дмитрій Ивановичъ, ничего не слыхали?

— Это точно есть слухъ о холерѣ, но она еще очень далеко, Богъ дастъ, и не доберется до Вологды,—отвѣтилъ Дмитрій Ивановичъ,—однако губернаторъ уже призывалъ городского голову, строго наказывалъ ему насчетъ чистоты, и чтобы въ случаѣ чего всѣ сейчасъ же за докторомъ посылали. Только, тетушка, противъ холеры, Боже насъ упаси отъ нея, никакіе доктора ничего подѣлать не могутъ; тутъ вся надежда на одну Царицу Небесную да на молитвы аѳонскихъ монаховъ.

— Почему же аѳонскихъ монаховъ, развѣ у насъ мало своихъ святыхъ угодниковъ?—съ нѣкоторою обидой замѣтилъ Иванъ Николаевичъ.

— Вся земля только и держится молитвами аѳонскихъ монаховъ, — съ особеннымъ удареніемъ проговорилъ Дмитрій Ивановичъ.— Она, матушка, лежитъ на спинѣ кита; чтобы онъ какъ-нибудь не пошевелился, аѳонскіе монахи должны день и ночь молиться; остановись они хоть на одну секунду, — китъ сейчасъ же зашевелится, ну, земля и опрокинулась бы.

Передъ возможностью такого фатальнаго исхода Иванъ Николаевичъ призадумался и могъ только выговорить:

— Дивны дѣла Твои, Господи!

— Тоже насчетъ холеры... — продолжалъ Дмитрій Ивановичъ.—Прежде мало ли что о ней болтали, особенно бабье необразованное, но теперь доподлинно извѣстно, что такое холера, и отъ откуда она берется. На морѣ, тетушка, не такъ далеко отъ Аѳона, есть такое мѣсто, что вдругъ изъ воды гора поднимается, а изъ горы вредоносное испареніе исходитъ; въ которую сторону понесетъ это испареніе, тамъ холера и бываетъ. Только эта гора долго не держится, такъ, можетъ быть, съ минуту, опять и опускается въ пучину морскую. Вотъ аѳонскіе монахи и стерегутъ, какъ запримѣтятъ, что гора показалась, такъ сейчасъ же и подымаютъ Царицу Небесную, и куда бы до того времени вѣтеръ ни дулъ, въ то же мгновеніе и повернетъ испареніе въ ту сторону, гдѣ невѣрные живутъ... Такъ вотъ, Иванъ Николаевичъ, что значатъ аѳонскіе монахи,—многозначительно заключилъ Дмитрій Ивановичъ. Подумавши съ минуту, однако, прибавилъ:—А тоже на Бога надѣйся, да за собой наблюдай.

— А я, тетенька, думаю, — вставилъ свое слово Иванъ Николаевичъ,—что, кому на роду написано умереть, такъ, что бы онъ ни дѣлалъ, ему Горбачева (ближайшее кладбище) не миновать.

Въ противоположность Дмитрію Ивановичу, который безъ устали могъ говорить о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе, Иванъ Ни-

колаевичъ при его фаталистическомъ воззрѣніи имѣлъ наклонность быстро переходить въ рѣшительный сенсуализмъ.

— Коли холера по лѣту подойдетъ, ни почемъ будутъ огурцы и ягоды,—не безъ удовольствія замѣтилъ онъ.

— Что вы, тетушка, дѣлаете!—вдругъ почти закричалъ Дмитрій Ивановичъ, замѣтивъ, что матушка собирается полоскать его чашку.—Вѣдь весь букетъ, что на днѣ чашки, выполощете.

— Ахъ, прости, Дмитрій Ивановичъ, совсѣмъ и забыла, что ты этого не любишь. А вотъ, скажи, пожалуйста, правда ли, что чай на свиномъ салѣ поджариваютъ? Въ прошлую пятницу была я у Ушаковой, такъ меня-то она угощала чаемъ, а сама не пила, говоритъ: грѣшно—постный день.

— Да вѣдь она, тетушка, по секрету, старой вѣры придерживается. Ужъ я-то чайное дѣло знаю, самихъ китайцевъ допытывалъ,—ни на какомъ салѣ чай не поджариваютъ. Пустое болтаютъ старовѣры, все это отъ своей закоснѣлости и необразованія.

Хотя въ самой Вологдѣ настоящихъ старовѣровъ, т. е. явныхъ, кажется, и не было, но нерѣдко встрѣчались придерживавшіеся койчего изъ запретовъ древняго благочестія; у иныхъ это безсознательно сказывалось въ нѣкоторомъ смущеніи относительно табака, отвращеніи отъ мяса животныхъ «безъ раздвоен-

ныхъ копытъ», рыбы безъ чешуи и т. п. Иванъ Николаевичъ любилъ свертывать «цыгарку», а нѣтъ-нѣтъ его и брало сомнѣніе, не выросъ ли табакъ отъ нѣкоей непотребной блудницы; его даже не успокаивало увѣреніе Дмитрія Ивановича, что табакъ—трава безгрѣшная, и нюхать его даже очень полезно, такъ какъ оттягиваетъ отъ головы дурные соки. Покуриваетъ, бывало, Иванъ Николаевичъ свою «цыгарку», да вдругъ и проговоритъ: «За все на томъ свѣтѣ придется отвѣтъ держать»;—«А курилъ ты, Иванъ Николаевичъ, табакъ?» —«Грѣшенъ».—«Ну, такъ поди же въ пекло, тамъ для тебя черти раскурку приготовили».

Разъ какъ-то въ воскресенье, послѣ обѣдни, собрались въ монастырѣ у тетки Марьи Ивановны,—она капиталисткой слыла,—матушка со мной, Дмитрій Ивановичъ и Иванъ Николаевичъ. За чаемъ Иванъ Николаевичъ и говоритъ:

— А что, сватушко, съ кѣмъ это война идетъ?

Но здѣсь я позволю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе.

По части внутренней политики, выражаясь теперешнимъ языкомъ, тогдашній обыватель зналъ, что есть поляки, но они «Варшаву проспали», и теперь ихъ бояться нечего; зналъ еще, что гдѣ-то далеко,—на Кавказѣ,—водятся чер-

кесы, бѣдовый народецъ, но имъ «наши» тоже спуску не даютъ; объ евреяхъ, конечно, всякій твердо помнилъ, что они Христа распяли, но гдѣ они теперь и чѣмъ занимаются, этимъ никто не интересовался. Настоящую внутреннюю политику для обывателя составляли подушные, постойные, рекрутскіе наборы, всякое божеское попущеніе и, какъ замыкающее звено въ этой цѣпи, Бѣляевъ и К°. Что касается до политико-географическихъ свѣдѣній о чужихъ странахъ, то и ихъ совокупность тоже была не особенно велика. Обыватель зналъ, что есть нѣмцы,—всѣ доктора изъ нѣмцевъ; потомъ французы,—тѣ были въ двѣнадцатомъ году въ Москвѣ, да есть еще невѣрные турки, то-жъ агаряне,—за грѣхи наши градъ Христовъ у нихъ въ рукахъ; знали обыватели еще поговорку: «пропалъ, какъ шведъ подъ Полтавой», но всѣ ли шведы извелись въ ту пору, или и теперь водятся, объ этомъ обыватель не задумывался. Даже обыватели, имѣвшіе дѣло съ Архангельскомъ, по части историко-географическихъ свѣдѣній оказывались не особенно далеко ушедшими отъ своихъ предковъ, которые, какъ извѣстно, всѣхъ нерусскихъ называли нѣмцами, различая между ними нѣмцевъ амбурскихъ, свейскихъ, аглицкихъ и т. д. Хотя въ Вологдѣ, не говоря уже объ уѣздномъ училищѣ и гимназіи, существовали два приходскія училища, гдѣ обученіе, помнится, было безплатное, однако настоящій обыватель какъ-то сторонился ихъ, — тамъ,

вишь, учили по гражданской печати, потому даже цѣлыя купеческія фамиліи въ силу традиціи посылали своихъ дѣтей къ черничкамъ и дьячкамъ. Моя матушка, будучи изъ стариннаго купеческаго рода Введенскихъ, какъ пришло время, тоже отправила меня въ женскій монастырь, хотя ей и нелегко было платить за меня 2 р. въ годъ; только я учился по гражданской печати.

Правда, нѣкоторые изъ обывателей ежегодно ѣздили по своимъ торговымъ дѣламъ къ Макарью (никто тогда не говорилъ нижегородская ярмарка), въ Москву, Петербургъ: но, внѣ спеціальной цѣли поѣздки, эти города являлись обывателю только со стороны разгула. Рѣдкая жена, снаряжая въ дорогу мужа, даже самаго степеннаго и богобоязненнаго, не предавалась тяжелому раздумью, какъ бы онъ «не закрутилъ тамъ». Живые примѣры были у всѣхъ на лицо,—немало купеческихъ фамилій въ корень разорилось отъ этихъ поѣздокъ.

Въ средѣ низшаго обывательскаго слоя нѣкоторое расширеніе политико-географическаго горизонта могли бы вносить разсказы отставныхъ солдатъ; но это, должно быть, была поистинѣ величайшая рѣдкость, когда обыватель, «отслуживъ вѣрой и правдой двадцать пять лѣтъ Богу и великому государю», возвращался на родину. Ни въ раннемъ дѣтствѣ, ни когда я былъ въ гимназіи, мнѣ не приходилось встрѣчать такихъ.

Но пора вернуться къ прерванному разговору.

— Война идетъ съ венгерцемъ,—отвѣчалъ Дмитрій Ивановичъ.

— Это какой же народъ, сватушко,—крещеный, или бусурманскій?

— Нѣтъ не бусурманскій, а папской вѣры.

— А Христа они признаютъ?

— Признавать-то они Христа признаютъ, а только больше почитаютъ своего папу, старичка такого.

— Поди-жъ ты какой чудной народъ! Откуда же они достаютъ этого старичка?

— А выбираютъ.

— Все равно, значитъ, какъ наши староверы... Ну, а Богородицу чтятъ?

Этотъ вопросъ, повидимому, поставилъ Дмитрія Ивановича въ нѣкоторое затрудненіе, и онъ, подумавши, отвѣтилъ нѣсколько въ сторону:

— Они Матерь Божію не Богородицей, а Мадонной называютъ.

— Ахъ, они безбожники,—съ горячностью отозвался Иванъ Николаевичъ, полагая, должно быть, что слово Мадонна означаетъ что-то уничижительное.—А у насъ, Дмитрій Ивановичъ, въ Россіи, есть народъ такой вѣры?

— Есть,—поляки, только они у насъ католиками называются.

— Вотъ у покойничка Ѳедора Савельевича,—замѣтила матушка,—былъ въ инвалидной

командѣ полячекъ Врубель, хорошій такой, честный, трезвый, такъ онъ Іисуса Христа называлъ Панъ Іезусъ, а Богородицу—Матка Боска.

— Что вы, тетенька, это Сына Божьяго-то паномъ называлъ?

— Такъ, Ваня, должно быть, по-ихнему приходится, — успокоительно отвѣчала матушка.

— А почему же, Дмитрій Ивановичъ, нашъ царь попускаетъ имъ католицкую вѣру исполнять?

— Такъ это еще при старыхъ царяхъ заведено было, чтобы они при своей вѣрѣ оставались; ну, а по времени все-таки ихъ понемногу къ нашей вѣрѣ приписываютъ; вотъ еще недавно многихъ православными сдѣлали. Въ старину-то вѣдь всѣ были одной вѣры апостольской, православной греческой, да за грѣхи наши распаденіе потомъ пошло, и тутъ многіе папѣ подчинились.

— А война-то изъ-за чего же?—полюбопытствовала матушка.

— Венгерцы, тетушка, взбунтовались противъ своего царя, а онъ сватомъ приходится нашему императору, ну, и просилъ у него по-родственному помощи.

— Какъ полагаете, сватушко, у венгерцевъ сила значительная?—опять выступилъ Иванъ Николаевичъ.

— Нѣтъ, у нихъ больше конница, все равно, какъ наши казаки; только куда! Противъ нашихъ казаковъ имъ не выстоять,—отъ тѣхъ самъ Наполеонъ едва во-свояси добрался.

Иванъ Николаевичъ, удовлетворивъ свое любопытство, должно быть, вспомнилъ, что его давно дома ждутъ щи и пирогъ, накрылъ чашку, поблагодарилъ тетку и распрощался.

— Вотъ, давно бы надо ѣхать въ Петербургъ,—по уходѣ его сказала тетка,—да все не рѣшаюсь, тамъ что-то неспокойно...

— Ничего, тетушка, Марья Ивановна (изъ особеннаго почтенія Дмитрій Ивановичъ всегда величалъ ее по имени и отчеству), не опасайтесь, все уже покончено. Конечно, батюшкѣ-царю было большое огорченіе, только онъ безпримѣрную милость явилъ,—никого на этотъ разъ живота не лишилъ, а всѣхъ просто по дальнимъ мѣстамъ разослали.

— Да что такое было-то?—спросила тетка.

Тутъ Дмитрій Ивановичъ, поминутно оглядываясь, хотя въ кельѣ никого не было, сталъ что-то въ полголоса разсказывать,—я ничего не понималъ: «смятеніе умовъ... колебаніе вѣры и престола... все это отъ вольнодумства»...

Дмитрій Ивановичъ дожилъ до глубокой старости. Въ половинѣ девяностыхъ годовъ въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ въ Вологду я навѣстилъ старика. Онъ жилъ совсѣмъ одинъ-

одинехонекъ, жена умерла, дочери вышли замужъ, а сынъ,—тяжело было старику и вспоминать о немъ,—попался въ нехорошемъ дѣлѣ и угодилъ подъ уголовный судъ. Старые знакомые всѣ перемерли. Онъ, конечно, не узналъ меня и очень обрадовался, когда я сказалъ ему, кого онъ передъ собой видитъ. Сначала поговорили о Сибири.

— Каково же тебѣ жилось въ Боготолѣ?

— Да я никогда не жилъ въ Боготолѣ.

— Ну, что не дѣло говоришь, вѣдь я навѣрное знаю, что ты въ боготольскомъ заводѣ былъ.

Я не сталъ спорить, по тону видно было, что прежній духъ, не допускавшій возраженій, еще не угасъ въ старикѣ.

— А теперь откуда пожаловалъ?

— Да былъ въ разныхъ земляхъ, сюда почти прямо изъ Константинополя пріѣхалъ.

— А на Аѳонѣ бывалъ?

— Нѣтъ, не довелось.

— Какъ же это, братецъ, не побывалъ на Аѳонѣ? Вѣдь земля-то и держится только молитвами аѳонскихъ старцевъ.

Но духъ времени коснулся и Дмитрія Ивановича.

— Какъ, старина, время коротаешь?

— А когда въ силахъ, въ церковь хожу, по лѣтамъ съ работникомъ рыбачимъ; почитываю,—зять газету выписываетъ, спасибо, и мнѣ даетъ читать.

Дѣйствительно, на столѣ я замѣтилъ нѣсколько нумеровъ одной маленькой, но весьма распространенной петербургской газеты.

— Скажи ты мнѣ на милость, что у васъ въ Петербургѣ слышно: скоро ли англичанку угомонятъ? Хоть бы привелъ Богъ дожить да узнать, что спѣси-то ей поубавили. Вѣдь вездѣ мутитъ, вездѣ намъ ходу не даетъ!..

. . . .

X.

Ошибочка Саши Котловой.

Мѣщанина Котлова всѣ считали человѣкомъ состоятельнымъ; у него былъ свой домъ достаточно помѣстительный; домъ, правда, былъ не новый, но выглядѣлъ совсѣмъ исправно. Во дворѣ имѣлись большіе амбары, сарай съ помѣщеніемъ для лошади, обязательный хлѣвникъ и баня въ огородѣ. Тогда безъ бани и хлѣвника настоящаго обывателя и представить себѣ нельзя было; коровушку держали даже многіе, не имѣвшіе своего дома, а по субботамъ каждый считалъ непремѣннымъ долгомъ попариться въ банькѣ. Котловъ главнымъ образомъ занимался закупомъ льна по порученію крупныхъ экспортеровъ, напримѣръ, Скулябина, Витушешниковыхъ, но, когда подвертывались по сходной цѣнѣ мука и овесъ, закупалъ то и другое уже за свой счетъ, а по веснѣ перепродавалъ. Котловъ по льняному дѣлу часто былъ въ разъѣздахъ, особенно по грязовецкому уѣзду, съ давнихъ поръ славив-

шемуся своимъ льноводствомъ; тамъ Котловъ зналъ всѣхъ крестьянъ и нерѣдко по веснѣ раздавалъ задатки, а съ конца лѣта и до заморозковъ почти все время проводилъ въ разъѣздахъ по уѣзду. Ему, вѣроятно, было подъ пятьдесятъ лѣтъ; рослый, плотно сложенный съ густою шапкою слегка вьющихся рыжевато-русыхъ волосъ, онъ выглядѣлъ однако настоящимъ молодцомъ и много моложе своихъ лѣтъ. Полную противоположность съ нимъ представляла его жена, которая хотя и была моложе мужа, но отцвѣла раньше времени. Правда, она не выглядѣла старухой, но въ ея осунувшемся лицѣ и кровинки не видно было; только изрѣдка проявлявшаяся улыбка вызывала когда-то красивыя черты лица. И не труды непосильные преждевременно состарили ее, не побои пьянаго мужа.

«Все-то у нихъ въ домѣ есть, а не сладка тоже жизнь Анфисы Павловны,—говорили о ней сосѣдки;—тяжелый характеръ у Котлова».

Въ самомъ дѣлѣ, вглядываясь въ выраженіе лица Анфисы Павловны, казалось, что у нея ни въ чемъ нѣтъ своей воли, и дѣйствительно, она жила только одною мыслью: какъ бы потрафить мужу. Человѣкъ онъ былъ трезвый, ни разу пальцемъ ея не тронулъ; но никогда не слыхала она отъ него ласковаго или участливаго слова. Самое трудное время для Анфисы Павловны было, когда жива была свекровь.

«Нынѣ,—говаривала Анфиса Павловна,— и не повѣрятъ, пожалуй, какъ прежде-то тяжело быть жить. Выдали меня за Александра Петровича по семнадцатому году, была жива еще его матушка, царство ей небесное, Марья Петровна: охъ, какая требовательная была да взыскательная! Встанешь утромъ раньше всѣхъ, все по дому что надо начнешь, затопишь печь, поставишь самоваръ, подоишь корову. Вотъ поднимается Марья Петровна, идешь къ ней и первымъ дѣломъ поклонишься въ ноги.— «Что, матушка, Марья Петровна, прикажете надѣть?» — «А что хочешь, то, милая, и надѣвай; ты, слава Богу, не маленькая, сама хозяйка своего добра». Знала я хорошо ея обычай, чтобы хоть разъ за правду принять эти слова; вотъ второй разъ въ ноги, да и еще разъ. Ну, наконецъ, она и проговоритъ: «А по-моему бы лучше надѣть синее платье съ клѣточками». Но, случалось, такъ раскапризничается, что едва со слезами добьешься отъ нея отвѣта. Тоже, бывало, все попрекаетъ Александра Петровича, что не умѣетъ онъ какъ слѣдуетъ жену держать, что потому я ей мало почтенія оказываю. «Вотъ покойничекъ-то, отецъ твой, Петръ Николаевичъ, такъ у него всегда плетка надъ кроватью висѣла». Александръ Петровичъ только молчитъ, вѣдь самъ хорошо видитъ, что ужъ такой характеръ у матери, а чтобы взять когда-нибудь мою сторону — и Боже упаси! Разъ засталъ

меня въ слезахъ,—свекрови-то дома не было. «Ты это что еще выдумала? Хныкать?» И такъ-то строго посмотрѣлъ, что я отъ страха точно окаменѣла. Съ тѣхъ поръ у меня точно и слезы навсегда высохли. Кромѣ церкви да въ самые большіе праздники поздравить родителей никуда моя нога изъ дома не выходила; да вѣдь и къ родителямъ-то первые годы одну не пущали. И такъ-то прожила безъ малаго десять лѣтъ, пока не умерла Марья Петровна. По началу куда какъ тяжело было, а потомъ ужъ привыкла».

Частыя поѣздки Котлова въ Грязовецъ, гдѣ у него было нѣчто въ родѣ постоянной квартиры, сосѣди не всегда приписывали исключительно дѣловымъ обстоятельствамъ: «Да вѣдь у него тамъ сударушка, сказываютъ, даже и дѣти есть».

Знала, конечно, объ этомъ и Анфиса Павловна, хотя не только не давала о томъ понять мужу, но и никому не проговаривалась.

Котловъ держалъ себя какъ-то особнякомъ, къ настоящему купечеству онъ не присталъ, а съ мелкотой обывательской не водился, потому его называли гордецомъ, а въ дѣловыхъ отношеніяхъ — прижимистымъ. Впрочемъ почетъ ему оказывали; онъ уже много лѣтъ былъ церковнымъ старостой. Два раза въ годъ у Котлова были своего рода банкеты,—въ приходскій церковный праздникъ и его именины. На эти банкеты приглашались, конечно, только

именитые прихожане да кое-кто изъ родственниковъ. Гости являлись обыкновенно тотчасъ послѣ обѣдни; банкеты проходили чинно; самъ Котловъ не пилъ и на угощеніе водкой не налегалъ, потому гости, напившись чая да закусивъ именининымъ пирогомъ, скоро и расходились. За большимъ столомъ, накрытымъ чистою холщевою скатертью, ставился ведерный самоваръ; по одну сторону стола усаживались мужчины, при чемъ наиболѣе почтеннымъ изъ нихъ указывалось мѣсто подъ образами; другую сторону занимали женщины. Онѣ обыкновенно сидѣли, точно воды набравши въ ротъ, мужчины же по большей части степенно дебатировали темы, вращавшіяся около церковнаго обихода.

— Оно, точно, Иванъ Петровичъ, противъ соборнаго протодіакона спасскому діакону въ многолѣтіи не выстоять, а только ектеніи онъ говоритъ внятнѣе да и въ служеніи виднѣе будетъ, благообразнѣе.

— Ну, нѣтъ, тоже и протодіаконъ умѣетъ себя показать; какъ это онъ подойдетъ да скажетъ: «Владыко, благослови!»—величественно!

— Сказываютъ, что протодіаконъ безъ двухъ стакановъ водки натощакъ и рта открыть не можетъ, вмѣсто голоса-то одна сипотина.

— Это ужъ такъ у басовъ всегда бываетъ, что безъ водки у нихъ настоящая сила голоса ни почто не проявится.

— Вотъ нынѣ у Покрова пѣвчихъ завели, а вѣдь и приходъ-то небольшой.

— Да это все иждивеніемъ Калистрата Петровича; много онъ для храма Божьяго дѣлаетъ, по осени колоколъ новый повѣсилъ, и какой гулкій же, сейчасъ его разберешь, хоть бы разомъ въ десяти церквахъ зазвонили.

Этикетъ обязательно требовалъ, выпивши чашку (тогда стаканы не были въ употребленіи), сейчасъ же ее накрыть; хозяйка немедленно предлагала еще выкушать; нѣкоторые продѣлывали эту церемонію по шести и болѣе разъ.

У Котлова было трое дѣтей; сынъ, уже взрослый, не поладилъ съ отцомъ и ушелъ въ Архангельскъ; одна дочь была замужемъ, другая, дѣвушка-невѣста, оставалась дома.

«Ужъ сколько свахъ перебывало у Котловыхъ, все ему не женихи, а вѣдь дѣвкѣ-то двадцатый годъ, да изъ себя видная, суховата, правда, такъ еще придетъ пора—раздобрѣетъ. Норовитъ Котловъ, должно быть, выдать ее за купца, пожалуй, ему и удастся, вѣдь у него мошна толстая».

Правда, ходили слухи, что въ качествѣ церковнаго старосты Котловъ оперируетъ церковными деньгами, — отъ такого подозрѣнія, кажется, въ то время не былъ свободенъ ни одинъ церковный староста.

«Котлову легко дѣло вести, — говаривалъ Иванъ Николаевичъ, — не хватитъ скулябин-

скихъ денегъ, онъ церковныя въ ходъ пускаетъ, а только, тетенька, помяните мое слово: кто церковныхъ денегъ касается, тотъ добромъ не кончитъ».

Подъ весну въ домѣ, выходившемъ на противоположную отъ Котловыхъ улицу, поселился молодой смазливый чиновникъ. Какъ всякій новый человѣкъ въ околодкѣ, онъ не избѣжалъ довольно внимательныхъ наблюденій со стороны обывателей.

«Должно быть, большіе доходы получаетъ, вѣдь за одну квартиру и харчи платитъ пять рублей, а сколько у него всякой одёжи! Тоже часы съ серебряной цѣпочкой (часы тогда въ обывательскомъ кругу были большая рѣдкость), да и щеголь же,—каждый день надѣваетъ чистую манишку».

Какъ только стало тепло и выставлены были зимнія рамы, чиновникъ началъ оглашать воздухъ звуками гитары и пѣніемъ самыхъ модныхъ тогдашнихъ романсовъ, напримѣръ: «Вотъ на пути село большое» или «Она моя, она моя». Котловскій огородъ, оканчивавшійся чѣмъ-то въ родѣ сада, задами какъ-разъ сходился съ огородомъ дома, гдѣ поселился новый жилецъ; въ этомъ послѣднемъ огородѣ было нѣчто въ родѣ бесѣдки; недовольствуясь пѣніемъ въ своей квартирѣ, чиновникъ нерѣдко переселялся въ бесѣдку и тамъ еще съ

большею страстностью пускалъ въ ходъ свой тоненькій тенорокъ. Въ концѣ осени онъ вдругъ совершенно неожиданно перебрался совсѣмъ почти на противоположный конецъ города, и о немъ скоро позабыли бы...

Но черезъ нѣкоторое время началось какое-то шушуканье, что, молъ, у Котловыхъ что-то неладно,—въ полголоса при этомъ произносились имена Саши, чиновника; стали поговаривать о какой-то «ошибочкѣ» Саши. Еще прошло, быть можетъ, съ мѣсяцъ, и вдругъ всѣ узнаютъ, что Котлова, которая даже рѣдко изъ дома выходила, уѣхала съ дочерью, кажется, въ Кадниковъ, яко-бы провѣдать тетку, о которой раньше никто и не слыхалъ. Тутъ разговоры пошли громче и открытѣе.

— Извѣстно, зачѣмъ уѣхали, вѣдь Саша-то послѣднее время ходитъ.

— Поди-жъ ты, Саша, казалось, такая смирная была.

— Дѣвки глупы, а нынѣ долго ли до грѣха. Самъ все въ разъѣздахъ, мать, почитай, цѣлое лѣто недомогала, ну, Саша-то съ утра до ночи одна по цѣлымъ днямъ въ огородѣ и была.

— Котловъ-то темнѣе ночи ходитъ. Наказалъ его Богъ за гордость; мало ли было жениховъ, вотъ хоть бы Первухинъ, вѣдь послѣ Сорокина первый домъ въ Турундаевѣ (подгородное удѣльное село), лошадей тройку держитъ, да еще какихъ! Такъ нѣтъ, мѣ-

тилъ все за купца выдать; теперь какого-то зятя найдетъ?

Помнится, о Великомъ постѣ Котлова съ Сашей вернулись, и опять начались сосѣдскіе разговоры.

— Осунулась-таки дѣвка, точно кошка ободранная.

Кто жалѣлъ Сашу, кто говорилъ: «Сама себя раба бьетъ, коли нечисто жнетъ»; но больше всего злорадствовали насчетъ Котлова:

— Теперь самъ будетъ засылать свахъ, да развѣ какой-нибудь отпѣтый согласится взять за себя Сашу.

Но не прошло и двухъ недѣль послѣ возвращенія Котловыхъ, какъ опять новость, — Саша поступила въ монастырь.

— Непремѣнно дѣвка противъ своей воли ушла въ монастырь; а и то надо сказать,— ничего ей другого и не оставалось. Ну, положимъ, что какой-нибудь прощалыга позарился бы на ея приданое, такъ вѣдь что за жизнь была бы Саши: никогда не услышать добраго слова, а все только одни попреки да побои.

Саша поступила въ монастырь подъ начало старой монахини, матери Евфросиніи, у нея въ кельѣ и поселилась. Мать Евфросинія выдѣлялась въ монастырѣ своею строгостью и рѣзкимъ характеромъ; ея побаивалась сама игуменья, которой она подчасъ не стѣснялась

прямо высказывать свое неодобреніе за разныя послабленія, существовавшія въ монастырѣ. Однако, она и сама позволяла себѣ одно отступленіе отъ монастырскихъ порядковъ, — держала собачку, такую же старую и сѣдую, какъ и сама была. Матери Евфросиніи было, должно быть, далеко за семьдесятъ лѣтъ; вся высохшая, сгорбившаяся, постоянно опираясь на посохъ, стоитъ она, бывало, въ церкви, съ лицомъ, неустанно обращеннымъ къ царскимъ вратамъ; вотъ приподниметъ свою трясучую голову и медленно дрожащею рукой дѣлаетъ крестное знаменіе, потомъ еще медленнѣе поклонится и въ этомъ положеніи какъ бы застынетъ; только ритмическое движеніе губъ, шепчущихъ молитву, показываетъ, что это — живое существо, а не изваяніе. Богослуженіе кончено; всѣ начинаютъ подходить ко кресту; трогается со своего мѣста и мать Евфросинія; ей почтительно даютъ дорогу, священникъ благолѣпно ждетъ ея приближенія; сдѣлавъ глубокій поклонъ и осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, приложится она ко кресту, облобызаетъ руку священника и опять смиренно поклонится; сестры терпѣливо ждутъ, когда она отойдетъ въ сторону, чтобы приложиться еще къ нѣкоторымъ иконамъ. И всѣ также, особенно бѣлички, спѣшатъ скрыться съ ея глазъ; но это не смущаетъ мать Евфросинію; въ церкви уже раздается ея рѣзкій голосъ: «Сестра Анна, поди-ка сюда! Что это

ты, сестра, по церкви бѣгаешь, точно на базарѣ; развѣ не знаешь, что въ храмѣ Божьемъ надо держать себя со страхомъ и трепетомъ?»— «Простите, матушка Евфросинія»,—съ низкимъ поклономъ отвѣчаетъ провинившаяся.—«Бога проси простить, а не меня грѣшную». Рѣдко случалось, чтобы мать Евфросинія покидала церковь, не прочитавши кому-нибудь приличную нотацію.

Тогда въ монастырѣ общежитія не было, всѣ жили по отдѣльнымъ кельямъ; болѣе состоятельныя занимали отдѣльныя кельи, которыя обыкновенно покупали (послѣ смерти онѣ опять возвращались монастырю); побѣднѣе жили въ полукельяхъ или по нѣскольку вмѣстѣ. Кромѣ полныхъ монахинь, получавшихъ, кажется, отъ монастыря опредѣленную сумму на содержаніе, всѣ другія должны были сами содержать себя, по большей части, отъ трудовъ рукъ своихъ. Особенно развито было въ монастырѣ изготовленіе фольговыхъ окладовъ на иконы. Необходимость заработка поддерживала весьма дѣятельныя сношенія обитательницъ монастыря съ міромъ; бѣличекъ и даже монахинь всегда можно было встрѣтить въ городѣ. Но Саша, теперь сестра Александра, обезпеченная въ средствахъ существованія, знала только одну дорогу — въ церковь; уже болѣе года она прожила въ монастырѣ, и ни разу ея нога не переступала монастырскую ограду. Изрѣдка навѣщала ее мать, но

свиданія всегда происходили въ присутствіи матери Евфросиніи, и если что было на душѣ, то никогда не выговаривалось; дальше порога кельи сестра Александра даже не рѣшалась провожать мать. Кромѣ церкви, время у нея уходило на домашнее хозяйство; затѣмъ по цѣлымъ часамъ мать Евфросинія заставляла ее вслухъ читать житія святыхъ; только когда послѣ обѣда мать Евфросинія укладывалась на часокъ отдохнуть, сестра Александра оставалась одна сама съ собою и принималась за какое-нибудь рукодѣліе. Даже что дѣлалось въ стѣнахъ монастыря, точно не существовало для нея; ни съ кѣмъ она не познакомилась; въ церкви ли, при другой ли какой встрѣчѣ кромѣ низкаго поклона никто ничего отъ нея не видалъ.

А холера Вологды не миновала, и при этомъ вполнѣ оправдалось предвидѣніе Ивана Николаевича, — огурцы и ягоды стали ни по чемъ, чѣмъ мы съ матушкой и не преминули воспользоваться; кругомъ насъ болѣютъ, умираютъ, а мы и знать ничего не хотимъ. Въ самый разгаръ эпидеміи какъ-то отправились мы провѣдать тетку Марью Ивановну, жившую въ монастырѣ. Тетка занимала въ монастырѣ исключительное положеніе, ее считали богачкой; дѣйствительно, въ ту пору у нея было тысячъ пять рублей,—сумма прямо огромная

по тогдашнимъ временамъ для обитательницъ вологодскаго монастыря. Деньги были розданы въ вѣрныя руки и приносили не менѣе 10%,—тогда процентныхъ бумагъ еще не знали. Тетка имѣла свою большую келью съ огородомъ, при ней жила послушница Лиза почти въ роли прислуги; такъ какъ Марья Ивановна еще не принимала никакого обѣта, то одѣвалась она по-городскому, только матеріи носила чернаго цвѣта. На такомъ положеніи въ монастырѣ была не одна тетка; нѣкоторыя барыни, поселившись въ монастырѣ, продолжали однако вести свѣтскій образъ жизни, къ нимъ часто пріѣзжали изъ города на партію преферанса, или сами онѣ по цѣлымъ недѣлямъ проживали въ городѣ. Случалось, что нѣкоторыя, пробывъ въ монастырѣ нѣсколько лѣтъ, перебирались потомъ совсѣмъ въ городъ.

Тетка очень обрадовалась нашему приходу, но пришла въ ужасъ священный, узнавъ, что мы безъ зазрѣнія совѣсти поѣдаемъ огурцы и ягоды; сама она пила только чай, а питалась овсянкой и тому подобными яствами и чѣмъ-то постоянно окуривалась. Обыкновенно мы оставались у тетки недолго, послѣ чая и уходили. Но теперь тетка насъ задержала:

— «Нѣтъ, Аннушка, останься у меня ночевать; этакое страшное время, такъ боязно одной жить, да и кто знаетъ—сегодня живъ, а завтра, можетъ быть, насъ и не будетъ».

Ночевали у тетки; она уговорила остаться еще на денекъ, а ночью матушкѣ сдѣлалось дурно, и затѣмъ у нея открылась форменная холера. Докторовъ тогда въ Вологдѣ было мало, кажется, не болѣе трехъ, потому въ среднихъ кругахъ практиковали такъ называемые лѣкарскіе помощники; имъ платили отъ 20-ти до 30-ти коп. за визитъ. Нѣкоторые изъ нихъ пользовались большою популярностью.

«Да Иванъ Павловичъ лучше всякаго доктора! Что доктора? Только микстуры умѣютъ прописывать да денежки загребать. А Иванъ Павловичъ нашего брата знаетъ; первымъ дѣломъ велитъ баню истопить, тамъ хорошенько рѣдькой вытереться да пропариться, а дома стаканчикъ перцовки выпить. Развѣ противъ этого какая болѣзнь устоитъ? Какъ рукой ее сниметъ!»

Одинъ изъ такихъ эскулаповъ былъ приглашенъ теткой и лѣчилъ настолько успѣшно, что черезъ нѣсколько дней объявилъ, что матушка внѣ опасности; но поправлялась она крайне медленно. Однако, когда и совсѣмъ стала на ноги, тетка не отпустила, и мы прожили въ монастырѣ, пока холера совсѣмъ не прекратилась въ Вологдѣ.

Жилось мнѣ въ монастырѣ очень недурно; по крайней мѣрѣ, недѣли, проведенныя въ немъ, были однѣми изъ самыхъ свѣтлыхъ въ моемъ дѣтствѣ. Въ первое время болѣзни матушки

теткѣ было не до меня, и такъ какъ я не отличался особенною шаловливостью, то и былъ вполнѣ предоставленъ самому себѣ; по цѣлымъ днямъ я гулялъ по монастырю, заходилъ иногда къ обѣднѣ и почти всякій разъ къ вечернѣ, потому что она недолго продолжалась. Мнѣ нравилось благолѣпіе храма, а особенно пѣніе клирошанокъ. На это обратили вниманіе:

«Посмотрите, какой удивительный мальчикъ,—говорили обо мнѣ,—его никто въ церковь не посылаетъ, а онъ постоянно въ ней бываетъ; въ немъ видна искра Божія».

Меня стали ласкать и, частью, можетъ быть, изъ вниманія къ Марьѣ Ивановнѣ, частью изъ прямого расположенія ко мнѣ, зазывали въ келью, поили тамъ чаемъ, угощали иногда разными лакомствами; по времени, спросивши, конечно, предварительно матушку или тетку, начали оставлять меня ночевать у себя, заботливо укладывали въ мягкую постель. Ахъ, какъ это пріятно,—этою роскошью я не былъ избалованъ у матушки; набожною рукой крестили меня на сонъ, я торопился поймать эту руку и поцѣловать, а меня за это нѣжно цѣловали въ лобъ. Иногда вспоминали, что я давно не былъ въ банѣ; тогда усаживали меня въ корыто и, не жалѣя мыла, съ головы до ногъ приводили въ порядокъ.

Въ то же время я очутился au courant всего, что̀ дѣлалось въ монастырѣ, такъ какъ въ

виду моихъ лѣтъ (мнѣ было семь лѣтъ; по росту я однако выглядѣлъ много меньше) ни о чемъ не стѣснялись при мнѣ говорить. А время для монастыря было совсѣмъ особенное. Каждый день по нѣскольку послушницъ или монахинь отзывались въ городъ для отчитыванія покойниковъ; кому идти, обыкновенно назначала игуменья. Тутъ естественно возникали разныя неудовольствія; однѣхъ посылали въ богатые дома, другихъ—въ болѣе бѣдные; иныя чуть не каждую недѣлю отчитывали кого-нибудь; другимъ рѣже выпадало это счастье.

«Угодила чѣмъ-то сестра Паисія казначейшѣ (имѣвшей большое вліяніе на игуменью),—ужъ пять разъ назначали ее; вотъ на прошлой недѣлѣ зовутъ отъ Волгиныхъ, матушка игуменья хотѣла-было меня послать, а тутъ и вступилась казначейша:—Волгины, молъ, просили, если можно, назначить сестру Паисію; она у нихъ еще въ прошломъ году отчитывала. — Ну, коли Волгины сами хотятъ ее, то пусть она и идетъ. А какъ же быть съ сестрой Анной? Вѣдь она, кажется, только разъ и была на отчитываньи.—«Сестру Анну можно послать къ Петровымъ».—Вотъ и хорошо, значитъ, никому не будетъ обидно.—У Волгиныхъ-то дали два рубля да матеріи на ряску, а я отъ Петровыхъ съ 20-ю копѣйками вернулась,—вѣдь чистая бѣднота!»

Возвращавшіяся изъ города приносили разныя новости, но больше всего разговоры вращались около того, съ какою пышностью хоронили какого-нибудь богача, сколько было приглашено духовенства, что было заплачено за парчу на покровъ, по какимъ церквамъ и сколько заказано сорокоустовъ и панихидъ, куда и какіе назначены вклады на вѣчное поминовеніе, и какое множество народа провожало покойника.

Несмотря на холерное время и общую, всѣхъ угнетавшую мысль, будешь ли завтра самъ живъ, страсть провожать выдающіяся похороны нисколько не ослабѣвала у обывателей. Иванъ Николаевичъ былъ такой охотникъ до этого зрѣлища, что жена его даже жаловалась, что онъ и въ половину не продаетъ своихъ калачиковъ.

«Нельзя, Любовь Александровна, не проводить Степана Антоныча, хорошій былъ человѣкъ»,—оправдывался Иванъ Николаевичъ, а самъ въ то же время подумывалъ о кутьѣ и блинахъ, на которые разсчитывалъ попасть.

Холера не коснулась святой обители; кромѣ моей матушки, кажется, никто въ ней не болѣлъ. Но въ это самое время въ обители случилось обстоятельство, до такой степени тягостное, такъ мало гармонировавшее съ обычнымъ ходомъ этой жизни, что отъ матушки игуменьи до ко всему равнодушной Марьи Петровны, исполнявшей кучерскія обязанно-

сти и носившей по этому случаю полумужской костюмъ, всѣ въ монастырѣ чувствовали, что у нихъ точно камень на душѣ. И что особенно всѣхъ угнетало, такъ это—то, что никто не видѣлъ средства для выхода и не зналъ, чѣмъ все можетъ кончиться. И все это произошло по милости сестры Александры, извѣстной читателю Саши Котловой.

Уже болѣе года прожила сестра Александра въ монастырѣ, и, какъ началась ея жизнь съ перваго дня, такъ и продолжалась. Но вотъ по веснѣ прислали въ монастырь изъ города кого-то отчитывать; назначена была сестра Екатерина, дальняя родственница матери Евфросиніи; сестра Екатерина, вернувшись изъ города, принесла какіе-то гостинцы матери Евфросиніи и при этомъ разсказала, что ей довелось отчитывать молодого чиновника, который случайно утонулъ, катаясь въ лодкѣ, назвала и фамилію его,—это былъ тотъ самый чиновникъ, что жилъ по-сосѣдству отъ Котловыхъ.

«Помяни, Господи, душу усопшаго раба твоего»,—проговорила сестра Александра и только...

Теперь, т. е. въ концѣ лѣта, сестра Александра находилась въ особой кельѣ подъ постояннымъ присмотромъ двухъ послушницъ, обязанныхъ день и ночь смотрѣть за нею,—она уже разъ пыталась повѣситься и едва была во-время спасена. Надсмотрщицы мѣня-

лись каждую недѣлю, и, конечно, тѣ, на которыхъ падало это послушаніе, только и думали, какъ бы поскорѣе кончилась эта тяжелая и отвѣтственная для нихъ недѣля. Къ тому же время было хорошаго заработка, а тутъ стереги сумасшедшую.

— Да вѣдь и страхъ-то какой, поминутно ей мерещится нечистая сила.—«Вотъ онъ, вотъ онъ изъ-за дверей знакъ подаетъ».—Да чтó ты, сестра, никого тутъ нѣтъ, перекрестись, сотвори молитву святую, отжени отъ себя навожденіе діавола. Ну, послушается иногда, сотворитъ молитву, да такъ потомъ тяжело вздохнетъ. А по ночамъ не спитъ, все прислушивается. Вдругъ какъ вскочитъ. «Нѣтъ моченьки терпѣть, зоветъ «онъ» меня!»—Да кто онъ-то? Молчитъ.—«Смотрите—не усмотрите, стерегите—не устережете, а ужъ буду съ нимъ»,—только, бывало, и скажетъ.

— И чтó съ ней сдѣлалось,—говаривала порой сердобольная сестра Лиза.—Вѣдь какая была тихая, послушливая, до храма Божьяго усердная. Въ церкви всегда первѣе другихъ, а уйдетъ послѣдняя; бывало, почти всю службу на колѣняхъ простоитъ, вѣдь ни разу въ сторону не оглянется. Ужъ на чтó мать Евфросинія строга и требовательна, никогда отъ нея ни одной жалобы не слышно было на сестру Александру. Чтó бы мать Евфросинія ни говорила ей, какъ бы ни ворчала, другого отвѣта отъ нея не знала: «Простите,

матушка Евфросинія», да еще и въ ноги поклонится.

— А непремѣнно это дьявольское навожденіе, вселилась въ нее нечистая сила; врагъто вѣдь силенъ, шатаетъ горами, не только умами человѣческими. Мать Евфросинія сказываетъ, что по первоначалу стала сестра Александра какая-то невнимательная; та ей что-нибудь говоритъ, а она точно не слышитъ; потомъ то молиться въ неурочное время примется, то упадетъ ей въ ноги и проситъ прощенья.

— А напугала же она мать Евфросинію въ ту ночь,—какъ въ чемъ была, такъ и выбѣжала изъ кельи.

— И крѣпко же завладѣла ею нечистая сила. Какъ возложили на нее святые покровы да стали отчитывать, и забилась же она, бѣдненькая, долго не могла успокоиться. Какъбудто ей и полегчало, да не надолго, дня черезъ три она и пыталась повѣситься.

Оправдались слова сестры Александры: «смотрите—не усмотрите». Какъ-то разъ одна изъ приставленныхъ для присмотра за ней была зачѣмъ-то позвана къ игуменьѣ; другая,—такъ она потомъ оправдывалась,—только на одну минуту отлучилась, и то не далеко, за угольями для самовара. Изъ предосторожности она защелкнула келью. А когда вернулась, то

нашла сестру Александру уже безъ признаковъ жизни: она повѣсилась на тоненькой опояскѣ.

Стоялъ сѣрый октябрьскій день, слегка покрапывалъ дождь. Съ сокращеннымъ ритуаломъ было опущено въ землю тѣло сестры Александры; проводить ее въ вѣчную обитель изъ всѣхъ обитательницъ монастыря по доброй волѣ пришла только сестра Лиза, которая не могла пропустить ни однѣхъ похоронъ, случавшихся въ монастырѣ. И всегда она заливалась горькими слезами, точно теряла самаго близкаго человѣка.

XI.

Обывательская тоска.

Послѣдніе лучи лѣтняго солнца догораютъ на западѣ; Иванъ Николаевичъ крестится и встаетъ изъ-за вечерней трапезы, по обыкновенію приговаривая: Богъ напиталъ, никто не видалъ. Хотя въ тѣ времена рѣки кишѣли рыбою, а въ лѣсахъ проходу не было отъ дичи, однако, обывательская ѣда не отличалась ни особеннымъ разнообразіемъ, ни обиліемъ. Былъ бы въ домѣ хлѣбъ да соль и еще непремѣнно квасъ, а что въ придачу къ нимъ поставитъ на столъ хозяйка,—этимъ обыватель особенно не интересовался; на ѣду онъ смотрѣлъ какъ на самое послѣднее дѣло въ домашнемъ обиходѣ; къ тому же брюхо не стекло, — разсуждалъ обыватель,—не видно, чѣмъ набито. Въ теченіе недѣли даже въ достаточныхъ домахъ щи и каша съ масломъ или молокомъ составляли неизмѣнное меню; но по воскресеньямъ безъ пирога, хотя бы изъ первача, при томъ

обязательно съ какою-нибудь начинкой, въ родѣ гречневой каши или картофеля, никто не находилъ возможнымъ обойтись. Въ особенно же исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ, въ большіе праздники или именины, пеклись пироги съ сладкою начинкой. Уже съ самаго утра запахъ этого пирога приводилъ въ особенное настроеніе всѣхъ младшихъ членовъ семьи. Пирогъ въ ожиданіи обѣда степенно покоился на противнѣ, прикрытый чистымъ холстомъ; но стоило матери хотя на минуту отлучиться изъ кухни, какъ вокругъ него сейчасъ же собиралась молодая компанія; вотъ кто-нибудь боязно приподниметъ холстъ, и начинается внимательный осмотръ: нѣтъ ли у пирога какого-нибудь случайнаго приростка, который можно было бы, не нарушая цѣлости пирога, теперь же отдѣлить, не высунулась ли гдѣ-нибудь ягодка какъ бы нарочно, чтобы ее отколупнуть? Строгій окрикъ матери, зачастую сопровождаемый подзатыльникомъ, считавшимся самымъ естественнымъ средствомъ вразумленія, заставлялъ компанію моментально разсѣяться; но мысль о пирогѣ крѣпко сидѣла въ головахъ малышей и до самаго обѣда давала неисчерпаемую тему для тонкихъ соображеній, кому какая часть достанется: вкусная ли серединка, или суховатый краешекъ.

Однако, воспоминаніе о сладкомъ пирогѣ, соблазнительный запахъ котораго я точно сейчасъ слышу, отвлекло меня въ сторону; я и

забылъ, что Иванъ Николаевичъ, какъ и вся его семья, собирается на покой. Но прежде чѣмъ улечься, Иванъ Николаевичъ внимательно осмотритъ, запертъ ли сарайчикъ, на мѣстѣ ли коровушка; а потомъ и самъ накрѣпко запрется. Тогда особенно побаивались бѣглыхъ солдатъ и крѣпостныхъ: имъ обыкновенно приписывались всѣ воровства и другія недобрыя дѣла. Что есть Михѣичъ, обязанный день и ночь заботиться о спокойствіи и безопасности обывателей, объ этомъ никто и не вспоминалъ; а всякъ паче всего полагался на крѣпкіе затворы, замки да на вѣрнаго сторожа-собаку, — ихъ держали почти всѣ, даже съемщики крохотныхъ квартирокъ.—Все же, думалъ обыватель, залаетъ въ недобрый часъ. Да и умныя же тогда были собаки;. это чтобы взбѣситься да перекусать цѣлую уйму людей—и ни-ни! И какъ цѣнилъ обыватель добрую собаку!

— Себѣ куска пожалѣю, — говаривалъ Иванъ Николаевичъ, — а Соловейкѣ никогда! И преумный же онъ, тетенька; только не говоритъ, а все понимаетъ. Намеднись говорю ему: Соловейко, каково тебѣ живется? Замахалъ это хвостомъ, запрыгалъ, хочетъ, значитъ, показать, что ему и жить лучше нельзя. А каково, говорю, Ивану Николаевичу? Тутъ Соловейко голову опустилъ да хвостъ поджалъ, потомъ подползъ ко мнѣ и началъ руку лизать,—по своему утѣшать меня сталъ.

Хорошая пора лѣто, и обывателю куда легче живется. Въ иную пору года укладъ обывательской жизни былъ до крайности несложенъ: шесть дней въ недѣлю трудись, въ воскресенье ступай къ обѣднѣ. Придя отъ нея и пообѣдавши, обыватель заваливался спать, такъ какъ дѣвать времени было рѣшительно некуда; соснетъ часика три, за чай примется; только-что самоваръ убранъ со стола, какъ хозяйка уже принимается ужинъ ставить; а затѣмъ всѣ опять торопятся улечься спать. То-ли дѣло лѣтомъ: тепло,—нѣтъ заботы о дровахъ, свѣтло,—не надо тратиться на свѣчи или прибѣгать къ довольно еще распространенной лучинѣ; всегда свое молочко есть, потому что по заведенному порядку умныя коровушки телятся больше о Великомъ постѣ; курочки яица несутъ, въ огородѣ по времени всякая овощь поспѣваетъ, годами ягоды и грибы бываютъ ни по чемъ. Ну, и заработки лѣтомъ по большей части прибыльные. А главное, сидитъ бывало обыватель на завалинкѣ или у воротъ своего дома и не хочется ему встать, ни за что приняться (у обывателя во всякую минуту было дѣло), сидитъ себѣ и точно млѣетъ отъ кругомъ его царящей жизни. Все-то въ природѣ ликуетъ, поютъ птички, порхаютъ неугомонные воробьи, облако за облакомъ проходитъ по небу, откуда-то набѣгаетъ волна на рѣкѣ и куда-то уходитъ. А солнышко-то, красное солнышко, цѣлый день и грѣетъ, и свѣтитъ на всѣхъ

равно, не разбирая ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни знатныхъ, ни самаго простого обывателя. Только одна и докука лѣтомъ, что вотъ отъ мухъ часто приходится отмахиваться.

Но это повышенное біеніе пульса природы дѣйствовало не на всѣхъ одинаково. У нѣкоторыхъ изъ тайниковъ души вдругъ поднималось что-то такое, чего въ другое время обыватель и самъ не сознавалъ за собой,—такъ оно гдѣ-то глубоко было запрятано, заслонено обыденными интересами и вѣчной заботой о завтрашнемъ днѣ. Жизнь вообще казалась такъ премудро, гармонично устроенной. Мужикъ работаетъ землю, по осени сходственно продаетъ, потому что тутъ какъ разъ подходитъ время платить подати и оброки; Котловъ покупаетъ, и если заработаетъ копеекъ по десяти на пудъ, то и доволенъ; а когда на этотъ же пудъ Скулябинъ получитъ по полтинѣ, не только всѣ считаютъ это въ порядкѣ вещей, но даже испытываютъ какое-то особенное удовольствіе, точно эта полтина очутилась въ ихъ собственномъ карманѣ.—Или вотъ Иванъ Николаевичъ; всю жизнь онъ изготовлялъ вкусные калачики, и какъ же бывалъ радъ, если, снимая ихъ съ противня или нанизывая въ вязанки, не поломаетъ ни одного изъ нихъ, потому что поломанныхъ уже нельзя продать господамъ; придется самому съѣсть, а это не порядокъ. Конечно, въ ходѣ жизни встрѣчались, и довольно часто, явленія, какъ бы на-

рушавшія предустановленную гармонію; Иванъ Николаевичъ хотя и не считалъ за большое удовольствіе поставлять Бѣляеву калачики, однако смотрѣлъ на эту поставку какъ на дѣло естественное, потому что всякій промыселъ долженъ былъ «тянуть» начальству; но онъ искренно возмущался требованіемъ доставлять еще и рыбу, такъ какъ на то существовалъ рыбный рядъ. Никакой принципіальной связи между калачиками и рыбой не представлялось его уму.

Однимъ изъ живыхъ воплощеній предустановленной гармоніи былъ Бѣляевъ и, конечно, въ качествѣ таковаго долженъ былъ быть закаленъ отъ всякаго внутренняго червя; однако и у него онъ порой сказывался и, что интересно, съ годами все чаще и чаще сталъ давать о себѣ знать. Когда Бѣляевъ поступилъ на службу, то считалъ не только за страхъ, но и за совѣсть, расписываясь перваго числа въ полученіи жалованья, никогда его и въ глаза не видать. Вотъ онъ уже болѣе двадцати лѣтъ на службѣ, все такъ же только расписывается въ полученіи жалованья, а въ натурѣ его не осязаетъ; неизбѣжная улыбка попрежнему не покидаетъ Бѣляева при этой операціи; но иногда вдругъ что-то найдетъ на него, и онъ мысленно посылаетъ ко всѣмъ чертямъ полицеймейстера и еще кого-то.

— Что ты, Люба, какъ-то невесело смотришь? — говоритъ разъ матушка зашедшей къ намъ женѣ Ивана Николаевича.

— Ахъ, тетенька, опять съ Иваномъ Николаевичемъ неладно.

— Давно ли?

— Вотъ ужъ вторая недѣля.

— Что же съ нимъ?

— Да затосковалъ; ходитъ, точно сонная муха; ужъ вы сами знаете, тетенька, какой онъ горячій на работѣ, а тутъ точно изъ-подъ неволи мѣситъ тѣсто, и какъ-то ни до чего ему; посадитъ въ печь калачики, да и забудетъ о нихъ,—только не догляди, такъ всѣ и сгорятъ. И вѣдь ничего не пьетъ,—продолжаетъ Любовь Александровна, — я ужъ ему говорю: ты бы, Иванъ Николаевичъ, хоть немножко выпилъ.—Ахъ, отстань, Любовь Александровна; тутъ душенька болитъ, а она съ водкой; противно мнѣ на нее и смотрѣть-то, не только что пить.

— Можетъ, въ лавку за муку много задолжали?

— Я то же подумала, нарочно заходила въ Гурлеву, — много ли молъ за нами? Всего подсчитали съ чѣмъ-то пять рублей, а вѣдь случалось, что рублей по двадцати пяти должали. Ужъ я его самого пытала: да ты скажи, Иванъ Николаевичъ, что тебя мучаетъ.—«Ничего, такъ, вотъ подкатила сюда тоска»,—показываетъ на сердце. — И все молчитъ; а то

вдругъ проговоритъ: «Кому на сребрѣ и златѣ суждено пить-ѣсть, а кому предназначена собачья жизнь; тутъ хоть тресни, а ничего не подѣлаешь. А развѣ это правильно, по-божески?»—Ходила я къ Петровнѣ,—многимъ вѣдь она помогаетъ. «Принеси, говоритъ, квасу». Вотъ она какой-то заговоръ на квасѣ и сдѣлала. «Теперь повѣрь, милая, всякую тоску какъ рукой сниметъ». Пьетъ это Иванъ Николаевичъ квасъ, а лучше ничего нѣтъ. Тоже говорила я ему: дни стоятъ красные, работы у насъ теперь мало; ты бы, Иванъ Николаевичъ, сходилъ къ Матушкѣ Семистрѣльной, помолился бы Царицѣ Небесной да отслужилъ тамъ молебенъ.

— Молиться, Любовь Александровна, вездѣ можно. Вотъ, стань на дворѣ, и коли будешь молиться отъ чистаго сердца, то и дойдетъ твоя молитва до Бога; а если будешь думать о другомъ, то хоть въ самомъ святомъ мѣстѣ лбомъ полъ проломи, ничего изъ этого не выйдетъ.

Вдругъ Любовь Александровна взялась за край косынки, начала ею утирать глаза и, всхлипывая, вполголоса проговорила.

— Боюсь я, тетенька, какъ бы онъ надъ собой чего не сдѣлалъ: вотъ сватъ Николай Степановичъ затосковалъ, затосковалъ, да потомъ и нашли его въ банѣ повѣсившись.

— Какъ тебѣ не грѣхъ это и думать, Люба; ты, голубушка, не убивайся,—успокаиваетъ ма-

тушка Любовь Александровну. Вѣдь это съ нимъ не въ первый разъ; и такъ пройдетъ.

И дѣйствительно, потоскуетъ бывало Иванъ Николаевичъ недѣли двѣ, самое большее—три, и опять начнетъ свою обыденную жизнь.

Не такъ легко справился съ тоской Петръ Семеновичъ. Торговалъ онъ у Каменнаго моста, преимущественно крестьянскимъ товаромъ. Торговля была хотя не крупная, но велъ онъ ее аккуратно, никому самъ не былъ долженъ, и въ свою очередь въ долгъ давалъ съ разборомъ. Потому что, начни-ка направо налѣво въ долгъ давать, разомъ тебя растянутъ: развѣ мужикъ Бога боится?

Петру Семеновичу еще не было и сорока лѣтъ; жену Богъ далъ ему добрую, заботливую хозяйку въ домѣ, дѣти ужъ подростали. Самъ онъ былъ человѣкъ степенный, водку употреблялъ крайне умѣренно, соблюдалъ всѣ посты, по праздникамъ всегда бывалъ въ церкви, подавалъ нищимъ копеечку. Только однимъ онъ нѣсколько и выдавался изъ обывательской среды,—былъ не особенно разговорчивъ; что спросятъ — отвѣтитъ, а самъ безъ надобности разговора не заводилъ, за что и прозвали его въ рядахъ «молчальникомъ». Но вотъ съ нѣкотораго времени въ рядахъ стали замѣчать, что порой у Петра Семеновича языкъ какъ бы заплетается.

— Э, да нашъ молчальникъ-то, кажись, попивать началъ, — скоро сообразили рядскіе; — вотъ чудно-то, съ чего бы? Развѣ по торговлѣ какая неустойка подошла.

А затѣмъ съ небольшимъ въ годъ Петръ Семеновичъ порѣшилъ весь товаръ, сначала все по трактирамъ, а подъ конецъ изъ кабака не выходилъ. Всѣ жалѣли его жену.

— Да съ чего это съ нимъ случилось, Марья Петровна?

— И ума не приложу, — утирая слезы, обыкновенно отвѣчала Марья Петровна. — Прежде бывало въ недѣлю-то и рюмки не выпьетъ; сами знаете, на именинахъ ли, въ праздникъ ли какой еле вѣдь его уговорятъ честь оказать, выпить хоть рюмку.

— Развѣ какое огорченіе ему подошло?

— Ничего такого не знаю, а только съ нѣкотораго времени стала я замѣчать, что Петръ Семеновичъ къ торговому дѣлу какъ-то началъ охладѣвать. Бывало, десятый часъ, а онъ еще дома. — Ты что же, Петръ Семеновичъ, про лавку-то и забылъ сегодня? — «Ну ее, день-то великъ». — А то по цѣлымъ днямъ сидитъ дома. — «Ступай, сама торгуй, коли хочешь, а мнѣ на аршинъ-то и взглянуть противно». — Потомъ вдругъ сталъ по трактирамъ ходить, тамъ у него пріятели завелись, а тутъ и до кабака дорогу узналъ.

— Что же Иванъ Петровичъ-то (богатый

дядя Петра Семеновича), неужели не пытался образумить его?

— Сколько разъ призывалъ его къ себѣ; и стыдилъ-то, и говорилъ — креста на тебѣ нѣтъ, Бога ты не боишься,—а Петръ Семеновичъ только молчитъ. Ну, Иванъ Петровичъ и махнулъ рукой.

И молебны служила Марья Петровна, вынимала заздравныя части за раба Божія Петра, давала разные обѣты, перебывала у всѣхъ знахарокъ, по цѣлымъ часамъ искала встрѣчи съ петропавловскимъ дьякономъ.

Какихъ лѣтъ былъ петропавловскій дьяконъ, право не знаю; помню только, что онъ не выглядывалъ старикомъ. Онъ давно оставилъ мѣсто и жилъ, какъ птица небесная, гдѣ день, гдѣ ночь, всюду встрѣчаемый какъ желанный гость, больше того, — какъ видимое произволеніе небесъ. Это была натура кроткая, участливая къ обывательскому горю. Къ тому же онъ никогда ничего не просилъ не только для себя лично, но и подъ какимъ-нибудь другимъ благовиднымъ предлогомъ; если ему давали деньги, онъ или ставилъ свѣчи, заказывалъ просфоры, или раздавалъ нищимъ. Что ему было надо? На ночь гдѣ-нибудь голову приклонить. Помню его: средняго роста, въ круглой мягкой шляпѣ, изъ-подъ которой выступали не особенно длинные русые волосы, въ суконномъ сильно порыжѣвшемъ подрясникѣ, съ посохомъ въ рукахъ; вотъ идетъ онъ по

улицѣ: всѣ ему привѣтливо кланяются, многіе подходятъ подъ благословеніе.—«Богъ благословитъ», отвѣчалъ онъ обыкновенно, и въ его мягкомъ голосѣ, добрыхъ голубыхъ глазахъ обыватель читалъ отраженіе своего душевнаго настроенія. Но онъ весь превращался въ нѣжность, когда подводили къ нему дѣтей, крестилъ ихъ, ласково гладилъ по головѣ и рылся въ своихъ карманахъ — нѣтъ ли тамъ случайно гроша, чтобы дать на пряникъ. Его сфера была преимущественно обывательская, и при томъ наименѣе зажиточная; тутъ его всякій зналъ, какъ и онъ всѣхъ; всѣ ему открывали свои горести и печали, свои упованія и радости. Онъ не юродствовалъ, не ходилъ въ рубищахъ, не произносилъ грозныхъ рѣчей о грѣхахъ міра сего, не творилъ чудесъ, не исцѣлялъ больныхъ. Его слава держалась на томъ, что онъ—*прозорливецъ* *). Тогда немного нужно было, чтобы пролить бальзамъ утѣшенія на страждущую душу обывателя или поднять его упавшій духъ. Случались у матушки тяжелыя недѣли, что никакого заработка; тогда хлѣбъ да горячая вода съ солью нерѣдко замѣняли наше обычное меню. Но вотъ матушка приходитъ съ рынка въ замѣтно приподнятомъ

*) Эту славу онъ сохранилъ до конца дней своихъ. Когда его хоронили, кажется, въ семидесятыхъ годахъ, Вологда никогда не видала такого стеченія народа: тысячи провожали „прозорливца" до мѣста вѣчнаго упокоенія.

настроеніи: она встрѣтила въ рядахъ петропавловскаго дьякона.

— И самъ вѣдь меня остановилъ, далъ вотъ эту просвирку да и говоритъ: «Трудишься, вдовица? Трудись, Богъ любитъ трудъ и сторицею воздастъ за него».

И вспоминаются эти слова матушкѣ, когда почему-нибудь черезъ нѣсколько дней дѣла ея поправятся.

Возвращается какъ-то Иванъ Николаевичъ, —и на полтину не расторговался своими калачиками! Ужъ съ огорченія думалъ завернуть въ «Малоярославецъ» (общедоступный трактиръ), а тутъ какъ-разъ переходитъ ему дорогу отецъ дьяконъ. — Отцу дьякону мое почтеніе, — спѣшитъ проговорить Иванъ Николаевичъ. А тотъ ему въ отвѣтъ:—«Вездѣ благодать Божія, вездѣ его попеченіе о трудящихся и обремененныхъ».—Хорошо сказано,— подумалъ Иванъ Николаевичъ и направился прямо домой.

— И что жъ вы думаете, тетенька, вѣдь въ этотъ самый вечеръ чуть не цѣлое ведро рыбы наловилъ. Прозорливецъ, одно слово: непремѣнно, какъ попадется, на свѣчку ему подамъ, угодный Богу человѣкъ.

— Ужъ вы, отецъ дьяконъ, — при каждой встрѣчѣ съ нимъ говоритъ Марья Петровна,— помолитесь за раба Божія Петра, чтобы на-

ставилъ его Господь на правый путь: да вотъ вамъ и на свѣчку, не побрезгуйте принять отъ меня грѣшной.

— Молюсь,—отвѣчалъ отецъ дьяконъ; молюсь въ храмѣ Божіемъ, молюсь на распутіи, но мѣра взысканія Господня еще не исполнилась.

Что значили эти слова? Ждать ли чего еще худшаго? И Марьѣ Петровнѣ иногда живо представлялось, какъ зовутъ ее въ часть и тамъ, указывая на замерзшаго Петра Семеновича, спрашиваютъ: это твой мужъ?—А можетъ быть, Господь вѣдь многомилостивъ, наказуетъ за какіе-нибудь грѣхи и тяжко наказуетъ, а потомъ милосердіе свое и проявитъ. Святой человѣкъ, отецъ дьяконъ, вѣрно, это хотѣлъ сказать.

А Петръ Семеновичъ опускался все глубже и глубже; онъ уже не стѣснялся ходить по рядамъ и собирать копеечки. Всѣ знали: чтó ему ни дай, все пропьетъ, и тѣмъ не менѣе подавали, какъ и другимъ. Дальше, онъ сталъ появляться у церквей и вмѣстѣ съ нищими протягивалъ руку за подаяніемъ. Отъ обыкновенныхъ пьяницъ Петръ Семеновичъ отличался лишь тѣмъ, что ничего не тащилъ изъ домашняго имущества, не приставалъ къ женѣ съ требованіемъ денегъ на выпивку и вообще дома держалъ себя тихо и какъ-то застѣнчиво; но, какъ только замѣчалъ слезы жены, или она начинала уговоры, — сейчасъ же за

шапку и вонъ изъ дому. Такъ, можетъ быть, продолжалось года полтора, какъ въ одинъ прекрасный день, къ неописанной радости Марьи Петровны, Петръ Семеновичъ перестал пить; только ужъ очень скучнымъ выглядѣлъ.

— Ну, это пройдетъ,—думала Марья Петровна,—вотъ, Богъ дастъ, за дѣло примется. Но надеждамъ Марьи Петровны на этотъ разъ не суждено было исполниться. Петръ Семеновичъ не только не принимался за дѣло, а сталъ пропадать изъ дому по цѣлымъ днямъ, даже и ночевать не приходилъ.—Что бы это значило?—думала вновь ошеломленная Марья Петровна, и естественно остановилась на подозрѣніи, что Петръ Семеновичъ завелъ себѣ сударушку. Эта мысль совершенно убила ее. Еще отъ пьянства человѣкъ можетъ остановиться, а ужъ если начнетъ путаться съ бабами, то хорошаго конца не жди: тутъ и послѣднее, что осталось въ домѣ, и то прахомъ пойдетъ.

Прошла разъ недѣля, а Петра Семеновича все нѣтъ, за недѣлей миновала другая, а тамъ уже и счетъ имъ потеряла Марья Петровна. Въ городѣ онъ никому не попадался; послушникъ глушицкаго монастыря кому-то говорилъ, что какъ будто видѣлъ Петра Семеновича въ большой монастырскій праздникъ; кто-то изъ рядскихъ, кажись, Петра Семеновича запримѣтилъ въ Рыбинскѣ въ артели, что кули та-

скала. А затѣмъ даже и такіе слухи прекратились о Петрѣ Семеновичѣ. Иванъ Петровичъ иногда высказывалъ догадку: не ушелъ ли Петръ Семеновичъ къ староверамъ въ какой-нибудь дальній скитъ.

— Ну, коли нашъ «молчальникъ» туда махнулъ, то это все равно, что въ камскій мохъ провалился: оттуда люди ужъ не возвращаются домой.

Прошло болѣе двухъ лѣтъ; Марья Петровна выплакала всѣ слезы и уже не знала, молиться ли ей о здравіи, или за упокой раба Божія Петра. Но вотъ разъ она встрѣтила отца дьякона.

— Взглянулъ на меня таково ласково, да и проговорилъ:—«Угодна Богу сердца сокрушеннаго молитва, и въ раны его влагаетъ Онъ Свой перстъ животворящій».—А потомъ вынулъ изъ платочка просвирку и даетъ мнѣ. — Заздравная часть вынута изъ нея за раба Божія Петра.

— И сдѣлалось мнѣ,—продолжаетъ Марья Петровна,—какъ-то легко. Значитъ, живъ еще мой Петръ Семеновичъ, если прозорливецъ за здравіе его молится. Было это вскорѣ послѣ Ильина дня; не выходятъ у меня изъ головы слова отца дьякона; и просвирку его берегу, поставила къ образамъ. Вотъ въ Успеньевъ день встала я рано, тороплюсь до начала поздней обѣдни все управить. Только-что успѣла пирогъ вынуть изъ печи, какъ въ соборѣ и

ударили къ обѣднѣ. Стала я одѣваться: вдругъ слышу, кто-то вошелъ въ кухню... Оглянулась я, да ужъ и сама не знаю, какъ у меня ноги не подкосились: вижу, Петръ Семеновичъ крестится на икону.

Подошелъ, помнится, день рожденія тетки Марьи Ивановны; несмотря на то, что жила въ монастырѣ, она его справляла довольно широко, родныхъ и знакомыхъ набиралось человѣкъ двадцать; послѣ обычнаго чая предлагался обильный обѣдъ и даже съ достаточнымъ количествомъ архангельскаго тенерифа. Между прочими гостями былъ и Иванъ Петровичъ; а такъ какъ дѣло происходило вскорѣ послѣ возвращенія Петра Семеновича, то естественно, что приключенія его и стали темой продолжительнаго разговора.—Сами знаете,— объяснялъ Иванъ Петровичъ, — что изъ него слово вытянуть труднѣе, чѣмъ изъ глубокаго колодца достать ведро воды. Вѣдь, какъ я ни пыталъ его, ничего толкомъ не добился,—съ огорченіемъ прибавилъ Иванъ Петровичъ, по природѣ добрякъ, но при томъ страшно любопытный. — Приходитъ это ко мнѣ, ну, первымъ дѣломъ, конечно, въ ноги. — «Простите, дяденька».—Богъ тебя проститъ, коли ты дурь свою изъ головы выбросилъ; да съ чего это съ тобой было?—«Такъ, тоска напала».—Да съ чего тоска-то подошла? Можетъ быть, съ ба-

бенкой какой связался?—«Что вы, дяденька, и въ помышленіи ничего такого не было».—Тоска, да тоска—вотъ весь и разговоръ его.—А зачѣмъ ты изъ Вологды скрылся?—«Стыдно мнѣ было людей, да и тоска,—даже на водку не могъ смотрѣть. Вотъ и надумалъ я: пойду посмотрѣть, какъ люди въ другихъ мѣстахъ живутъ».—И гдѣ только онъ, Марья Ивановна, не побывалъ! Съ казаками какую-то соль возилъ, на Кавказъ пробрался, тамъ съ коробкомъ ходилъ, да черкесу на арканъ и попался. Убѣгъ однако съ какимъ-то солдатикомъ,—тоже въ плѣну былъ.—А какъ же, говорю, надумалъ ты домой вернуться?—«Въ аулѣ,—это у черкесовъ такъ деревни зовутся,—сильно затосковалъ я по семьѣ, не выходила она у меня изъ головы ни на одну минуту. Вотъ какъ сговорились мы бѣжать, и далъ я обѣщаніе: коли Господь поможетъ, сходить поклониться Ѳеодосію Тотемскому, да потомъ домой вернуться».

При поддержкѣ дяди Петръ Семеновичъ опять открылъ торговлю, благо Марья Петровна удержала лавку. Но передряги, пережитыя имъ, не прошли ему даромъ. Его здоровье сильно пошатнулось, и лѣтъ черезъ пять его не стало.

XII.

Первая поѣздка въ деревню.

Мнѣ шелъ восьмой годъ. У матушки не имѣлось никакихъ средствъ: какъ я уже говорилъ, она получала пенсію, въ размѣрѣ 28 руб. въ годъ, да немного зарабатывала рукодѣльемъ. Отъ перваго мужа у нея остались три дочери: одна умерла въ дѣтствѣ, другую удалось пристроить въ петербургскій сиротскій институтъ, третью взяло одно бездѣтное дворянское семейство и воспитывало ее какъ свою дочь. То были старики Николай Ивановичъ и Екатерина Петровна Одинцовы, коренные вологжане. Эти добрые люди приняли участіе и во мнѣ. Я уже цѣлый годъ за 2 руб. учился грамотѣ въ женскомъ монастырѣ и, Богъ знаетъ, когда бы ее одолѣлъ, если бы Одинцовы не предложили матушкѣ посылать меня каждый день къ нимъ. Сестра и отчасти Николай Ивановичъ стали подготовлять меня къ гимназіи; я оставался у нихъ съ утра до вечера. Къ ученью я не обна-

руживалъ большой охоты, да, кажется, и особенныхъ способностей не находили у меня. Но главное, что тяготило меня—это воспитательная система; у матушки я росъ въ полной простотѣ, а тутъ настойчиво принялись вырабатывать изъ меня вполнѣ благовоспитаннаго дворянскаго мальчика; строго наблюдали, какъ я сижу, какъ держу ложку или вилку; говорить долженъ былъ съ осмотрительностью, какъ по содержанію, такъ и по формѣ, поминутно подвергаясь строгой цензурѣ. Неудивительно, что я съ нетерпѣніемъ ожидалъ 6 ч. вечера, когда обыкновенно отпускали меня домой. Но вотъ подошла весна 48 г. Разъ, въ праздничный день, пріѣхала къ намъ сестра и сообщила, что старики готовы взять меня къ себѣ на лѣто въ деревню. Матушка выразила свое полное удовольствіе и согласіе; но на меня эта новость подѣйствовала самымъ угнетающимъ образомъ. Я давно зналъ, что Одинцовы уѣдутъ на лѣто въ деревню, и уже заранѣе наслаждался мыслью, что у меня все лѣто будетъ свободно какъ отъ ученья, такъ и отъ воспитательной дрессировки.

Едва сестра уѣхала, я сейчасъ же ударился въ слезы; матушка стала меня успокаивать и рисовать самыя радужныя картины.

— У Одинцовыхъ,—говорила она, — большой садъ, сколько тамъ яблоковъ, малины и вишенъ! А въ лѣсу-то на каждомъ шагу грибы растутъ и всякія лѣсныя ягоды — земляника,

черника, брусника,—только наклонись и бери. Птичекъ сколько въ деревнѣ; утромъ проснешься, а у тебя подъ окномъ то пѣночка поетъ, то малиновка; по праздникамъ дѣвушки хороводы водятъ; ты съ ними въ огарыши будешь играть, какъ весело-то!

И многое разсказывала матушка о прелестяхъ деревни, такъ что я, не имѣвшій о ней ни малѣйшаго понятія, скоро успокоился и даже съ нетерпѣніемъ сталъ ждать дня отъѣзда.

Деревня Одинцовыхъ находилась съ небольшимъ въ 30-ти верстахъ отъ города, и на моихъ глазахъ происходили всѣ сборы. Задолго до отъѣзда былъ приведенъ въ порядокъ тарантасъ. Надо прежде всего пояснить, что хотя Николай Ивановичъ и пользовался полнымъ внѣшнимъ почетомъ, но на самомъ дѣлѣ всѣмъ домомъ и хозяйствомъ вѣдала Екатерина Петровна. Тарантасъ былъ старый и на своемъ вѣку немало совершилъ всякихъ путешествій; а потому и послѣ того, какъ былъ отремонтированъ, Екатерина Петровна не разъ призывала кучера Ивана и подвергала его строгому разспросу—исправлено ли то или другое, видимо, вспоминая разные грѣхи за тарантасомъ. Затѣмъ начались собственно сборы. Въ деревнѣ имѣлась полная обстановка, такъ что изъ города бралось только серебро, да самое небольшое количество платья. И тѣмъ не менѣе, поминутно слышался голосъ Екатерины Петров-

ны, — уложено ли то-то, не забыли ли взять вотъ это. Дня за два до отъѣзда начались постоянные призывы кучера, и съ нимъ велись конференціи насчетъ лошадей.

— Въ корню пойдетъ Голубанко,—почтительно докладывалъ Иванъ,—правой пристяжной Надежко, а на лѣвой Соколко.

— Соколко не хромаетъ?

— Нѣтъ.

— Да хорошо ли перековали?

— Всѣхъ кругомъ перековали заново.

— А какъ вдругъ Соколко въ дорогѣ захромаетъ. (Соколко имѣлъ къ этому особое расположеніе).

— Да съ чего ему захромать, вѣдь подсѣды у него прошли, а если грѣхъ съ нимъ и случится, то развѣ послѣ дороги.

— Выбѣжитъ ли онъ?

— Какъ не выбѣжать, сударыня, три недѣли стоялъ на отдыхѣ.

— Не лучше ли будетъ кобылу запрячь?

— Воля вашей милости, только Рыжуха шибко стара.

— По какой дорогѣ ѣхать?

— Какъ прикажете; по маленькой хоть и короче, только въ лѣсу еще должно быть шибко топко.

— А по большой—горы.

— Голубанко хорошо спускаетъ,—успокоительно завѣряетъ Иванъ.

Чѣмъ ближе подходитъ время отъѣзда, тѣмъ чаще призывается Иванъ, и опять слышишь: Голубанко хорошо спускаетъ, у Соколка подсѣды прошли.

Явились изъ усадьбы подводы для перевозки прислуги и разныхъ запасовъ, покупаемыхъ въ городѣ; вслѣдъ затѣмъ былъ назначенъ день отъѣзда. Стали появляться разныя лица съ прощальными визитами; наканунѣ были заказаны подорожники, а въ день отъѣзда всѣ поѣхали въ церковь, гдѣ и былъ отслуженъ молебенъ.

Въ числѣ пріѣхавшихъ была сестра Екатерины Петровны, и съ ней была собачка, обратившая мое особенное вниманіе; такихъ я еще никогда не видалъ,—черная съ длинной шерстью, широкими мохнатыми ушами, рыжеватой подшейкой. Она съ звонкимъ лаемъ обѣжала комнаты, ко всѣмъ кидалась на грудь, а главное ни на минуту не оставалась спокойною, то вскочитъ на окно, то вьюномъ кружитъ вокругъ обѣденнаго стола. Всѣ ей были рады, и даже строгая Екатерина Петровна, не любившая вообще собакъ, стала ласкать ее и дала маленькій кусочекъ сахару. То былъ кингъ-чарль, и сестра Екатерины Петровны очень тщеславилась, что ни у кого въ Вологдѣ не было такой собачки. Между тѣмъ пріѣхала еще какая-то дама; едва она завидѣла собачку, какъ подхватила ее на руки.

— Ахъ, мое сокровище,—восклицала она,

цѣлуя собачку;—Марья Петровна, когда же вы ее мнѣ уступите; вѣдь, я жить безъ нея не могу.

— Никогда.

— Ну, не хотите продать, такъ давайте мѣняться, я вамъ на выборъ предлагаю одну изъ своихъ горничныхъ; обѣ умѣютъ шить, хорошо работаютъ гладью и очень расторопныя, да вѣдь и молодыя...

— И за обѣихъ не отдамъ — рѣшительно отвѣтила Марья Петровна.

— Ахъ, вы жестокая.

Ранній обѣдъ. Чѣмъ ближе минута отъѣзда, тѣмъ чаще сестра получаетъ отъ Екатерины Петровны замѣчанія за нераспорядительность, прислуга награждается нелестными прозвищами, а Иванъ Ефимовичъ (старый лакей) удостоивается аттестаціи стараго дурака. Наконецъ, все готово, и надо усаживаться въ тарантасъ. Всѣ собрались въ одной комнатѣ и сѣли; такъ въ молчаньи прошло, можетъ быть, съ минуту, потомъ разомъ всѣ поднялись, помолились и стали спускаться. У самаго тарантаса вновь возникаетъ вопросъ, по какой дорогѣ ѣхать. Явившійся съ подводами «выборный» Леонтій (почему онъ носилъ такой титулъ, не понимаю, такъ какъ назначался помѣщикомъ и былъ собственно помощникомъ старосты) подвергается повторному разспросу и еще разъ свидѣтельствуетъ, что по малой дорогѣ въ лѣсу топко. Скрѣпя сердце, Екате-

рина Петровна отдаетъ приказъ ѣхать большой дорогой.

Я провожу последнія минуты съ матушкой; она старается скрыть свои слезы и что-то объясняетъ мнѣ, какъ я себя долженъ вести въ деревнѣ. Я горячо любилъ матушку, но въ эту минуту не чувствовалъ особенной горечи разлуки, такъ какъ весь былъ занятъ мыслью, что вотъ сейчасъ я въ этомъ огромномъ тарантасѣ поѣду въ какой-то для меня невѣдомый край.

Екатерина Петровна первая усѣлась въ тарантасъ, и хотя въ немъ все было размѣщено по ея приказанію и все были вещи, не впервыя укладываемыя, она однако осталась недовольна, и началась переукладка. Наконецъ всѣ усѣлись, сестра помѣстилась между стариками; я въ послѣдній разъ поцѣловался съ матушкой и взобрался на указанное мнѣ мѣсто спиной къ кучеру.

Старому повару съ женой (они оставались въ городѣ) въ сотый разъ наказывается осторожнѣе обращаться съ огнемъ.

— Будьте спокойны, матушка барыня,— отвѣчаютъ старики, низко кланяясь и подходя къ ручкѣ Екатерины Петровны,—честь, которой удостоивались немногіе изъ дворни. Вотъ Иванъ Ефимовичъ взобрался на козлы,—его обязанность въ дорогѣ отворять отвода,—и мы двинулись; я еще разъ взглянулъ на матушку, она улыбалась, но въ то же время утирала

слезы платкомъ, вѣдь въ первый разъ она разставалась со мной! Слезы душили и меня, но я старался ихъ сдержать, боясь Екатерины Петровны.

— Иванъ,—вдругъ раздался ея голосъ,— взятъ ли топоръ?

— Взятъ.

— А веревки?

— И веревки взяты.

Эти вещи всегда брались на случай поломки тарантаса или какого-нибудь неожиданнаго случая въ дорогѣ.

Надо же мнѣ сказать хоть нѣсколько словъ о старикахъ Одинцовыхъ. Николаю Ивановичу было за 60 лѣтъ, а Екатеринѣ Петровнѣ немного менѣе; для своего времени они получили очень хорошее образованіе. Николай Ивановичъ учился въ петербургскомъ іезуитскомъ пансіонѣ *), откуда вышелъ въ военную службу, въ 13 и 14 гг. побывалъ съ дѣйствующей арміей за границей, а въ 1815 г. вышелъ въ отставку. Онъ зналъ французскій и нѣмецкій языки и безукоризненно писалъ по русски. Образованіе Николая Ивановича носило однако нѣсколько странный характеръ; напримѣръ:

*) Изъ своихъ товарищей онъ часто вспоминалъ о князѣ П. Вяземскомъ, который, по его словамъ, былъ большой проказникъ и особенно отличался тѣмъ, что умѣлъ отлично вышучивать и проводить почтенныхъ отцовъ іезуитовъ.

французская литература для него заканчивалась на классикахъ вѣка Людовика XIV; о литературѣ 18-го, а тѣмъ болѣе 19-го вѣка, онъ уже не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Несмотря на очень хорошее знаніе нѣмецкаго языка, нѣмецкой литературы онъ не подозрѣвалъ и существованія. Изъ русскихъ писателей зналъ только Ломоносова, Державина и Карамзина.

Екатерина Петровна получила домашнее образованіе, прекрасно говорила и писала по французски и хорошо играла на фортепіано. Русскую грамоту знала очень нетвердо, потому предпочитала переписываться по французски; и библія у нея была тоже французская. Пушкина въ домѣ Одинцовыхъ слыхали (читала его только сестра); любимымъ русскимъ поэтомъ Екатерины Петровны былъ Жуковскій; впрочемъ, и изъ него она знала только баллады. Отъ времени дѣвичества у нея сохранялась тетрадь, въ которой были списаны баллады Жуковскаго; иногда Екатерина Петровна вынимала эту тетрадь и что-нибудь прочитывала.

— Хоть и глупости, — говорила она, — а очень мило.

Одинцовы были люди глубоко религіозные, только посты не особенно твердо выполняли; по общественнымъ понятіямъ они прямо принадлежали къ Екатерининскому времени, да еще съ примѣсью предразсудковъ, занесенныхъ къ намъ французскими эмигрантами.

Крѣпостное право не только не возбуждало въ нихъ никакихъ сомнѣній, но прямо считалось божественнымъ учрежденіемъ. Повидимому, совершенно искренно Екатерина Петровна весьма сомнѣвалась, есть ли у крѣпостныхъ душа; въ сердцахъ она часто говорила: «Развѣ есть у нихъ душа? у нихъ голикъ» (обтрепанный вѣникъ).

Какъ помѣщики они не отличались ни жестокостью, ни излишнимъ вымогательствомъ (впрочемъ, изъ четырехъ деревень, имъ принадлежащихъ, одна сплошь занималась нищенствомъ); барщина, напр., у нихъ отправлялась по три дня въ недѣлю, между тѣмъ какъ у нѣкоторыхъ сосѣдей нерѣдко по четыре дня. Только Екатерина Петровна была большая ворчунья, и отъ нея всѣмъ доставалось, начиная съ Николая Ивановича и моей сестры, которую, однако, Екатерина Петровна любила, какъ рѣдкая родная мать. Но особенно доставалось отъ Екатерины Петровны дворовымъ женщинамъ; естественно поэтому, что послѣднія не только боялись, но и не любили ея.

Въ житейскомъ смыслѣ всѣ считали Екатерину Петровну женщиной очень умной и съ большимъ тактомъ; напротивъ Николай Ивановичъ, повидимому, съ давнихъ поръ имѣлъ прочно установившуюся репутацію, что онъ «очень недалекъ». За нимъ оставалось полеводство, и хотя онъ имъ занимался болѣе

тридцати лѣтъ и даже пробовалъ производить какіе-то опыты (одно время выписывалъ сельскохозяйственную газету), но тѣмъ только давалъ пищу для острословія сосѣдей, да поводъ старостамъ обманывать его на каждомъ шагу. Онъ велъ точный журналъ всѣмъ работамъ, посѣвамъ и урожаю. И вотъ какой съ нимъ былъ случай. Въ журналѣ значилось, что на извѣстномъ участкѣ посѣяна рожь, а уродился овесъ. Удивленію его не было предѣловъ, и онъ на первыхъ порахъ всѣмъ разсказывалъ, что у него рожь переродилась въ овесъ.

Матеріальное положеніе Одинцовыхъ было очень тяжело. Вслѣдствіе проигрыша одного процесса у нихъ оставалось нѣсколько менѣе ста душъ—все барщинныхъ; при томъ имѣніе не только было заложено въ опекунскомъ совѣтѣ, но и обременено еще частными долгами, за которые платилось не менѣе 12 проц. Поддержкой являлась служба; Николай Ивановичъ занималъ должность провіантскаго коммиссіонера для Вологодской губерніи съ жалованьемъ около 600 р.; мѣсто считалось очень доходнымъ, но благодарностей отъ подрядчиковъ онъ не получалъ и за такую добродѣтель, конечно, не удержался бы на мѣстѣ, если бы не протекція Позена, всемогущаго при тогдашнемъ военномъ министрѣ Чернышевѣ. Чтобы какъ-нибудь сводить концы съ концами, Екатеринѣ Петровнѣ приходилось наблюдать во

всѣхъ расходахъ самую крайнюю экономію; за исключеніемъ чая, сахара, небольшого количества крупчатки (обыкновенно подавалось пшеничное печенье), кое-чего изъ столовыхъ припасовъ, да еще матерій для платья, ничего не покупалось; точно такъ же всякую работу старались сдѣлать изъ своихъ матеріаловъ и домашними средствами. Пріемовъ никакихъ не было. Одинцовы считали себя настоящими мѣстными аристократами (Екатерина Петровна была урожденная Мельгунова) и на большинство тогдашнихъ мѣстныхъ дворянъ смотрѣли нѣсколько свысока, какъ на выскочекъ; старикъ раза два въ годъ дѣлалъ визитъ губернскому предводителю Межакову, а Екатерина Петровна какой-то уважаемой старушкѣ Ф. С. Дьяконовой; на томъ сношенія съ посторонними людьми почти и кончались; родныхъ было мало. И все же таковъ былъ тогдашній помѣщичій строй, что вотъ какая дворня существовала для двухъ стариковъ и жившей при нихъ моей сестрѣ: поваръ съ женою въ городѣ (квартира была наемная,— это было исключеніе, такъ какъ почти всѣ мѣстные помѣщики имѣли свои дома въ городѣ *), поваръ въ деревнѣ, онъ же и садовникъ, его жена смотрѣла за птицей и огородомъ, при

*) Теперь въ Вологдѣ домовъ, принадлежащихъ помѣщикамъ, осталось очень мало, а на Дворянской улицѣ, кажется, ни одного.

поварѣ состоялъ поваренокъ, затѣмъ два лакея, кучеръ, двѣ горничныя, ключница, коровница для домовыхъ коровъ, прачка, въ помощь которой брались еще другія женщины изъ ткацкой, стряпка для дворни, кормившейся въ общей застольной. Засталъ я еще почти не у дѣлъ старушку Ольгу Ивановну, отставную ключницу, она пользовалась особеннымъ уваженіемъ со стороны Екатерины Петровны и въ деревнѣ, каждое утро, изъ собственныхъ рукъ барыни получала двѣ чашки чаю. Всю эту прямо, такъ сказать, непроизводительную дворню съ дѣтьми надо было прокормить, одѣть и обуть. Затѣмъ были еще бобыли и бобылки, кто пасъ овецъ, кто стерегъ птицу; и наконецъ немалое число женщинъ было занято въ ткацкой; тутъ былъ хоть какой-нибудь возвратъ, такъ какъ полотнами (и очень хорошаго качества) въ натурѣ уплачивалась часть процентовъ въ опекунскій совѣтъ. Менѣе трехъ лошадей никогда не было, онѣ, конечно, въ работу не употреблялись; ихъ главное дѣло было какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ возить по праздникамъ въ церковь; причемъ въ городѣ всегда запрягалась пара, — это чиновники и купцы ѣздятъ въ одиночку, такъ большею частью тогда разсуждали *).

---

*) У Николая Ивановича была племянница вдова, жившая ради экономіи круглый годъ въ деревнѣ; при ней были двѣ падчерицы съ гувернанткой и никого болѣе. Имѣніе по вологодскому масштабу было большое, но до

* * *

Медленно громыхалъ тарантасъ по невозможнымъ даже и теперь вологодскимъ мостовымъ. Я сижу на какомъ-то возвышенiи и прежде всего испытываю горделивое чувство— мнѣ еще никогда не приходилось ѣхать въ тарантасѣ. По временамъ попадаются уличные мальчики, бросаютъ свою игру и внимательно слѣдятъ за тарантасомъ, но къ крайнему огорченiю видятъ, что на задокъ прицѣпиться никакъ нельзя, такъ какъ тамъ крѣпко прикованъ большой ящикъ. Ужасно хотѣлось, чтобы повстрѣчался кто-нибудь изъ прiятелей и, конечно, съ большой завистью посмотрѣлъ бы, какъ я «ѣду съ настоящими господами въ деревню». Къ сожалѣнiю, тарантасъ двигался по направленiю, прямо противоположному отъ района, въ которомъ находилась квартира матушки. Да и какъ не позавидовать—у Одинцовыхъ большой садъ, и въ немъ растутъ яблоки, малина, а въ лѣсу сколько хочешь всякихъ ягодъ и грибовъ. Не знаю, долго ли бы продолжалось такое повышенное настроенiе, какъ вдругъ Екатерина Петровна рѣзко обратилась ко мнѣ.

невозможности обремененное долгами. Я разъ вмѣстѣ съ Одинцовымъ провелъ въ немъ часть осени; послѣ тихаго Мурманова, Погорѣлово производило впечатлѣнiе большого села,—только при одномъ домѣ было до 20 человѣкъ разной прислуги.

— Ахъ, батюшка, ты мнѣ совсѣмъ отдавилъ колѣни.

Сестра сейчасъ же поправила меня и строго сказала, чтобъ я сидѣлъ смирно и не вертѣлся.

Понемногу проѣхали городъ, и начался городской выгонъ, за предѣлы котораго еще никогда не переступала моя нога. Хотя я не разъ видалъ стадо коровъ, когда оно возвращается по домамъ, все же теперь былъ изумленъ безчисленнымъ множествомъ коровъ, и при томъ какихъ тутъ только не было! Мнѣ захотѣлось разглядѣть «бурену» хозяина, у котораго матушка нанимала квартиру, я сталъ очень напряженно присматриваться къ стаду, какъ Екатерина Петровна съ сердцемъ сказала сестрѣ:

— Катерина Александровна (это величаніе всегда означало повышенную степень неудовольствія Екатерины Петровны), да смотри же за своимъ братцемъ, онъ опять надавилъ мнѣ ноги.

Сестра мгновенно поправила меня и, наклонившись, прошептала:—«Если ты не будешь сидѣть смирно, то тебя высадятъ на дорогѣ».

Я совсѣмъ съежился отъ этой угрозы.

— Катя, ему кажется, неудобно сидѣть, надо поправить, — уже совсѣмъ мягко проговорила Екатерина Петровна.

Тарантасъ былъ остановленъ; оказалось, что я сидѣлъ на скатѣ какого-то узла, и неудивительно, что постоянно сползалъ. Когда было произведено надлежащее исправленіе, я уже

долго не подавалъ повода ни къ какимъ замѣчаніямъ.

День былъ хорошій, весеннее солнце все заливало своими лучами, и всѣ понемногу пришли въ доброе расположеніе духа.

Екатерина Петровна начала что-то разсказывать, должно быть, очень веселое, потому что не только Николай Ивановичъ громко засмѣялся, но даже всегда сдержанная сестра и та пріятно улыбалась. Это приподняло и мое сильно упавшее настроеніе отъ страха, что высадятъ на дорогѣ; къ тому же стали мелькать усадьбы, окруженныя садами, деревни, поля.

— Ахъ, какая большая трава, отчего же ее не косятъ?—сказалъ я.

— Это не трава, а рожь: изъ нея дѣлаютъ хлѣбъ,—объяснила Екатерина Петровна.

Это была совсѣмъ новая вещь для меня; я зналъ только, что хлѣбъ дѣлаютъ изъ муки,—матушка каждую недѣлю пекла хлѣбъ.

— Мука бѣлая,—сказалъ я,—а тутъ зеленая трава.

— Когда она еще выростетъ, то побѣлѣетъ, у нея будетъ колосъ, а въ колосьяхъ зерна, изъ нихъ и дѣлаютъ муку.

Не успѣлъ я еще хорошенько обдумать это объясненіе, какъ завидѣлъ на лугу большую стаю воронъ.

— Ахъ, сколько воронъ,—оживленно воскликнулъ я;—вотъ если бы теперь пустить кам-

немъ въ нихъ, то непремѣнно можно было бы которую нибудь зашибить.

— Не хорошо камнемъ пускать въ воронъ, — замѣтила Екатерина Петровна, — это дѣлаютъ только злые и невоспитанные мальчики.

— Воронъ, вѣдь, не ѣдятъ, онѣ ничьи.

— Все равно, ворона тварь Божья, и не слѣдуетъ ее обижать.

— Это Мурманово (такъ называлось имѣніе, куда ѣхали)?—сказалъ я, завидѣвъ въ сторонѣ усадьбу.

— До Мурманова еще болѣе 25 верстъ.

Я зналъ, что есть версты, но никакого реальнаго понятія о нихъ не имѣлъ.

— А скоро мы пріѣдемъ въ Мурманово?

— Мы проѣхали только 5 верстъ,—отвѣчала сестра.

Мнѣ же казалось, что мы ѣхали необыкновенно долго, и что давно пора пить послѣобѣденный чай.

— А когда же мы станемъ чай пить?

— Пріѣдемъ въ Мурманово, тамъ и будетъ чай.

— Ты, однако, ужъ очень много болтаешь,—наклонившись ко мнѣ, тихо проговорила сестра.

Что же мнѣ оставалось дѣлать? Сталъ смотрѣть на дорогу, тамъ поминутно попадались прохожіе и проѣзжіе. Вотъ ѣдетъ мужичокъ, совсѣмъ похожій на дядю Ивана, что иногда

привозитъ дрова матушкѣ; и лошадь бурая. Но такая досада, не успѣлъ хорошенько вглядѣться и крикнуть ему—дядя Иванъ!—какъ тарантасъ уѣхалъ впередъ. Мнѣ сдѣлалось очень грустно; дядя Иванъ былъ такой хорошій дядя, всегда продавалъ матушкѣ дешево дрова; возъ у него былъ большой, дрова сухія, и часто подолгу ждалъ деньги. Бывало придетъ, перекрестится на образъ и скажетъ:—«Здравствуйте, матушка Анна Ивановна, какъ поживаете, не разбогатѣла ли деньгами, пятіалтынничекъ-то получить бы.

— Нѣтъ, Иванушка, еще не справилась, ужъ подожди, голубчикъ.

— Что жъ, матушка, подождемъ. Ишь какой сынокъ-то у тебя растетъ, вотъ будетъ большой—заботушку-то съ тебя и сниметъ.

А я на эти слова отзывался:—«Я буду офицеромъ и за матушкой въ каретѣ пріѣду!»

Дядя Иванъ еще недавно былъ у насъ и звалъ меня лѣтомъ къ себѣ въ деревню и непремѣнно хотѣлъ пріѣхать за мной на своемъ буркѣ. Хорошо у нихъ лѣтомъ въ деревнѣ; тамъ есть рѣчка, и въ ней пропасть раковъ, можно просто руками ловить, а если боишься, что ракъ клещами схватитъ, такъ сѣткой съ наживой.

— Гдѣ лучше,—подумалъ я:—у дяди Ивана, или въ Мурмановѣ? Въ Мурмановѣ есть каbріолетъ (что это за штука, я и представить себѣ не могъ), его запрягутъ, сестра сядетъ,



возьметъ меня съ собой, и мы поѣдемъ кататься.

Такъ говорила матушка.

За то у дяди Ивана пекутъ рогульки такія вкусныя (онъ часто привозилъ мнѣ этотъ гостинецъ), ихъ я у Одинцовыхъ никогда не ѣдалъ.

Не знаю, долго ли бы продолжались мои сравнительныя соображенія о двухъ неизвѣстныхъ, если бы внезапно для меня не остановился тарантасъ. Я подумалъ, что мы уже пріѣхали, но оказалось, что въ виду небольшого спуска стали тормозить тарантасъ, операція никогда мною невиданная, а потому и очень меня заинтересовавшая.

Екатерина Петровна, видимо, была въ большомъ безпокойствѣ: почему-то Иванъ Ефимовичъ получилъ приказъ сойти съ козелъ и слѣдовать пѣшкомъ.

Такъ какъ я сидѣлъ спиной къ кучеру, то мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть, какъ Голубанко «спускаетъ», но едва я сталъ поворачиваться, какъ сестра остановила меня; это было досадно. Минуты черезъ двѣ спускъ былъ совершенъ, и мы опять поѣхали прежнимъ порядкомъ. Меня эта процедура немало удивила; по моему, надо было ѣхать подъ гору вскачь, какъ то дѣлаютъ въ городѣ извозчики, когда спускаются съ Соборной горы. Какъ весело тогда смотрѣть на нихъ!

Ѣдемъ и ѣдемъ; по времени показалась близъ дороги особнякомъ стоящая церковь; опять остановились, — предстоялъ большой спускъ, и надо было тормозить (нынѣ по всѣмъ этимъ горамъ я ѣзжу, и ни о какомъ торможеньи никогда и рѣчи не бываетъ).

Тутъ Екатерина Петровна рѣшительно объявила, что она пойдетъ пѣшкомъ, и вышла изъ тарантаса; за ней послѣдовала сестра, велѣно было и мнѣ выходить, чему я былъ очень радъ,—сидѣнье въ тарантасѣ уже стало мнѣ надоѣдать. Но Николай Ивановичъ положительно отказался разстаться съ тарантасомъ; ему, видимо, было очень удобно, вся спина его утопала въ большой подушкѣ.

—Ванюшка—крикнулъ онъ,—подай трубку!

Иванъ Ефимовичъ досталъ изъ чехла трубку, потомъ изъ бисернаго кисета набилъ табаку. Я приготовился наблюдать очень интересную и хорошо извѣстную мнѣ операцію высѣканія огня надъ трутомъ *), но вмѣсто того Иванъ Ефимовичъ вынулъ изъ кармана какое-то круглое стекло и началъ водить имъ надъ трубкой; на табакѣ замелькало свѣтлое пятно, показался табачный дымокъ, и Иванъ Ефимовичъ передалъ трубку Николаю Ивановичу, который сейчасъ же съ наслажденіемъ и началъ попыхивать. Изумленію моему не

*) Спички еще очень мало были распространены въ Вологдѣ, а вскорѣ по всей Россіи были запрещены (послѣ пожаровъ въ 49 г.); вновь были разрѣшены, помнится, въ 61 году.



было предѣловъ; я кинулся было къ сестрѣ, чтобъ обратиться къ ней за разъясненіемъ, но какъ разъ въ эту самую минуту начался спускъ и отвлекъ мое вниманіе, тѣмъ болѣе, что представилось удивительное зрѣлище. Голубанко почти совсѣмъ присѣлъ на заднія ноги, а хомутъ у него сползъ подъ самую морду.

Я хотѣлъ было сказать Ивану, что развѣ онъ не видитъ, что Голубанко упалъ, но въ присутствіи Николая Ивановича не рѣшился заговорить съ нимъ, такъ какъ разъ навсегда мнѣ было строго запрещено входить въ какіе-нибудь разговоры съ прислугой (запрещеніе это, конечно, выполнялось только на виду стариковъ, да отчасти сестры). Я шелъ рядомъ съ тарантасомъ и не могъ оторвать глазъ отъ Голубанка, все время удивляясь равнодушію Ивана, пока наконецъ спускъ не кончился. Тормозъ былъ снятъ, и я думалъ, что всѣ сейчасъ же сядутъ; но предстоялъ подъемъ, Екатерина Петровна, а за ней и сестра продолжали идти пѣшкомъ; я противъ этого тоже ничего не имѣлъ.

Вдругъ на дорогѣ показалось нѣсколько овецъ; завидя тарантасъ, онѣ поднялись, постояли нѣкоторое время, да какъ кинутся въ сторону, да черезъ канаву!

Это было ужасно весело, я самъ было побѣжалъ за ними, но строгій окрикъ сестры вернулъ меня. Между тѣмъ появились коровы; ихъ я не въ шутку побаивался, а потому не-

вольно схватился за юбку сестры. Одна черная корова съ большими рогами, наклонилась и такъ-таки прямо и пошла на Екатерину Петровну.

— Ай, она забодаетъ Екатерину Петровну, чуть не сквозь слезы говорю я сестрѣ; — но Екатерина Петровна подняла какую-то хворостину и такъ строго замахала на корову, что та сразу отбѣжала въ сторону, пресмѣшно при этомъ поднявши хвостъ. Тутъ намъ попался пастухъ. Въ болѣе раннемъ дѣтствѣ, напуганный разными разсказами, я подъ-часъ искренно завидовалъ всякой безсловесной твари, потому что ей нечего бояться ада и всѣхъ ужасовъ, которые тамъ ожидаютъ грѣшниковъ; теперь я сталъ завидовать всѣмъ, у кого нѣтъ обязательныхъ уроковъ, кто не подвергается ежеминутнымъ замѣчаніямъ и разнымъ наставленіямъ. Пастухъ былъ немного побольше меня, но на сколько счастливѣе! Цѣлый день онъ на свободѣ и можетъ, сколько захочетъ, кататься по травѣ; это такъ пріятно! Но вотъ гора кончилась; прежде чѣмъ усѣсться, достали подорожники, потому что проѣхали половину дороги, и всѣ стали закусывать. Мнѣ былъ данъ очень вкусный, сдобный пшеничный калачъ; я съ удовольствіемъ сталъ его уписывать, какъ вдругъ сюрпризъ — въ калачѣ оказалось запеченное яйцо; такихъ калачей я никогда не видывалъ. Удовольствіе было нѣсколько отравлено тѣмъ, что меня заставили нѣ-

премѣнно есть яйцо съ какой-то черной солью, а я соли вообще не любилъ.

— Катя, что жъ ты не дашь ему лепешечку?

Я ожидалъ знакомую вещь; матушка по праздникамъ нерѣдко пекла маленькія лепешки, помазанныя сверху сметаной; но сестра дала мнѣ какую-то конфетку, необыкновенно вкусную, и при этомъ шепнула:—«Поблагодари маменьку». Я по обыкновенію исподлобья пролепеталъ:—«Благодарю покорно». Впослѣдствіи я не разъ былъ свидѣтелемъ, какъ приготовлялись эти лепешечки изъ разныхъ ягодъ, негодившихся для варенья; ихъ запасали на цѣлый годъ, и онѣ тогда въ помѣщичьихъ домахъ замѣняли конфекты.

Ѣхали, должно быть, очень медленно; сестра достала книгу и начала вслухъ читать; я, конечно, ничего не понималъ, только съ тѣхъ поръ запомнилъ слово «вабанкъ», которое въ повѣсти часто упоминалось, и значеніе котораго осталось для меня навсегда темнымъ. Свѣжій воздухъ, закуска, масса новыхъ впечатлѣній—все это стало располагать меня ко сну, и я, должно быть, поминутно началъ клевать.

— Лонгину спать хочется,—сказала Екатерина Петровна,—приладь ему, Катя, подушку. И я заснулъ; лишь по временамъ, просыпаясь отъ толчковъ, видѣлъ, что уже стало темнѣть, что мы ѣдемъ лѣсомъ, и опять за-

сыпалъ. Никакія сновидѣнія тогда меня не тревожили. Но вотъ сестра меня будитъ, я съ трудомъ открываю глаза, тарантасъ стоялъ у крыльца какого-то дома,—мы пріѣхали.

Спросонковъ меня ничто въ домѣ особенно не поразило, кромѣ страннаго запаха, да бѣлыхъ цвѣточковъ, разставленныхъ въ кувшинчикахъ на окнахъ; какъ я потомъ узналъ, то были наши сѣверные ландыши; ихъ очень любила Екатерина Петровна, къ пріѣзду которой заботливая рука Ольги Петровны и разставляла ихъ вездѣ. Наскоро напились чаю; затѣмъ сестра свела меня въ особую комнату, для меня назначенную. Тамъ какая-то старушка раздѣла меня и уложила въ кровать подъ пологомъ, назначеніе котораго для меня еще было совершенно неизвѣстно. До сихъ поръ мнѣ никогда не приходилось спать въ особой комнатѣ; это ли обстоятельство, или просто сонъ разгулялся, только я не могъ заснуть. Я выползъ изъ-подъ полога и сталъ смотрѣть въ окно; ночь была свѣтлая. Прямо передъ моимъ окномъ была конюшня, подъ навѣсомъ стояли лошади, на которыхъ мы пріѣхали. Онѣ время отъ времени перемѣняли ноги; Надежко даже часто сильно ударялъ ими въ деревянный полъ. Меня очень удивляло, что Иванъ совсѣмъ забылъ о лошадяхъ; вѣдь имъ ѣсть хочется и спать давно пора; самъ-то онъ теперь небось чай пьетъ (я слышалъ, какъ Екатерина Петровна говорила—послать чаю Ивану), а о лошадяхъ и

не думаетъ. По двору бѣгала собака, спущенная на веревкѣ, и по временамъ почему-то начинала лаять.—Злая, должно быть, подумалъ я. Болѣе интереснаго на дворѣ я ничего не замѣтилъ. Что касается завтрашняго дня, я никакъ не могъ его себѣ представить,—мнѣ было только извѣстно, что грибы и ягоды еще не поспѣли; потому опять вернулся къ наблюденію за лошадьми. Я долго ждалъ Ивана, но онъ все не появлялся; наконецъ, я улегся на свою кровать и на этотъ разъ скоро заснулъ.

На другой день сестра меня разбудила, позвала какую-то Матренушку, сказала ей, чтобъ дала мнѣ умыться и одѣла меня; обѣ эти операціи у матушки я продѣлывалъ самъ и теперь не понималъ, зачѣмъ тутъ Матренушка; но потомъ такъ вошелъ во вкусъ, что безъ сторонней помощи считалъ даже унизительнымъ совершать свой туалетъ. Сестра сказала еще, чтобы я во всемъ слушался Матренушки. На первый разъ Матренушка въ очкахъ показалась мнѣ очень сердитой старухой (на самомъ дѣлѣ ей, вѣроятно, было лѣтъ за 30), въ дѣйствительности же это было добрѣйшее существо, никогда не жаловалась на меня сестрѣ, хотя я скоро совсѣмъ вышелъ изъ повиновенія; особенно ей было трудно справляться, когда она водила меня въ баню; а главное, она никогда не давала мнѣ почувствовать, что я бѣдный мальчикъ, изъ милости воспитываемый. Съ этой стороны отъ мно-

гихъ изъ дворни мнѣ потомъ пришлось немало вытерпѣть. Когда я былъ совсѣмъ готовъ, опять пришла сестра, и подъ ея наблюденіемъ я молился; тутъ въ первый разъ въ комплексъ моихъ молитвъ была введена молитва за Екатерину Петровну и Николая Ивановича.

Послѣ молитвы сестра повела меня въ садъ. До сего времени я видалъ только садъ въ женскомъ монастырѣ передъ кельей игуменьи, тамъ была рябина, черемуха, да нѣсколько яблоней, а изъ цвѣтовъ росли бархатцы и сапожки. То, что я увидѣлъ теперь, повергло меня въ нѣмое очарованіе. Передъ самымъ балкономъ былъ большой кустъ сирени, отъ него въ нѣкоторомъ разстояніи по обѣ стороны еще нѣсколько меньшихъ кустовъ, потомъ масса яблоней, вишенъ, и все это въ полномъ цвѣту; подчищенныя дорожки, клумбы съ цвѣтами, липовыя аллеи, тополи, правильно разсаженные кусты смородины и крыжовника, грядки съ малиной, и чего только не было въ саду! А кругомъ него шелъ превысокій валъ, много выше меня, а за валомъ канава, ухъ, какая глубокая! Сестра мнѣ все объясняла, а по времени подвела меня къ горкѣ. Когда я на нее съ трудомъ взобрался, восторгу моему не было предѣла, и еще бы: Катя (сестра) стала такая маленькая, а я-то высоко, высоко стою надъ ней!

Въ заключеніе сестра показала мнѣ не-

большой кедръ и сказала, что онъ немного старше меня, а когда выростетъ, то на немъ будутъ шишки, а въ нихъ орѣхи.

— А скоро онъ выростетъ,—спросилъ я, заранѣе предвкушая удовольствіе грызть орѣхи, которые очень любилъ.

— Я думаю не ранѣе, какъ ты самъ будешь большой.

Это было первое разочарованіе, но вслѣдъ за нимъ предстояло несравненно большее. Стали возвращаться изъ сада, и тутъ сестра объявила мнѣ строгимъ тономъ, что я никогда не долженъ срывать ни одного цвѣтка, ни касаться яблонь, вишень и ягодъ. Выслушавъ эти слова, я печально опустилъ голову, яркій солнечный день точно затемнился. То ли сестра замѣтила перемѣну въ моемъ настроеніи, то ли считала нужнымъ позолотить горькую пилюлю, только она прибавила:

— Вотъ когда все поспѣетъ и станутъ собирать, то и тебѣ маменька (такъ она звала Екатерину Петровну) будетъ давать; но ты долженъ себя хорошо вести.

Выйдя изъ сада, сестра повела меня по всей усадьбѣ; построекъ было много. Вотъ людская, тамъ ткацкая, тутъ кухня и т. д.; но я на все смотрѣлъ безъ особеннаго интереса, такъ какъ еще весь былъ подъ впечатлѣніемъ только-что выслушаннаго запрета. Зашли въ конюшню, гдѣ я сразу узналъ вчерашнихъ лошадей, и какъ-то вдругъ на душѣ

стало полегче; но главное, что заставило меня позабыть о только-что обрушившемся ударѣ, такъ это молодой жеребенокъ, который, завидѣвъ сестру, сейчасъ же подбѣжалъ къ ней, а потомъ ко мнѣ. Сестра крикнула какую-то дѣвушку, и та принесла хлѣба. Едва жеребенокъ почуялъ хлѣбъ, какъ стремительно бросился къ сестрѣ и только-что не сбилъ ея съ ногъ. Сестра дала мнѣ хлѣба, чтобъ я покормилъ жеребенка; я однако не рѣшался, но жеребенокъ не долго думалъ и выхватилъ у меня кусокъ. Я закричалъ съ испуга; но сестра показала мнѣ, какъ надо держать хлѣбъ, и второй разъ сошло у меня благополучно, хотя я все таки испытывалъ сильный внутренній трепетъ, сейчасъ же, впрочемъ, смѣнившійся громкой радостью, когда жеребенокъ далъ себя погладить по шеѣ, а потомъ и по головѣ. Между тѣмъ въ стойлахъ послышалось ржанье; меня немало удивило, что сестра очень смѣло заходила въ стойла, гладила лошадей и давала имъ хлѣба. Никакіе уговоры сестры на меня не подѣйствовали—я въ стойла не пошелъ, и основательно — тамъ стояли такія большія лошади!

— А ты, Соколко, что—лежишь,—сказала сестра; — ну-ка, встань, и стала его толкать ногой. Соколко долго не хотѣлъ вставать, нѣсколько разъ какъ-то странно вытягивалъ заднія ноги и наконецъ кое-какъ поднялся.

— Ахъ, бѣдный, ты опять захромалъ.

Мнѣ показалось очень странно, почему сестра знаетъ, что Соколко захромалъ, вѣдь, она не кучеръ, и Соколко не бѣжитъ. Я не утерпѣлъ и спросилъ сестру. — А видишь, какъ онъ держитъ заднюю ногу. Кажется, не успѣлъ я хорошенько разсмотрѣть ноги Соколка, какъ, откуда ни возьмись, явился козелъ, съ такими большими рогами и предлинной бородой; я съ крикомъ ужаса выбѣжалъ изъ конюшни.— Полно, Лоничка, чего ты испугался: видишь, какой онъ смирный,—говорила сестра, гладя козла по мордѣ,—поди сюда, не бойся. Я не двигался, такъ какъ хорошо помнилъ, что разъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ козелъ шелъ прямо на меня съ опущенными рогами, и мнѣ тогда объяснили, что онъ хотѣлъ забодать меня.— Да поди же сюда, — строго сказала сестра. Я, наконецъ, повиновался.—Ну, погладь его.— Видя, что я стою не шевелясь, сестра взяла мою руку и стала ею гладить козла по мордѣ, и затѣмъ понемногу оставила мою руку; я не только продолжалъ гладить козла, но, видя, что онъ смирно жуетъ хлѣбъ, даже расхрабрился взять его за бороду, а потомъ за рога.—Ну за рога-то его не трогай, онъ тебя, пожалуй, напугаетъ.—А можно на него сѣсть верхомъ?—Нѣтъ на козлахъ верхомъ не ѣздятъ.

Вскорѣ конюшня стала моимъ любимымъ мѣстопребываніемъ въ скучный послѣобѣденный часъ, который мнѣ давался для отдыха. Играть было не съ кѣмъ; потому, когда меня отпус-

кали на дворъ, я почти всегда и прежде всего направлялся въ конюшню; особенно подружился съ козломъ. Мнѣ казалось, что онъ понимаетъ меня, вѣдь, и ему, должно быть, не весело, вѣчно одному, да еще въ заперти.

Изъ конюшни зашли въ каретникъ; тамъ стоялъ уже вымытый тарантасъ и еще какой-то экипажъ, доселѣ мною не виданный.— А это что? — Это кабріолетъ.—Кабріолетъ!— радостно воскликнулъ я;—а когда ты, Катя, поѣдешь на немъ кататься? — Онъ поломанъ, его еще надо поправить.

Въ конюшнѣ я позабылъ о тяжеломъ запретѣ, постигшемъ меня въ заключеніе прогулки въ саду; но теперь меня ждалъ новый тягчайшій ударъ.

Возвращаясь домой, сестра сказала мнѣ:— ни въ садъ, ни на дворъ ты никогда не долженъ выходить безъ позволенія, надо всегда спроситься.

— Прощай грибы, не видать ягодъ въ лѣсу! да и кабріолетъ сломанъ,—со слезами въ горлѣ подумалъ я.

XIII.

На лѣтнихъ кондиціяхъ.

Я перешелъ изъ 4-го класса въ 5-й. У меня было два знакомыхъ гимназиста, изъ приходящихъ, первыхъ классовъ; знакомство завязалось потому, что ихъ семья жила въ томъ же домѣ, гдѣ квартировала матушка. Такъ какъ я шелъ въ гимназіи хорошо, то родители моихъ знакомыхъ, видимо, дорожили моимъ знакомствомъ и часто звали къ себѣ обѣдать. Только что кончились экзамены, какъ отецъ моихъ пріятелей пришелъ къ матушкѣ и сталъ просить ее отпустить меня къ нему на лѣто, подавая неясныя обѣщанія, что за занятія съ дѣтьми я не останусь безъ благодарности. Матушка охотно согласилась, а я былъ даже и очень радъ. До сихъ поръ лѣто я обыкновенно проводилъ у Одинцовыхъ; тамъ было довольно таки скучно; къ тому же меня допекали занятіями иностранными языками; по обыкнове-

нію въ теченіе года въ гимназіи я опять все забывалъ.

Поѣздка предстояла за 60 верстъ, въ пошехонскій уѣздъ, и дорога шла черезъ Поземовскій лѣсъ,—ужъ одно это было очень интересно. Поземовскій лѣсъ въ нашей сторонѣ имѣлъ такую же громкую репутацію, какъ по всей Россіи страшные Брянскіе и Муромскіе лѣса. Въ тѣ времена разговоры о разбойникахъ, грабившихъ по дорогамъ, были очень популярны не только въ народной массѣ, но даже и среди болѣе образованныхъ классовъ. Было ли то отголоскомъ временъ давно минувшихъ, или отраженіемъ реальной дѣйствительности, не берусь судить. Иногда толки о разбойникахъ занимали чуть не все общество и принимали чисто фантастическіе размѣры. Такъ, помнится въ 1855 году, Вологда была взволнована слухами объ угрожавшемъ ей нашествіи какого-то разбойника Рамзая съ 200 молодцовъ. Не было того дома, гдѣ бы не говорили о Рамзаѣ,—откуда онъ взялся, и кто такой былъ, конечно, никто не зналъ, но ждали его ежеминутно, на ночь запирались накрѣпко. И было чего бояться. — У Рамзая 200 человѣкъ,—сорви-голова, всѣ съ ружьями, хорошо еще, что, говорятъ, пушекъ нѣтъ. Его по пятамъ преслѣдовалъ цѣлый батальонъ, полагали, что онъ идетъ на Ярославль, а онъ взялъ да и свернулъ въ сторону и теперь прямо идетъ на Вологду; гдѣ его по снѣгамъ догнать сол-

датамъ, когда онъ на лыжахъ; а въ Вологдѣ какъ разъ солдатъ-то и нѣтъ.—Этотъ, напримѣръ, разговоръ я самъ слышалъ, какъ вели два гувернера въ пансіонѣ. Конечно, были и скептики, которые, посмѣиваясь, говорили, что, вѣроятно, гдѣ-нибудь большой колоколъ льютъ, но ихъ голоса тонули въ массѣ перепуганнаго населенія. Когда бывало вечерами въ пансіонѣ надоѣстъ распѣвать «То ли дѣло жизнь студента» или «Вечерній звонъ, вечерній звонъ», то разговоры о разбойникахъ были одними изъ излюбленныхъ, при чемъ Поземовскій лѣсъ зачастую былъ ареною ихъ подвиговъ. Тамъ, на половинѣ дороги находился постоялый дворъ, и сколько купцовъ лишились тутъ не только капитала, но и самой жизни!

— Вотъ, братцы, разъ Бурлевъ поѣхалъ въ Пошехонье на ярмарку, постоялаго двора не миновать. Извѣстное дѣло, ѣдетъ купецъ на ярмарку, значитъ, при немъ должны быть деньги; къ тому же всѣ знали, что Бурлевъ любитъ порядочно выпить. Только и Бурлевъ былъ не дуракъ, ѣхалъ онъ съ приказчикомъ, и у обоихъ было по двуствольному пистолету. Пріѣхалъ Бурлевъ на постоялый дворъ, не раздѣваясь, спрашиваетъ самоваръ, а самъ достаетъ закуску и бутылку съ водкой; только, можетъ быть, на его счастье, пробка выскочила, и въ бутылкѣ оказалось сухо. Бурлевъ спросилъ было водки у хозяина.—«Извините, ваше степенство, какъ на грѣхъ вся вышла, вотъ завтра

будетъ, нарочно послалъ работника въ городъ привезти ведерко». — Ну, дѣлать нечего; напились чаю и завалились спать. Только Бурлевъ не спитъ, хоть для видимости и похрапываетъ, а самъ все прислушивается. Окно во дворъ было неплотно притворено, вотъ онъ и слышитъ, какъ хозяинъ говоритъ работнику:— «Какъ станутъ, братецъ, подниматься, ты и бѣги на смольную, скажи Ивану, что, молъ, купецъ ѣдетъ, да и съ деньгами».—А въ лѣсу-то была избенка, и тамъ жилъ старикъ, будто смолу гонитъ, а у него все бѣглые проживали. Стариченко былъ заодно съ хозяиномъ постоялаго двора; тоже не всякаго проѣзжаго грабили, а съ разборомъ, на кого укажетъ хозяинъ. Работникъ ушелъ спать на другую половину, хозяинъ тоже легъ и скоро захрапѣлъ. Бурлевъ далъ ему хорошенько разоспаться да и толкнулъ приказчика; потихоньку встали и разомъ кинулись на хозяина. — «Пошевелись только, — говоритъ Бурлевъ,— какъ собаку пристрѣлю», а былъ, братцы мои, Бурлевъ мужичина здоровеннѣйшій. Ну, живо скрутили хозяина; потомъ пошли на другую половину и тоже продѣлали съ работникомъ. —«Теперь надо однимъ духомъ собираться, ступай запрягать лошадей».—А самъ приподнялъ подполицу, посмотрѣть, не запрятанъ ли тамъ кто-нибудь. Какъ освѣтитъ подполицу, а тамъ видимо невидимо всякихъ шубъ, мѣста чаю, тюки товаровъ, иконы въ дорогихъ окладахъ,

чего только тамъ не было. Вдругъ, смотритъ, въ одномъ углу прижалась старушонка.

— Ты тутъ чего, старая вѣдьма, дѣлаешь?— закричалъ Бурлевъ.

Та вся трясется, да въ ноги ему.

— Отецъ родной, спаси ты меня, который годъ ужъ сижу въ этой тьмѣ кромѣшной.

— Ну, вылѣзай; какъ ты сюда попала къ этимъ разбойникамъ?

— Шла я, батюшка, съ богомолья, пристала, попросилась переночевать; да вотъ третій годъ меня и не пущаютъ, заставляютъ работать, а какъ чуть что-нибудь задумаютъ, такъ первымъ дѣломъ запираютъ въ подполицу..

Тутъ старуха опять въ ноги.

— Спаситель ты мой, возьми ты меня, довези до города!

Лошади были готовы, и Бурлевъ уѣхалъ, захвативъ и старуху.

Въ городѣ Бурлевъ объявилъ все начальству; налетѣлъ становой; однако содержатель двора выкрутился, только становой съ тѣхъ поръ шибко разбогатѣлъ.

Такихъ разсказовъ, да еще съ болѣе драматической обстановкой, циркулировала масса.

Нашъ переѣздъ совершился самымъ обыкновеннымъ образомъ. Изъ города выѣхали рано утромъ, чтобы къ ночи быть въ Картузинѣ. Въ тарантасъ помѣстилась сожительница Пѣганина съ старшими дѣтьми и я, на подводѣ

ѣхали малыши съ нянькой и прислуга. По времени въѣхали въ лѣсъ, который тянулся безъ перерыва на нѣсколько десятковъ верстъ; дорога въ лѣсу большею частью шла мостовинною гатью, а потому приходилось ѣхать шагомъ. Долго ѣхали, пока не добрались до постоялаго двора, гдѣ остановились, чтобы покормить лошадей и самимъ напиться чаю.

Содержатель двора, плотный приземистый мужикъ, встрѣтилъ семью Пѣганина, какъ старыхъ знакомыхъ; но всѣ однако, особенно дѣти, не выходили изъ двора ни на шагъ, а при тарантасѣ и подводѣ по очереди оставался или кучеръ, или работникъ, что ѣхалъ на подводѣ. За чаемъ не было и слѣда того оживленія, которое обыкновенно бываетъ при остановкахъ въ дорогѣ; всѣ сидѣли молча, или въ случаѣ надобности говорили въ полголоса; у всѣхъ, видимо, была одна мысль,— какъ бы отсюда поскорѣе выбраться. Сколько припоминаю, самый рискованный переѣздъ предстоялъ еще впереди. Несмотря на половину іюня, только и рѣчи было, что надо поторапливаться, чтобы за-свѣтло доѣхать до Картузина, потому остановка продолжалась ровно столько, чтобы закусить и напиться чаю. Когда двинулись далѣе, была ли то игра настроеннаго воображенія, или на самомъ дѣлѣ такъ, только лѣсъ казался все выше, гуще и мрачнѣе; разговоры совсѣмъ прекратились, всѣ внимательно всматривались въ чащу лѣса. Такъ

продолжалось часа два, пока лѣсъ не кончился, и мы не выѣхали въ обыкновенныя жилыя мѣста.

А теперь, какъ мнѣ говорили, отъ Поземовскаго лѣса не осталось мѣстами и пеньковъ.

Помѣщикъ, у котораго я поселился, былъ человѣкъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ виду плотный, съ короткой, толстой шеей, лицомъ нѣсколько оплывшимъ, сѣрыми въ узкихъ орбитахъ глазами. Въ молодости онъ служилъ въ уланахъ; за какую-то исторію долженъ былъ выйти въ отставку и только благодаря заступничеству Великаго Князя Михаила Павловича отдѣлался такъ дешево. Имѣніе у него было небольшое, около 80 душъ, все барщинныхъ. По его словамъ, онъ принялъ его въ самомъ разстроенномъ состояніи, крестьяне были «пьяница на пьяницѣ», «нищій на нищемъ»; въ рѣдкомъ дворѣ имѣлась корова и не во всякомъ лошадь; но, когда я жилъ у Пѣганина, менѣе двухъ коровъ ни у кого не было, у многихъ по парѣ лошадей и при томъ хорошихъ лошадей. Барское хозяйство было образцовое по урожайности. Запашка велась не пропорціонально большая, такъ какъ Пѣганинъ нисколько не стѣснялся закономъ о трехдневной барщинѣ. У него была большая семья, но, кажется, долговъ на имѣніи не имѣлось. Какъ его личное благосостояніе, такъ и зажиточность крестьянъ—все это держалось на без-

пощадной жестокости Пѣганина. Если, напримѣръ, онъ находилъ, что въ такомъ-то дворѣ должно быть двѣ лошади, то крестьянинъ обязывался къ извѣстному сроку обзавестись второй лошадью. Не заведена лошадь — розги и новый срокъ, и т. д., пока воля барина не была приведена въ исполненіе.

— Теперь, баринъ, не то, что прежде,—разсказывалъ мнѣ одинъ старикъ дворовый,—ухъ, какой былъ крутой съ молоду.—И однако рѣдкій день проходилъ, чтобы онъ не побилъ кого-нибудь, всѣ подходили къ нему со страхомъ, а издали завидя, старались какъ-нибудь миновать встрѣчи съ нимъ. Онъ имѣлъ незаконную семью; его сожительница, изъ крѣпостныхъ, несмотря на то, что внѣшнимъ образомъ была поставлена въ положеніе жены, въ присутствіи его всегда имѣла видъ точно сейчасъ провинившейся.

Пѣганинъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы вывести дѣтей въ люди, и еще при жизни, сдѣлкою съ своими родными, постарался обезпечить ихъ матеріальное будущее. За обѣдомъ, въ добромъ расположеніи духа, Пѣганинъ, бывало, шутитъ, а онъ былъ человѣкъ не безъ остроумія; но всѣ сидятъ, какъ-то боязно поглядывая, только отвѣчаютъ, а отъ себя рѣдко кто слово вымолвитъ. Но вотъ Пѣганинъ, бывало, поведетъ какъ-то бровями, толстыя складки на лбу покраснѣютъ, и всѣ затихнутъ, стараясь даже ложкой не задѣвать

тарелки; въ такія минуты я, человѣкъ сторонній, которому нечего было опасаться, готовъ былъ провалиться сквозь полъ.

Но пребываніе въ Картузинѣ оставило у у меня еще и другія воспоминанія, также шедшія въ разрѣзъ со всѣмъ, что я зналъ и слышалъ. Была тогда Крымская кампанія; Пѣганинъ получалъ газеты. Я ловилъ, гдѣ только можно, всякія извѣстія о ходѣ севастопольской осады, и мнѣ да, думается, и всѣмъ тогда въ Вологдѣ и въ голову не приходила мысль, что Севастополь когда-нибудь можетъ быть взятъ. Разъ сидѣли мы съ Пѣганинымъ на балконѣ; пришла почта; онъ быстро просмотрѣлъ газеты и сообщилъ мнѣ, что отбитъ штурмъ (іюльскій). Я, конечно, выразилъ величайшую радость.—А все-же Севастополь будетъ взятъ,—замѣтилъ Пѣганинъ.—Какъ взятъ? —воскликнулъ я въ крайнемъ удивленіи.— Очень просто, всякая осажденная крѣпость, по правиламъ военнаго искусства, должна быть взята, если ее не освободитъ армія; а русская армія не можетъ освободить Севастополь, потому рано или поздно онъ и будетъ взятъ. —А если бы живъ былъ Николай Павловичъ, неужели Севастополь то же былъ бы взятъ?— И при Николаѣ Павловичѣ Севастополь не устоялъ бы,—замѣтилъ Пѣганинъ.

Не помню лѣта, такъ скучно проведеннаго, какъ въ Картузинѣ. Окончивъ занятія съ дѣтьми, я рѣшительно не зналъ, что съ

собой дѣлать; книгъ у Пѣганина не было, а у меня уже былъ развитъ интересъ къ чтенію. Развлеченій никакихъ тоже не было, ни катанья въ лодкѣ, ни верхомъ. Оставалось только по грибы ходить (къ счастію лѣто въ этомъ отношеніи было урожайное) да утѣшать себя мыслью, что кое-что заработаю. А всякая копейка была очень кстати, — у матушки были долги по лавкамъ, требовавшіе настоятельной уплаты.

Какъ ни медленно тянулось лѣто, все-же кончилось; вся семья тронулась въ обратный путь; на этотъ разъ съ нами ѣхалъ самъ Пѣганинъ, и какъ-то о страхахъ переѣзда не было и разговора. Однако Пѣганинъ захватилъ съ собой ружье.

Пѣганинъ отблагодарилъ матушку — преподнесъ ей 20 фун. пшеничной муки, на томъ мой гонораръ и закончился.

XIV.

Сборы и отъѣздъ въ университетъ.

Пока я былъ въ первыхъ классахъ гимназіи, у меня была только одна мечта—какъ-бы поскорѣе добраться до пятаго класса и выйти въ юнкера. Съ ранняго дѣтства я слыхалъ отъ матушки категорическій завѣтъ отца, чтобы я «не носилъ пера за ухомъ», а непремѣнно шелъ по его дорогѣ, т. е. по военной. Матушка умѣла хорошо разсказывать и ужъ, Богъ знаетъ, на основаніи какихъ источниковъ, очень часто, особенно въ длинные зимніе вечера, рисовала мнѣ увлекательные картины кадетской жизни. Не столько, вѣроятно, въ исполненіе завѣта отца, а скорѣе, чтобы облегчить мнѣ карьеру, она, въ свое время, подала, куда слѣдуетъ, прошеніе о принятіи меня въ какой-то сиротскій корпусъ. Долго не было никакого отвѣта; только съ чѣмъ-то

черезъ годъ затребовали какія-то бумаги; и опять никакого отвѣта; казалось, что изъ этихъ хлопотъ ничего не выйдетъ. Вотъ тогда-то, при дѣятельномъ содѣйствіи стариковъ Одинцовыхъ, я и былъ занесенъ въ кандидаты на счетъ дворянства въ пансіонъ при гимназіи. Когда это состоялось, пришла опять бумага изъ Петербурга, изъ которой видно было, что я могъ быть принятъ въ корпусъ, только требовался еще какой-то документъ. Но, разъ я былъ пристроенъ, матушкѣ, несмотря на всѣ соблазны военной карьеры, не захотѣлось разставаться со мной, а что касается до моей будущности, то имѣлось въ виду, что я, примѣрно изъ 5 класса, могу поступить въ юнкера; вотъ почему впослѣдствіи, перейдя въ 4 классъ, я и заявилъ, что не желаю учиться латинскому языку, который тогда былъ необязателенъ (см. Русское Богатство 1901 г. № 6 «Воспоминанія о гимназіи 50-хъ годовъ»). Но въ пятомъ классѣ оказалось неожиданное препятствіе — стипендіаты не могли по собственному желанію покидать гимназіи, такъ какъ со стипендіею связывалось обязательство сколько то лѣтъ отслужить въ губерніи, если получавшій ее не шелъ въ высшія учебныя заведенія. Это препятствіе не только разстраивало всѣ мои планы, но и прямо шло въ разрѣзъ съ моимъ настроеніемъ. Была Крымская кампанія; всѣ, даже дѣти, пылали воинственнымъ жаромъ, а я

особенно. Еще въ четвертомъ классѣ я перечиталъ почти всего Михайловскаго-Данилевскаго, усердно изучалъ какой-то курсъ артиллеріи капитана Силича и ходилъ съ нимъ къ собору, гдѣ валялась старая чугунная пушка безъ ушковъ, по преданію казненная Иваномъ Грознымъ. Правда, былъ еще выходъ, но у меня по молодости лѣтъ не хватило на него ни смѣлости, ни догадливости. Въ одинъ прекрасный день, помнится, четверо изъ пансіонеровъ, отпущенныхъ домой на воскресенье, скрылись; ни у родныхъ, ни у знакомыхъ ихъ не оказалось. Однако, черезъ нѣсколько дней бѣглецы были розысканы въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Вологды; оказалось, что они бѣжали, чтобы поступить въ армію. Въ числѣ ихъ былъ и стипендіатъ С. Посудили-порядили начальство и родители и отпустили молодыхъ людей согласно ихъ желанію. Между тѣмъ, скоро и война кончилась. Пятый и шестой классы я проходилъ, совсѣмъ не задавая себѣ вопроса, куда направлюсь по окончаніи гимназіи. Но вотъ явился новый директоръ, А. В. Латышевъ, онъ обратилъ на меня вниманіе и сталъ поощрять во мнѣ мысль объ университетѣ; по времени и нѣкоторые изъ товарищей юристовъ тоже стали подумывать объ университетѣ. Но гдѣ достать средства не только для прохожденія курса, но даже чтобы отправиться въ Петербургъ? Была у меня тетка, жившая въ монастырѣ и считавшаяся богатой

(это богатство, какъ потомъ оказалось, не превышало пяти тыс. руб. серебромъ). Едва она заслышала о моихъ планахъ, какъ начала горячо протестовать. Хотя ни у меня, ни у матушки и въ помышленіи не было просить помощи у тетки, она однако, видимо, опасалась, какъ-бы я не сѣлъ ей на шею; потому стала настойчиво доказывать, что мнѣ всего лучше поступить на службу въ Вологдѣ.

— Не хуже его Николенька (одинъ изъ ея племянниковъ), а служитъ въ канцеляріи губернатора и получаетъ 10 руб. въ мѣсяцъ; и Лонгинъ можетъ года черезъ два, три получить мѣсто помощника столоначальника, а будетъ стараться, да угождать начальству, то и до столоначальника доберется (вѣнецъ желаній всякаго тогдашняго канцеляриста!).

А. В. Латышеву удалось заинтересовать во мнѣ губернскаго предводителя дворянства, и было положительно обѣщано, что я получу стипендію отъ дворянства по 300 рублей въ годъ. Но въ 58 году, когда я кончилъ курсъ, Вологду посѣтилъ Императоръ Александръ II; на пріемъ его дворянство истратило всѣ наличныя средства, и моя стипендія не состоялась. А. В. Латышевъ нашелъ однако возможность изъ какихъ-то гимназическихъ суммъ выдать мнѣ и еще одному бѣдняку товарищу по 100 рублей и кромѣ того обѣщалъ письма въ Петербургъ. Но явилась и другая неожиданная поддержка.

Въ седьмомъ классѣ я былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ однимъ приходящимъ гимназистомъ, на два курса моложе меня; его отецъ, председатель одной изъ палатъ, незадолго передъ тѣмъ былъ переведенъ изъ Петербурга. Мой пріятель много разсказывалъ о Петербургѣ, но его разсказы, главнымъ образомъ, вращались около театра, Невскаго проспекта, Пассажа.

Первые четыре класса онъ прошелъ въ Петербургѣ, помнится, во второй гимназіи. Здѣсь онъ попалъ въ такой кружокъ гимназистовъ, что на 14-мъ году уже все извѣдалъ. По времени кружокъ почувствовалъ пресыщеніе отъ кутежей, картъ и сомнительныхъ красавицъ; тогда кому-то пришла остроумная мысль заняться воровствомъ въ магазинахъ, не ради корысти, а для пріятнаго препровожденія времени; и такъ компанія изловчилась въ этомъ своеобразномъ спортѣ, что нагнала страхъ на магазинщиковъ; въ невинныхъ гимназистахъ и не подозрѣвалъ никто своихъ враговъ; полиція же просто была сбита съ толку, такъ какъ украденныя вещи нигдѣ не появлялись, — онѣ всѣ бросались въ Неву.

Его отецъ выписывалъ почти всѣ тогдашніе толстые журналы, но, кажется, мало читалъ; по крайней мѣрѣ, я очень скоро получалъ ихъ черезъ сына. Изъ беллетристики я тогда особенно увлекался Щедринымъ (печатались «Губернскіе очерки»), изъ поэтовъ Беранже; боль-

шую часть переводовъ Курочкина и Ленскаго я зналъ наизусть. Но меня не менѣе сильно заинтересовали политическая литература и экономическія статьи; мои фритредерскія идеи, которыя я упрямо исповѣдую до сего дня, идутъ еще отъ седьмого класса гимназіи.

Я часто бывалъ у моего пріятеля; мать его очень полюбила меня, а къ одной изъ сестеръ я скоро воспылалъ нѣжной страстью и пользовался взаимностью. Отца никогда не видалъ, онъ въ семьѣ держалъ себя очень своеобразно. По утрамъ всѣ были обязаны поздороваться съ нимъ, и на томъ кончались его отношенія къ семьѣ; если обѣдалъ дома, то разговаривалъ только съ самой младшей дочерью, дѣвочкой лѣтъ 8; изъ дѣтей она одна могла во всякое время являться въ его кабинетъ и оставаться тамъ сколько угодно; съ ней только одной онъ гулялъ. Такъ относился онъ послѣдовательно ко всѣмъ дѣтямъ, пока не подрасталъ имъ соперникъ; а затѣмъ какъ-будто ихъ не существовало. Вечеромъ дома никогда не оставался, такъ какъ вездѣ и всегда былъ желаннымъ гостемъ и душой общества.

Ф. С., такъ звали отца моего пріятеля, въ половинѣ лѣта 58-го года долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ.

Въ одинъ прекрасный день его жена, совсѣмъ сюрпризомъ, говоритъ мнѣ:

— Какъ вы знаете, Ф. С. ѣдетъ въ Петербургъ, и онъ согласенъ взять васъ съ собой и довести до Петербурга, даже сказалъ, что вы можете и остановиться у него, пока онъ будетъ въ Петербургѣ.

Я взялъ руку доброй женщины и горячо поцѣловалъ ее; конечно, я ей былъ обязанъ этимъ. Я спросилъ, не надо ли мнѣ представиться Ф. С. и поблагодарить его.

— Нѣтъ, Ф. С. ничего этого не любитъ; онъ сказалъ, что ѣдетъ такого-то числа, и если вы согласны принять его предложеніе, то чтобъ явились въ такомъ-то часу.

Потомъ еще сынъ добавилъ: — «Когда поѣдешь съ отцомъ, пожалуйста, ни о чемъ его не спрашивай; а при остановкахъ пить чай и закусывать, дѣлай это какъ можно скорѣе, отецъ терпѣть не можетъ никакихъ задержекъ».

Когда тетка узнала о моемъ окончательномъ рѣшеніи отправиться въ Петербургъ, то сдѣлала еще послѣднюю попытку удержать меня.

— Какъ онъ одинъ поѣдетъ въ Петербургъ, — говорила она матушкѣ; — городъ большой, а Лонгинъ и ступить въ немъ не знаетъ какъ; еще на кого натолкнется. Вотъ у Пронюшки (тоже ея племянникъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ уѣхавшій въ Педагогическій институтъ) подушку украли, бѣлье растащили, 6 руб. денегъ онъ потерялъ; а и всего-то на квартирѣ простоялъ одну недѣлю. — Это увѣ-

щаніе, конечно, ни на меня, ни на матушку не подѣйствовало.

Къ назначенному сроку я явился къ Ф. С. и сейчасъ же былъ приглашенъ къ общему обѣду. Ф. С. и тутъ себѣ не измѣнилъ, даже съ женой не обмолвился ни однимъ словомъ; не умолкая, щебетала только его любимица Аня. Обѣдъ прошелъ на парахъ, и сейчасъ же былъ поданъ тарантасъ. Я распростился съ матушкой, семьей Ф. С., усѣлся на свободное мѣсто внутри тарантаса, и мы тронулись.

Тогда уже многіе ѣздили изъ Вологды въ Петербургъ почтовымъ трактомъ только до Валдая, а затѣмъ пересаживались на Николаевскую желѣзную дорогу. Мы не ѣхали, а мчались; удивительно, что загнали только двухъ лошадей. Мой патронъ, какъ только выѣхалъ за городъ, сейчасъ же захрапѣлъ и всю дорогу спалъ, а когда просыпался, то издавалъ лишь одинъ звукъ:—«Пошелъ!»

Должно быть непривычно быстрая ѣзда сначала ошеломила меня, и я никакъ не могъ остановиться ни на одной мысли. Только-что вспомню матушку и ея послѣднія слова: «Прощай, дорогой мой»,—какъ почему-то является Одинцовъ, сердящійся, что я у него подцѣпилъ туру; не успѣю вернуть ему ее, передо мною стоитъ *она*, въ послѣдній разъ, при родителяхъ, церемонно пожимающая мнѣ руку, а у самой вотъ сейчасъ прыснутъ слезы; ни съ того, ни съ сего вспоминается какой-ни-

будь эпизодъ изъ пансіонской жизни, — точно калейдоскопъ какой-то. Но вотъ понемногу подошла ночь, и я заснулъ тѣмъ крѣпкимъ сномъ, какимъ спится лишь въ юности. На другой день, какъ только проснулся, первое чувство, охватившее меня, было чувство одиночества; я сразу понялъ, что съ прошлой жизнью уже все покончено; всѣ лица, которыя мнѣ были дороги и близки, стали точно другими. Матушка, конечно, никогда не перестанетъ меня такъ же горячо любить, какъ любила до сихъ поръ; но вѣдь ея нѣтъ подлѣ меня, и когда-то я увижу ея доброе, все въ глубокихъ морщинахъ лицо? А та, которая послѣ матушки занимала первое мѣсто въ моемъ сердцѣ, а можетъ быть даже и совсѣмъ первое, вынесетъ ли неопредѣленные годы разлуки? Въ неизмѣнности моихъ собственныхъ чувствъ къ ней я ни на одно мгновеніе не сомнѣвался ни прежде, ни всего менѣе теперь. Но сохранитъ ли она меня въ своемъ сердцѣ? Ради чего? На этотъ вопросъ я и самъ не находилъ, что отвѣтить. До сихъ поръ я крѣпко держался за свое чувство къ ней, страшился, что она можетъ разлюбить меня, но реальный исходъ, если иногда и представлялся мнѣ, то въ какомъ-то совсѣмъ неопредѣленномъ пространствѣ и времени. И прежде всего потому, что своего собственнаго будущаго не только прежде, но и теперь я никакъ не могъ себѣ представить. Самый Петербургъ во всѣхъ отношеніяхъ яв-

лялся чѣмъ-то безъ начала и конца; даже, что такое университетъ, я никакъ не въ силахъ былъ вообразить. Я зналъ фамиліи многихъ профессоровъ, даже читалъ ихъ статьи, нѣкоторыя изъ нихъ произвели на меня сильное впечатлѣніе. Почему-то изъ всѣхъ возможныхъ карьеръ мнѣ всего обольстильнѣе представлялась карьера профессора, но вѣдь это ужасно трудно, потому что профессоръ, профессоръ это... человѣкъ совсѣмъ особеннаго рода.

Черезъ два дня, позднимъ вечеромъ, подъѣхали мы къ какой-то станціи Николаевской желѣзной дороги и должны были нѣкоторое время ожидать поѣзда. Я многое зналъ для моего возраста, но реальный міръ ограничивался для меня Вологдой. Радостно привѣтствуя начавшуюся тогда у насъ постройку желѣзныхъ дорогъ, я однако о нихъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія, а потому теперь и почувствовалъ себя точно въ совершенно незнакомомъ лѣсу. Ф. С. спросилъ:— «Вы никогда не видали желѣзной дороги?»—Никогда.—«Вотъ это рельсы, подъ ними шпалы, тамъ стоятъ вагоны, ихъ повезетъ паровозъ»,—и на томъ закончилъ свои объясненія.

Наконецъ, поѣздъ былъ поданъ, мы усѣлись въ вагонъ. Вотъ раздался рѣзкій свистокъ, многіе начали креститься, — поѣздъ тронулся; на минуту всѣ разговоры смолкли; и тѣмъ рѣзче поразили мой слухъ непонятное пыхтѣнье паровоза и стукъ колесъ о рельсы. Было совер-

шенно темно. Ф. С. сейчасъ же захрапѣлъ. Я еще нѣкоторое время съ любопытствомъ осматривался среди совсѣмъ новой для меня обстановки, но, видя, что всѣ спятъ, послѣдовалъ общему примѣру.

Разбудилъ меня Ф. С. — Пойдемте въ буфетъ чай пить. — Какая это была станція, не знаю, но только послѣ Вологды она поразила меня своей грандіозностью и роскошной обстановкой; а главное, сколько тутъ было народу! Да у Спаса (такъ называется всеградская церковь въ Вологдѣ) столько не бываетъ въ большой праздникъ, подумалъ я. — Вы что пьете, чай или кофе? прервалъ мои наблюденія рѣзкій голосъ Ф. С.—Все равно.—Подать двѣ порціи кофе. Въ кофе я ничего не понималъ, но къ нему подали какія-то совсѣмъ невиданныя булочки, а главное такія вкусныя! Я все-таки продолжалъ свои наблюденія; было много военныхъ, даже одинъ генералъ; на него, къ моему удивленію, никто не обращалъ особеннаго вниманія. А у насъ въ Вологдѣ, когда ѣдетъ Кобелевъ (генералъ), такъ всѣ изъ воротъ выбѣгутъ, чтобъ посмотрѣть на него. Офицеры тоже остановили на себѣ мое вниманіе, они держались совсѣмъ не такъ важно, какъ тѣ, которые иногда пріѣзжали въ Вологду. (Офицеры гарнизоннаго батальона напротивъ всегда имѣли очень жалкій видъ, и съ ними даже уличные мальчишки не особенно стѣснялись). Отъ офицеровъ перешелъ къ дамамъ; Боже мой, какія

тутъ оказались красавицы! Но не успѣлъ я на нихъ достаточно насмотрѣться, какъ мелькнула синяя фуражка и такой же воротникъ на сюртукѣ. Студентъ! вотъ счастливецъ, подумалъ я. Студентъ весело болталъ съ какой-то барышней и старушкой въ дорожномъ чепцѣ. Какъ старушка похожа на мою матушку; что-то она теперь дѣлаетъ? вѣроятно, давно истопила печку и за чаемъ не разъ залилась слезами.—Ну, теперь пойдемте,—сказалъ Ф. С.

Замелькали какіе-то столбы, и только путемъ большого напряженія мысли я заподозрилъ, что это должно быть телеграфъ. Повидимому, близился Петербургъ, и Ф. С. неожиданно для меня завелъ со мной такую рѣчь.—Вотъ теперь передъ вами открывается новая жизнь, все ваше будущее зависитъ отъ васъ самихъ; будете работать—пробьете себѣ дорогу. Сколько молодыхъ людей, которые чуть не пѣшкомъ пришли въ Петербургъ, потомъ сдѣлали прекрасную карьеру, достигли высшихъ государственныхъ должностей и все только благодаря тому, что работали и работали. А, кстати, у васъ есть родные въ Петербургѣ?—Нѣтъ. — Знакомые? — Тоже нѣтъ.—Гдѣ же вы думаете остановиться?—Этотъ вопросъ совсѣмъ огорошилъ меня и изъ мечтательно сентиментальнаго настроенія разомъ перенесъ въ міръ реальной дѣйствительности. — Да, гдѣ-нибудь, въ гостинницѣ, отвѣтилъ я, понявъ, что расчетъ на Ф. С. нужно отнести къ области не-

сбывшихся надеждъ.—Впрочемъ, у меня есть одинъ родственникъ въ Петербургѣ — И. А. Введенскій. — А гдѣ онъ живетъ?—Не знаю.— Кто же онъ такой?—Онъ каждый годъ приплываетъ изъ Вологды въ Петербургъ съ хлѣбомъ и овсомъ.—Такъ онъ, вѣроятно, живетъ гдѣ-нибудь на Калашниковской пристани, вы туда и поѣзжайте.

Между тѣмъ поѣздъ остановился.

— Ну, вотъ мы и въ Петербургѣ. Когда устроитесь, заходите, я остановлюсь въ гостинницѣ Москва. Прощайте; съ этими словами подалъ мнѣ руку и поспѣшно вышелъ изъ вагона, что я объясняю тѣмъ, что у меня въ рукѣ осталась небольшая сумма.

Всѣ стали выходить, вмѣстѣ съ другими вышелъ и я. Опять поразила меня необъятная масса людей на платформѣ; всѣ куда-то спѣшатъ; иные почему-то обнимаются. Меня толкаютъ со всѣхъ сторонъ, задѣваютъ вещами и подчасъ довольно чувствительно. Не зная, куда направиться, двигаюсь за толпой, которая скоро и вынесла меня на внутренній дворъ станціи, гдѣ стояли извозчики. Крикъ, гамъ, ругань извозчиковъ совершенно оглушили меня; со страхомъ я видѣлъ, какъ они набрасывались на пассажировъ, выхватывали у нихъ вещи, чуть не въ драку вступали между собой.

Не успѣлъ я оглядѣться, какъ нѣсколько человѣкъ подскочило ко мнѣ; я всѣми силами держу свой небольшой узелокъ и подушку.

Злоключенія Пронюшки у меня были въ памяти.—Со мной, баринъ, со мной!

— А знаешь, гдѣ живетъ И. А. Введенскій,— обратился я къ тому, у котораго тутъ же стояла лошадь. — Знаю, баринъ, знаю, пожалуйте. Я поспѣшилъ сѣсть на «гитару», но рѣшительно недоумѣвалъ, какъ мы выберемся изъ этого ада.

Однако выбрались, должно быть, на Знаменскую площадь. Прежде всего меня поразило, что дома все каменные и идутъ всплошную; потомъ масса людей, двигающаяся во всѣхъ направленіяхъ, и при томъ всѣ спѣшатъ, точно на пожаръ. А экипажей-то, экипажей сколько!—Куда, баринъ, прикажете ѣхать, оборачивается ко мнѣ извозчикъ.—Къ И. А. Введенскому, я же тебѣ сказалъ.—А гдѣ онъ живетъ?—Да, вѣдь, ты говорилъ, что знаешь, гдѣ онъ живетъ.—Нѣтъ, что-то такого не слыхалъ.— Поѣзжай на Калашниковскую пристань.

Куда-то повернули; я возвращаюсь къ своимъ уличнымъ наблюденіямъ. Народу стало попадаться менѣе, и я сейчасъ же сдѣлалъ остроумное заключеніе, что, вѣроятно, въ церкви большой праздникъ, потому на площади и было такъ много народу и экипажей. — А кто же такой будетъ И. А.?—по времени спросилъ меня извозчикъ.—Онъ хлѣбомъ торгуетъ, у него свои барки, онъ изъ Вологды съ ними приплылъ. — Такъ, я думаю, намъ надо ѣхать на биржу, сказалъ, подумавши извозчикъ; тамъ его скорѣе найдемъ; право такъ.—Ну, поѣзжай

на биржу.—Повернули назадъ и опять очутились на Знаменской площади. То же движеніе, я продолжаю свои наблюденія, и меня особенно поражаетъ крайнее разнообразіе толпы. Какихъ людей только не ѣдетъ, не идетъ.—Что это? да это И. А. идетъ, онъ, онъ!—И. А.!! закричалъ я во всю мочь. Онъ повернулся, я кинулся къ нему.—Да, какъ ты, Лонгинъ, меня замѣтилъ...

Оказалось, что онъ жилъ на Гороховой, въ домѣ Ларіонова, куда я и направился.

Фриманъ, Э. Сравнительная политика и единство исторіи. Ц. 2 р. 50 к
Исторія и теорія статистики. Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ дополн. проф. Янсона. Ц. 2 р.
Дарестъ, Р. Изслѣдованія по исторіи права. Пер. съ франц. Ц 2 р. 50 к.
Зайцевъ, В. Древняя исторія Востока. Ц. 2 р. **Его-же.** Древняя исторія Запада. Т. I. Эллинская эпоха. Ц. 4 р.
Джеббъ, Р. Гомеръ. (Введеніе къ Иліадѣ и Одиссеѣ). Ц 1 р. 50 к.
Платонъ. Апологія Сократа, Критонъ. Ц. 50 к.
Модестовъ, В. Лекціи по исторіи римской литературы. Ц. 5 р.
Тацитъ, К. Сочиненія: Т. I. Агрикола. Германія. Исторіи. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Лѣтописи. Разговоръ объ ораторахъ. Ц. 3 р. 50 к. Пер. В. И. Модестова.
Апулей. Золотой оселъ. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к., вел. 2 р. 50 к.
Мюллеръ, А История Ислама съ основ. до новѣйшихъ временъ. Ц. 10 р.
Куглеръ, Б. Исторія крестовыхъ походовъ. Съ рис. и картами. Ц. 3 р.
Додю, Г. Исторія монархическихъ учрежденій въ Латино-Іерусалимскомъ королевствѣ (1099—1291). Пер. съ франц. Ц. 2 р. 50 к.
Сорель, А. Европа и французская революція. Цѣна за I и II тт. 6 р., за III и IV тт. 5 р. 50 к.
Наказъ Ея Императорскаго Величества Екатерины Вторыя. На русскомъ и французскомъ языкахъ. Ц. 3 р., велен. 5 р.
Монтескье. Персидскія письма. Ц. 2 р. 50 к.
Лесажъ. Исторія Жиль Блаза де Сантильяна. Ц. 2 р. 50 к.
Бобржинскій, М. Очеркъ исторіи Польши. Цѣна за оба тома 5 р. 50 к.
Ждановъ, Ив. Русскій былевой эпосъ Изслѣдованія и матеріалы. Ц. 5 р
Бѣловъ, Е. Русская исторія до реформы Петра Великаго. Ц. 3 р.
Майковъ, Л. Н. Пушкинъ. Ц. 1 р. 50 к., веленев. 2 р. 50 к., **Его-же.** Историко-литературные очерки. Ц. 2 р.
Мануиловъ, А. Аренда земли въ Ирландіи. Ц. 2 р. 50 к.
Куторга, М. С. Собраніе сочиненій. 2 тт. Ц. 9 р.
Минаевъ, И. П. Очерки Цейлона и Индіи. 2 чч. Ц. 2 р. 50 к.
Сѣрошевскій, В. На краю лѣсовъ. Съ иллюстр. Ц. 1 р. 25 к.
Діонео. На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири. Ц. 1 р. 50 к.
Мерцаловъ, А. Е. Вологодская старина. Ц. 1 р.
Шереръ, В. Исторія нѣмецкой литературы. Цѣна за оба тома 5 р. 50 к., отдѣльно по 3 р. за томъ.
Кенетъ Грээмъ. Золотой возрастъ. Ц. 75 к. **Его-же.** Дни грезъ. Ц. 75 к.
Вотье. Мѣстное управленіе въ Англіи Пер. съ фр. В. Водовозова. Ц. 2 р.
Фонъ-Шаккъ, А. Ф. Исторія норманновъ въ Сициліи. Ц. 2 р. 50 к.
Лазарилло изъ Тормеза Пер. съ испанск. Ц. 75 к.
Могра. Послѣдніе дни одного общества. Пер. съ фр. Ц. 3 р.
Спенсеръ, Г. Основныя начала. Пер. съ англ. Ц. 2 р.
Штраусъ, Давидъ. Ульрихъ ф. Гуттенъ. Ц. 3 р.
Поль Луи Курье. Сочиненія. Политическіе памфлеты. Ц. 2 р.
Нидерле. Люди въ доисторическую эпоху. Ц. 5 р.
Тенъ-Бринкъ. Шекспиръ. Пер. Н. И. Вейнберга. Ц. 75 к.
Сеайль. Леонардо да-Винчи. Пер. съ франц. Ц. 2 р.

Недавно вышедшія изданія Л. Ф. ПАНТЕЛѢЕВА.

Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. 3 тт. Ц. 8 р.
Ларра. Общественные очерки Испаніи. Пер. М. В. Ватсонъ. Ц. 2 р. 50 к.
Левесъ. Женскіе типы Шекспира. Пер. съ нѣм. Ц. 2 р.
Метенъ. Соціализмъ въ Англіи. Пер. съ франц. Ц. 1 р. 50 к.
Рейбо. Жеромъ Патюро въ поискахъ соціальнаго положенія. Ц. 1 р. 25 к.
Паскаль. Письма о морали и политикѣ іезуитовъ. Ц. 2 р.
Генри Джорджъ. Прогрессъ и бѣдность. Ц. 2 р.
Его же. Запутавшійся философъ. Разборъ мнѣній Г. Спенсера по земельному вопросу въ связи съ его синтетической философіей. Ц. 1 р. 50 к.
Риголэкъ. Соціологія Конта. Ц. 2 р. 50 к.
Бельшовскій. Жизнь Гете. Пер. п. ред. П. И. Вейнберга. Т. I. Ц. 2 р. 50 к.
П. Л. Болье. Новыя англо саксонскія общества. Австралія и Новая Зеландія. Южная Африка (нѣсколько главъ посвящено Трансваалю). Ц. 2 р.
Бернштейнъ. Общественное движеніе въ Англіи XVII вѣка и квакеры. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к.
Ибервегъ-Гейнце. Исторія новой философіи. Изд. 2-ое. Ц. 6 р.
Лихтенбергъ. Афоризмы. Пер. съ нѣм. Н. М. Соколова. Ц. 1 р. 50 к.
Дриль, Д. Ссылка во Франціи и Россіи. Ц. 1 р.
Ланге, Ф. А. Исторія матеріализма. 2-ое изд. Ц. 1 р. 50 к.
Елпатьевскій, С. Разсказы и очерки. Ц. 1 р. 50 к.
Бойезенъ, Гіальмаръ. „Фаустъ" Гете. Комментарій къ поэмѣ. Ц. 1 р. 50 к.
Бартъ, Пауль. Философія исторіи какъ соціологія. Ч. I. Ц. 1 р. 75 к.
Кохъ, М. Исторія нѣмецкой литературы. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 25 к.
Грегоровіусъ, Ф. Исторія города Аѳинъ въ средніе вѣка. 2 тт. Ц. 3 р. 50 к.
Тома, Э. Римъ и Имперія въ первые два вѣка новой эры Ц. 1 р. 50 к.
Бецольдъ. Исторія реформаціи въ Германіи. 2 тт. Ц. 5 р. 50 к.
Гаусратъ, А. Средневѣковые реформаторы. Пер. съ нѣм. подъ ред. Э. Л. Радлова. Т. I. Абеляръ. Арнольдъ Брешіанскій. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Арнольдисты. Вальденцы. Францискъ Ассизскій. Вѣчное Евангеліе. Сегарелли. Дольчино. Ц. 2 р.
Штернъ, Альфредъ. Исторія революціи въ Англіи. Пер. съ нѣм. Ц. 2 р.
Морганъ, Л. Г. Первобытное общество, съ пред. М. М. Ковалевскаго. Ц. 3 р.
Монтескье. О Духѣ Законовъ, съ пред. М. М. Ковалевскаго. Ц. 4 р.
Прокоповичъ, С. Н. Къ критикѣ Маркса. Ц. 1 р. 50 к.
Генри де Уокеръ. Развитіе австралійской демократіи. Ц. 1 р. 80 к.
Мижуевъ, П. Г. Великій расколъ англо-саксонской расы. Американская революція. Ц. 1 р. 25 к.
Бутру, Эмиль. Паскаль, пер. съ франц. Ц. 80 к.
Старке, К. Н. Первобытная семья, ея возникновеніе и развитіе. Ц. 1 р. 60 к.
Рибо. Опытъ изслѣдованія творческаго воображенія. Пер. съ фр. Ц. 80 к.
Рескинъ, Джонъ. Прогулки по Флоренціи. Пер. А. Герцыкъ. Ц. 60 к.
Филипповичъ, Евг. Основанія Политическ. экономіи. Пер. съ нѣм. Ц. 3 р.
Дауденъ, Эд. Исторія французской литературы. Ц. 1 р. 50 к.
Игнатовичъ, И. И. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. Ц. 1 р.
Вундтъ. Система философіи. Ц. 3 р.
Мякотинъ, В. А. Изъ исторіи русскаго общества. Этюды и очерки. Ц. 2 р.

Печатаются и готовятся къ печати:

Ибервегъ-Гейнце. Исторія древней философіи. — Исторія средневѣковой философіи.—Исторія философіи у славянскихъ народовъ въ обработкѣ Я. Н. Колубовскаго

Складъ всѣхъ изданій Л. Ф. Пантелѣева въ книжныхъ магазинахъ Н. Н. Карбасникова.


B000977605



